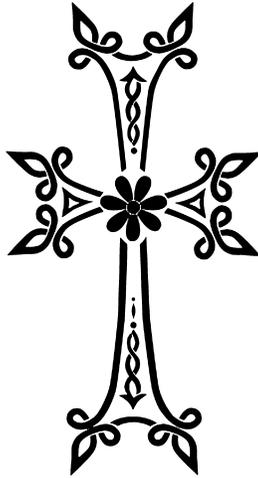

Путь к океану

Работая над первой частью книги на борту «Киликии», я ни на миг не забывал, что путевые заметки — жанр не только литературный, но и исторический. Официально признано, что первым профессиональным путешественником в мире был древнегреческий историк Геродот, известный нам еще со школьной скамьи, как «отец истории». При жизни его чаще называли «ученым-путешественником», написавшим знаменитую книгу «История греко-персидских войн». Кстати, Геродот бывал везде, где проходил маршрут «Киликии»: Средиземное море со многими его островами, Черное море, Крым. И не случайно, что его величали не только «отцом истории», но и «отцом географии». Геродот обошел весь мир, который для его современников (V век до н. э.) состоял из трех стран света: Европы, Азии и Ливии, то бишь Африки. Сам «отец истории и географии», объездив весь «свой» мир, написал с удивлением: «Я, впрочем, не понимаю, почему единой земле даны три разные названия?!» Всю эту триединую страну он описывал с придирчивой тщательностью, останавливаясь на таких аспектах, как «разнообразие и диковинность обычаев чужеземного мира». То есть речь идет не только об истории, но и об этнографии и других науках.

Обо всем этом я пишу вовсе не всуе. Дело в том, что «отец истории», по утверждениям исследователей его жизни и творчества, представлял действительность «иногда и вымышленную». Однако при этом ни Геродот, ни другой древнегреческий историк и географ Страбон, ни историки Средневековья своими «вымыслами» даже мизинцем не задевали правду. Подобное впечатление создавалось от авторского толкования и комментариев при описании фактов и событий. Геродот-путешественник, собирая материалы и сведения, оставался не только ученым-историком, но и, так сказать, беллетристом. Ибо, встречаясь с очевидцами и участниками исторических событий, предметом своего исследования сделал живого человека, своего современника.

Геродот одним из первых определил, что путешествие само по себе — это наука, которая переделывает человека, делает его строгим как к себе, так и к другим. Многие столетия спустя Альбер Камю, вторя первому путешественнику мира, сказал: «Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя». Не случайно кто-то из путешественников-философов готов был на борту своего транспортного средства написать девиз: «Если человек в путешествии остается неизменным — это плохое путешествие». Примеров, подтверждающих верность этого девиза, просто-таки великое множество. Вспомним хотя бы о знаменитом Фрэнсисе Дрейке.

Исторические экспурсы, связанные с путешествиями, я делаю вовсе не для того, чтобы проводить какие-то параллели с нашим временем или с плаванием на «Киликии». Более всего меня волнует в каждом отдельном случае цель. Она, как правило, была у всех путешественников. И цели были разные, равно как и сами путешественники. Прав был Аристотель, который, изучив тему Цели, пришел к выводу, что у всякого человека в отдельности и у всех вместе есть «известная цель». Но я думаю, все, что связано с «Киликией», можно определить не столько понятием «цель», сколько понятием «необходимость». Это, пожалуй, две стороны одной медали. Не случайно Цицерон вывел куда более четкую формулу: «Не только целесообразно, но и необходимо».

Думаю, сказанное им можно отнести и к «Киликии», которая завершила первый этап плавания, преследуя высокую цель: непременно выйти в океан и пройти по одному из самых опасных его участков — Бискайскому заливу. И это было не столь целесообразно, сколь необходимо.

Шесть месяцев экипаж «Киликии» не видел своего судна, которое ровно столько же не видело своих друзей и соратников. Нас крепко связывали именно дружба и борьба за жизнь, за преодоление нескончаемо долгих миль семи морей. Безусловно, добрый и добротный парусник скучал не менее нашего.

Правда, «Киликии» не давали скучать многочисленные туристы Венеции, которые при посещении острова-музея Святого Лазаря в обязательном порядке осматривали судно — копию древних киликийских парусников, ставшую неожиданно главным экспонатом.

И вот, наконец, после долгой разлуки состоялась встреча друзей-соратников. «Киликию» перегнали с причала острова Святого Лазаря в яхт-клуб в местечке Фузина, где сначала выгрузили двадцать тонн балласта (чугунные чушки), а затем с

помощью мощного крана подняли судно на стропях (широкие ремни-ленты) и держали на весу до утра следующего дня. Весь корпус ниже ватерлинии оброс густой бородой из водорослей и ракушек, которую пришлось «сбрить» мощной струей воды под сильным напором. На следующий день «Киликию» поставили на специальные подпорки и закрепили так, чтобы она ненароком не повалилась набок. И пошла-поехала привычная работа по заделыванию щелей между досками обшивки. А у «Киликии» общая длина всех этих зазоров примерно равна периметру футбольного поля.

За оставшиеся несколько дней до выхода в море нам надо было успеть привести в порядок еще и самую нижнюю палубу судна — деревянный настил (пайола), под которым сложены чугунные кирпичи балласта. Под настилом всегда накапливается вода, которую приходится регулярно откачивать. Абсолютное большинство столярных работ, можно сказать, день и ночь проводил Гурген Арутюнян, который упорно называл себя не плотником, не столяром, а исключительно краснодеревщиком. В период подготовки к первому этапу экспедиции Гурген также проделал огромную работу. Сам он, кстати, не принимает участия в плавании, хотя помогал, помогает и, надеемся, будет нам помогать впредь, как истый айасовец (член клуба «Айас»).

Мы ждем, когда из Москвы на грузовом автомобиле доставят новую рею — двадцатиметровую поперечную балку, к которой крепится большой парус. «Киликия» получит обнову, о которой мы с ней так долго мечтали. После «бритья бороды» корпуса судна, да еще с новой реей и новым большим парусом, у нас будет довольно приличная скорость. Однако это уже другая тема и другой разговор. Как говорится, поживем — увидим.

* * *

Девятое мая 2005 года. Утро выдалось прохладное с непрекращающимся вот уже целую неделю северным ветром. Небо заволочило грозowymi тучами. К полудню ждем из Рима посла Армении в Италии Рубена Шугаряна. В четыре часа состоится торжественное поднятие итальянского и армянского флагов, а также традиционная церемония старта. Накануне «Киликия» вышла из яхтклуба Фузины, где были завершены все подготовительные работы, и медленно направилась привычной своей походкой, вразвалку, к острову Святого Лазаря. Вместе с отцом Егия мы стояли на симпатичном причале острова и любовались тем, как, покачивая своими черными бортами, медленно приближа-

ется родное нашему сердцу судно. Брошенный с борта причальный конец аббайр Егия принял довольно ловко. «Киликия» расположилась на том же самом месте, где провела долгую зимовку.

Чувствовалось, что у всех на душе праздник. Я не мог не заметить, как, гордые своей причастностью к серьезности момента, наши новенькие — юные матросы Гайк Садоян и Ваагн Матевосян — стараются как можно четче и даже красивее выполнять довольно сложные причальные работы. Сложность заключалась в том, что надо пристать не к твердому и жесткому бетонному берегу, а к стоящим в воде трем качающимся деревянным сваям, напоминающим гигантские карандаши.

Время было обеденное. Новоиспеченный кок Самвел Саркисян доложил экипажу, что обед у него готов. Услышав это, глава мхитаристов сказал: «Стол у нас уже накрыт на всех. Так что милости просим, что называется, прямо с корабля — на бал».

* * *

После обеда всем экипажем, как и в прошлом году, отправились в музейные залы острова. В последние дни мы с отцом Егия, Кареном Балаяном, Самвелом Карапетяном и Ариком Назаряном довольно бурно обсуждали вопрос о судьбе сокровищ не только музея Ордена мхитаристов в Венеции, но и его органичных звеньев, находящихся в Вене и других городах мира. В канун старта по моей просьбе режиссер Арег Назарян и оператор Самвел Бабасян взяли за съемки общих планов и конкретных экспонатов, представляющих национальные и, как принято нынче говорить, общечеловеческие ценности. Их, конечно, охраняют государства, в которых они находятся, и мы за это безмерно им благодарны. Однако, как говорится, истина конкретна. И в данном конкретном случае речь идет о дальнейшей судьбе шедевров, многие из которых существуют в единственном экземпляре, равно как и о судьбе самой конгрегации мхитаристов. В графике маршрута «Киликии» не было Триеста. Однако мы твердо намерены посетить его и там отснять на пленку армянскую церковь, помещение армянской школы и здание, где хранились бесценные предметы старины, разграбленные около двухсот лет назад.

* * *

Ох уж эти расставания! Неописуемое чувство! Сердце радостно бьется в груди от сознания того, что наконец выходим в море, что наконец станем опять одним целым, словно некий

сплав «Киликии» и ее команды. Но другая сторона медали — расставание. Это ведь не какая-нибудь остановка поезда дальнего следования, когда выходишь на перрон, обозреваешь окрест, покупаешь свежую газету и с легким сердцем едешь дальше. Это — остров Святого Лазаря с не похожими ни на кого из земель островитянами, с которыми ты ел, пил, спорил до хрипоты и понял, что Родине нужно служить каждый день, всю жизнь.

Готовимся к последнему обеду. Ждем прибытия к нам из Рима посла Армении Рубена Шугаряна. Без него никак нельзя провести этот наш обряд. Как-никак имеем дело с государственным флагом и с государственным гимном. Рубен рассчитал время довольно точно: прибыл на остров ровно за час до обеда. Знаком я с ним давно. Это было в марте 1993 года, когда указом первого Президента Армении Левона Тер-Петросяна Шугаряна назначили послом Армении в Вашингтоне. Время тогда было военное, фронтовое, тяжелое. Шли ожесточенные бои в Арцахе. Тогда второй спикер палаты лордов Великобритании леди Керолайн Кокс организовала программную миссию по странам Европы и Америки, в которую включила и меня. И вот встречаемся с Шугаряном на стартовой «площадке» второго этапа экспедиции «Киликия»: плавание по семи морям».

* * *

Карен Балаян дал команду: «Форма одежды — темно-синий «Гоар» с длинными рукавами и штормовка». Следует, конечно, пояснить читателю, что это за форма такая. Дело в том, что бывший генеральный директор объединения «Гарун», бывший народный депутат СССР Гоар Енокян предложила свою посильную помощь экспедиции «Киликия». И сшила всей команде по паре тельняшек: с черно-белыми полосами, темно-синие (с короткими и длинными рукавами) и просто белые с короткими рукавами. На каждом экземпляре — логотип «Киликии». Все ребята также получили по шапочке с козырьком и все с тем же логотипом, заменяющим кокарду. Вот и решил капитан назвать эти формы «Гоар» по имени хозяйки фабрики «Гарун».

Команда выстроилась у левого борта в носовой части судна. Все волнуется. Я абсолютно уверен, волновалась и наша «Киликия». Представьте себе: у причала стоит армянское судно, построенное по миниатюрам киликийских армян, чуть поодаль, буквально в нескольких метрах от судна, возвышается на пьедестале бронзовая фигура Мхитара Себастаци с простертыми руками. С одной стороны — Венецианская лагуна, об-

рамленная силуэтами плоских и островерхих домов, с другой возвышается здание Ордена мхитаристов с высоким куполом церкви, за которой могилы просветителей армянского народа. Звучит гимн Армении, и взвивается к небу армянский триколор. Это же так здорово!

Через минуту известный в Италии благотворитель, друг армянского народа, как он сам себя называет, Карло Травазан поднял свой национальный символ. Еще через минуту я поднял государственный флаг Нагорно-Карабахской Республики. А вскоре в небо взвилось еще и несколько киликийских флагов, и все они вместе, ровно и упруго вытянувшись по ветру, трепетали на самой верхотуре мачты.

В своей речи Рубен Шугарян отметил, что «Киликия» по ходу своего плавания решает множество чрезвычайно важных вопросов. Это и контакты с соотечественниками и местным населением, и встречи в портах, и пропаганда сегодняшней Армении, о которой во многих местах мало что знают. Это и спорт, и многое другое. Карен Балаян поблагодарил братство мхитаристов, лично аббайра Егия за все, что было сделано на протяжении шести месяцев.

После всего этого аббайр Егия и святой отец Арен вместе освятили второй этап плавания.

И мы вышли в море. Поистине, не бывает полного счастья: рею все-таки не успели нам доставить. Подвели нас здорово. Хотя надо признаться, что во всем виноваты мы сами.

Хочу сделать небольшое лирическое отступление. Многие годы назад узнал я одну древнеримскую притчу, и она запала мне в душу. Говорят, притчу эту, как живой пример, приводят профессора на занятиях по римскому праву.

Судили хлебопека за убийство. Приговорили к смертной казни. Казнили. Вскоре выяснилось, что бедный хлебопек ни в чем не был виноват. Загудела, зашумела общественность Рима. Сенат принял решение: во всех судах ввести в штат сотрудника с громким голосом и вменять ему в обязанность произносить всего одну фразу перед началом судебного разбирательства. Как только судьи входят в зал и все встают, этот человек должен стать лицом к судьям и громко произнести: «Помните о хлебопек!»

Вот и нам не следует ничего забывать. При любой ситуации, схожей с доставкой новой реи, двух рулевых весел и огромного количества такелажа, одному из нас следовало бы подниматься на верхнюю палубу и громко произносить: «Помните о рее!»

* * *

Кажется, свершилось: мы успели. «Киликия», порядком уже возмужавшее наше детище, отошла от пристани острова Святого Лазаря и взяла курс на восток — на Триест. От берега нас отделяет уже несколько кабельтовых. Казалось бы, надо думать о завтрашнем дне. Надо смотреть вперед: есть ведь такая романтическая вахта на кораблях — впередсмотрящий. Однако я оглядываюсь на корму. Всеми мыслями и всем сердцем еще пребываю там, на острове Святого Лазаря.

Неустанно смотрю назад и ищу в мутной дымке на горизонте темные контуры «армянского» острова. Там я оставил свое сердце. Целую неделю, день и ночь беседовал с главой ордена мхитаристов аббайром Егия. Мой вопрос: «Как спасти все это богатство?» ничуть не удивил его. Он даже не переспросил: мол, а что, собственно, надо спасать? Он хорошо помнил наши беседы еще шестимесячной давности. Понимал, что речь идет, по большому счету, о шедеврах мировой и национальной культуры, о бесценных армянских рукописях, в том числе об уникальном экспонате — Евангелии царицы Млке VI–VII века, о полотнах Ивана (Ованеса) Айвазовского и других гениев кисти, о саркофаге с египетской мумией, которой около трех с половиной тысяч лет.

* * *

Еще за неделю до старта своими тревожными мыслями о судьбе бесценных памятников старины я поделился с ребятами. Они тоже не раз задумывались над этим. Да и как тут не задуматься, как не тревожиться при виде тысяч и тысяч армянских манускриптов, среди которых, как я уже говорил, великое множество уникальных?! Поневоле задаешься естественным вопросом: «А что, если случится беда?» Орден мхитаристов рано или поздно может просто зачахнуть. Из истории мы знаем, ценою каких титанических усилий стоило основателю ордена Мхитару Себастиани созданию просветительских школ, не говоря уже о подготовке кадров. Теперь наступили иные времена. Бывшие некогда гордостью мхитаристов (будь то на острове Святого Лазаря или в Вене) современные мощные типографии нынче уже практически никому не нужны. Их заменили компьютеры, принтеры, а книгопечатание стало широко распространенным бизнесом. А ведь было время, когда на этом крохотном острове армянские подвижники-просветители, создавшие, по сути, целый научно-исследовательский институт, за короткий промежуток времени издали сотни названий книг

на разных языках. Только в 1882 году подготовили и выпустили в свет на тридцати шести (!) языках книгу Нерсеса Шнорали «Изложение веры» («Аватов хостованим»). Более двухсот лет назад здесь увидела свет трехтомная история Армении Микаела Чамчяна, которая так и называлась: «История Армении с начала мироздания до года Господня 1784». До сих пор среди ученых пользуются популярностью выпущенные на острове разноязычные научные, исторические, искусствоведческие монографии и учебники, а также цветные географические карты, репродукции уникальных армянских миниатюр и даже почтовые марки.

И все это находится здесь, стоит на полках, прямо под рукой, перед глазами. Многие книги — в единственном экземпляре. Вывозить ничего нельзя — ни одной книжки, ни одной странички. Ни с острова Святого Лазаря, ни из резиденции Венского ордена мхитаристов, где собраны шедевры культуры, количество которых ничуть не меньше, чем в хранилищах манускриптов Еревана, Иерусалима, острова Святого Лазаря. Значит, надо найти другой выход из создавшегося поистине трагического положения.

Аббайр Егия Килахпян считает: первое — необходимо срочно снять копии с многих экспонатов (это — цифровая фотокопия, ксерокс, сканирование и прочие технические премудрости), причем, как минимум, в двух экземплярах. Необходимо также подготовить к печати альбомы, включающие все без исключения (!) живописные полотна, экспонируемые в бесчисленных залах музея острова. И второе, — это дальнейшая судьба экспонатов музеев острова Святого Лазаря и Вены. Кстати, в одной только библиотеке венского монастыря насчитывается 120 тысяч книг на армянском языке и десять тысяч книг по истории Армении на иностранных языках. По дороге в Венецию я остановился в Вене, где почти весь световой день провел в монастырском комплексе мхитаристов. С блокнотом в руке обходил залы картинной галереи, матенадарана, хранилища старых газетных подшивок, ковров, скульптур, посмертных масок, видел мумию египетской женщины и кошки, о возрасте которых можно смело говорить, не боясь быть уличенным в бестактности: более четырех тысяч лет. Надо было слышать, с какой тревогой рассказывал об удивительных экспонатах музея глава Венского ордена отец Погос, не скрывающий чувства беспокойства за будущее творений, без которых армянская культура была бы неполной.

* * *

В музеях острова Святого Лазаря, Венеции и Вены собраны не просто предметы старины, древние рукописи, шедевры культуры, но и философские идеи. Не о подвижничестве ли армянских собирателей рукописей и, в первую очередь, мхитаристов писал философ Альфред Норт Уайтхед: «Думая, мы живем. Вот почему собрание философских идей есть нечто большее, чем исследование специалиста. Оно формирует нам тип цивилизации».

Как же спасти бесценные экспонаты музеев ордена мхитаристов и других хранилищ? Вопрос чрезвычайно важный, имеющий свои сложности. К примеру, многие в образе, скажем, Мхитара Себастиани видят лишь католика, а не титана просвещения. Когда великий армянский языковед, академик Грачья Ачарян говорит о том, что «имя Мхитара яркой звездой сияет на небосклоне Армении», то он имеет в виду не религиозные взгляды основателя ордена, а исторический подвиг человека-борца, создавшего в тяжелую для родины годину спасительную Академию и Энциклопедию. Именно поэтому в вопросе о дальнейшей судьбе национальных богатств, собранных на протяжении трехсот лет Мхитаром и его сподвижниками, надо избавиться от всего того, что может помешать его эффективному решению.

* * *

Соблюдая традицию путешественников, я обязан представить читателю членов экипажа «Киликии». Из прежнего состава команды во втором этапе участвуют десять человек: Карен Балаян — капитан; Самвел Карапетян — капитан-наставник; Арег Назарян — помощник капитана, начальник вахты; Армен Назарян — начальник вахты, электронщик, связист; Гайк Бадалян — начальник вахты, моторист; Карен Даниелян — матрос, ответственный за пиар; Самвел Бабасян — матрос, телеоператор; Геворг Григорян — врач, матрос; Мушег Барсегиан — матрос и я — матрос, летописец. О четверых новеньких, по традиции, расскажу подробнее...

Как это было перед первым этапом плавания, я попросил каждого новенького написать о себе полстранички. Опять же согласно традиции, решил представлять их по мере поступления текстов. Первым передал мне свою автобиографию юноша из Севана (теперь у нас уже два севанца) Ваагн Матевосян. Я понимаю, почерки бывают разные: каллиграфия, каракули, бисер... Бывают еще врачебные почерки, в которых не разо-

брался бы даже сам Гиппократ. Но вот почерк Ваагна — это нечто особенное. Нечто среднее между арабской вязью и китайскими иероглифами. Я вернул объективку юному яхтсмену и попросил написать так, чтобы можно было прочитать хотя бы ему самому. И чтобы не тратить попусту время, я решил начать с Григора Бегларяна, которого, по логике вещей, трудно назвать новеньким. Вот что он пишет о себе:

«Родился в Ереване в 1964 году в самом начале самой длинной ночи в году — 22 декабря. В четыре года получил в подарок глобус, который и решил мою дальнейшую судьбу. Нетрудно догадаться, что в тот счастливый для меня день я решил стать географом». К своему призванию, правда, Григор шел окольными путями. Окончил филологический факультет Университета. В 1985 году стал членом клуба «Айас». Есть в его автобиографии громкая, пышная фраза, которая вызывает умиление: «Работал в Академии наук Армении, в Министерстве иностранных дел Армении, потом создал свой бизнес по картографии».

И все-таки детский тот глобус сделал свое дело: Григору удалось опубликовать тридцать карт Армении и мира, несколько географических атласов на армянском языке. Именно из-за страсти к географии друзья по «Айасу» его прозвали Картографом.

Однако, забегая вперед, скажу, что войдет он в историю «Киликии» как боцман.

Самвел Саркисян — кок. Его рекомендовал Армен Назарян, что уже само по себе весомый аргумент. Текст автобиографии нашего нового кока хотелось бы привести здесь практически без изменений: «Самвел Саркисян, сын Шаварша Саркисяна, родился 5 сентября 1946 года в Ереване. Окончил школу, потом — электротехнический техникум. Служил на Балтийском флоте. Плавал на большом морозильном рыболовецком траулере с портом приписки в Таллине. В 24 года вернулся на родину. Поступил на кибернетический факультет Ереванского политехнического института. Женится. Дочь — Мари, сын — Давид, внук — Александр. Жена Рузанна — домохозяйка, автор многих кулинарных рецептов. Юность пришлась на шестидесятые, когда все мечтали стать космонавтами, геологами, полярниками. А вот меня тянуло на такие парусные суда, как «Товарищ», «Седов». Служил на малом противолодочном корабле. Сломал ногу. Списали на берег. И все равно меня тянуло в море...» Убежден, его кулинарными способностями будут довольны «старенькие» и новенькие члены экипажа.

Впрочем, поживем — увидим.

Гайк Садоян. Он отметил и свое отчество тоже: Багратович. И правильно сделал. Баграт Садоян — один из почетных членов экипажа «Киликии». Был одним из основателей клуба «Айас». Принимал активное участие в строительстве судна. Участвовал в Карабахском движении и в Арцахской войне. Вскоре тяжело заболел и умер в 1998 году, в год, когда сын окончил школу. Гайк, как он пишет в автобиографии, «с детства занимался моделированием кораблей». Тогда же отец возил его в клуб «Айас», а также в поселок Масис, где завершалось строительство «Киликии». Окончил архитектурный институт. Служил в армии. Уже успел спроектировать маленькую гостиницу в карабахском селе Меликашене, а также несколько сельских клубов.

Крохотную автобиографию Гайк завершил фразой: «Я снова на «Киликии!» Можно, думаю, понять юношу, который был включен в список членов экипажа в первую очередь потому, что он сын Баграта Садояна. Таким образом, Садоян-младший претворяет в жизнь мечту Садояна-старшего.

Ваагн Матевосян. Родился в 1984 году в городе Севане. Учился в севанской школе. Там же окончил государственный колледж. Однако ни о какой специальности, кроме занятий парусным спортом, и думать не хочет. С одиннадцати лет вместе со своим закадычным другом Мушегом Барсегином занимается парусным спортом и плаванием. Владелец огромного количества спортивных призов. Помнится, мы с Ариком Назаряном еще в Ереване, просматривая список новеньких, обратили внимание именно на тот факт, что юного Ваагна настоятельно рекомендовал капитану юный Мушег. Это ведь тоже довольно весомый аргумент. Весь экипаж хорошо знает Мушега с его знаменитым «чувством паруса», с его работоспособностью, ловкостью и мастерством. Ко всему этому можно добавить и чувство долга, которое у Мушега ярко выражено. Это значит, что он не мог рекомендовать, по сути, себе напарника, если бы сомневался в нем. Но здесь тоже добавим: поживем — увидим.

* * *

Не успели выйти в море, а уже думаем о двух расстояниях: сколько прошли от точки старта, от острова Святого Лазаря, и сколько осталось до... Речь идет о двух портах. Это Лондон (Портсмут) и Амстердам. Где зимовать? Решать дилемму нам придется не на финише, а по ходу путешествия. И чем раньше, тем лучше. Мы уже знаем, что такое зимовка парусного судна.

Однако мысли заняты не только стартом и финишем. Я лично думаю (обязан думать) о моем читателе. Как любил повторять немецкий философ Освальд Шпенглер, главное не в том, захотят ли тебя читать, а в том, захотят ли понимать тебя. Не случайно, что мне, не успевшему выйти в море, приходится думать и о будущей моей книге.

Разумеется, второй этап экспедиции «Киликии» есть продолжение первого, однако каждый новый день не будет повторением предыдущего. В прошлый раз мы убедились, что ни один восход, ни один заход солнца не похож на то, что было накануне. Это подтверждают кадры, снятые Самвелом Бабасяном, которого мы уже прозвали «певцом восходов и закатов». В море, несмотря на кажущееся однообразие, особенно когда не видно берегов, можно наблюдать новизну и необычность во всем: в красках горизонта, в поверхности моря, в цвете пены морских «барашков», в поведении судна и членов экипажа, в каждом из которых всегда открывается нечто новое.

* * *

Постепенно наполняется и разбухает первая моя записная книжка. Думаю, теперь у меня не будет проблемы с потерей блокнотов. Моя дочь Сусанна подарила мне (я даже не знаю, как называется эта штука) нечто, похожее на черную торбу, которая привязывается к животу. На ней есть несколько отсеков-сумочек, куда можно поместить записную книжку, ручки, очки и мобильные телефоны. Мне, единственному на борту, приходится день и ночь держать при себе два сотовых аппарата: один — с армянским номером (роуминг), другой — с местным. Как и в прошлом году, в каждом регионе у меня должна быть местная телефонная карточка. Иначе многочисленные контакты с внешним миром нам обойдутся слишком дорого.

Пока на горизонте появятся контуры первого порта — Триеста, я должен разобраться в записях первого блокнота и перепечатать оттуда на машинке все нужное, помня о том, что когда-нибудь, особенно во время работы над книгой, может понадобиться и «ненужное» тоже. Ведь человек просто так ничего не записывает.

Вот, к примеру, запись, сделанная в первые часы путешествия, когда мы уже вышли из Венецианского залива: «Кажется, я понял, почему во время этого плавания, или, точнее, во время моего пребывания на борту «Киликии», невольно ударяюсь в воспоминания. Дело, наверное, в том, что само судно олицетво-

рсят собой прошлое, а потому осязаемо чувствуешь себя на месте своих предков. Я где-то вычитал, что туристы, осматривающие комнаты-лабиринты древних замков, ощущают себя постаревшими на сотни лет. Им кажется, будто машина времени вернула их вглубь веков. В такие минуты становишься другим. Прошлое для тебя будто становится осязаемым и конкретным».

Зачем нужна была такая запись в блокноте во время путешествия, да еще на самом старте? Ведь и впрямь ничего случайного на свете не бывает. Значит, есть некая закономерность в том, что в музее ты бываешь другим, нежели вне его; на борту «Киликии» посещают иные мысли, нежели за ее бортом. И если сама «Киликия» — олицетворение древности, отчетливо слышимое эхо прошлого, то вполне естественно, что мы живем, думаем, мыслим и чувствуем так, как жили, думали, мыслили и чувствовали восемьсот лет назад наши предки. И если верна формула «Чего не знаешь, без того обходишься», то не случайно мы обходимся без прошлого тогда, когда его не знаем. А это уже опасно для будущего.

Наши новенькие только-только успели устроиться на судне. Они еще не знают, как оно ведет себя на белом гребне высокой волны, протяжно поскрипывая во время качки. Но они уже понимают, что здесь, в море, они, с одной стороны, абсолютно независимы, а с другой, — рабы ситуации. Такое чувство ощущали мы во время первого этапа. Только в экстремальных условиях постигаешь истину, что никогда нельзя говорить о независимости, ибо в любом месте, будь то своя или чужая страна, всегда человек зависим не только от окружающих людей, но и от тех, кто давно уже превратился в прах. И, конечно, мы просто обязаны знать и помнить, что от наших дел, от нашего поведения зависит будущее наших детей и внуков, нашей страны, нашей планеты. Может, следовало бы посадить на такие суденышки, как «Киликия», всех тех, от кого в той или иной степени зависит наше будущее, будущее наших потомков?! Каждое государство напоминает корабль в океане, а каждый народ — его экипаж. И давайте представим, что же произойдет, если в открытом океане экипаж во имя светлой цели, светлого будущего, светлых идей начнет бунтовать.

* * *

Пора приступить к своим прямым обязанностям. В конце концов, мы вновь уже на судне и в море. В блокнот записал наблюдение: «Можно сказать, резко очерчена граница между

водами залива и самого Адриатического моря. Мутный, сероватый цвет постепенно становится голубоватым, а потом неожиданно, точно волшебник взмахнул кистью, на наших глазах смешиваются свинцовые, серебристые, темно-синие краски, которые образуют новый, доселе неведомый цвет. Трудно определить этот цвет из-за крутых и пологих волн».

Во время первого этапа плавания я, помнится, пристально наблюдал не только за экипажем и морем, но, может, в первую очередь — за судном. Тогда я ничуть не задумывался над его прочностью. Но вот сейчас, после того как деревянная ладья полгода неподвижно простояла в воде, когда ее, двадцатитонную (без балласта и нашего груза), на ремнях подняли на берег, изрядно помяв ребра-обшивку, есть о чем подумать. О состоянии нашего парусника мы узнаем спустя недели и месяцы, хотя, верю, он непременно доберется до дома, до Севана.

* * *

Я наблюдаю за одним человеком на судне. Его не было в официальном списке экипажа. Собственно, и не будет. Это Арам Салатян. Родом из Алеппо, где он родился в 1963-м. Предки киликийские. Сам он учился сначала в Алеппо, потом — в Дамаске. По окончании школы был принят на подготовительный курс Ленинградского политехнического института, который окончил в 1988 году. Получил диплом инженера систем автоматического управления. Окончил Университет штата Огайо (США). Живет и работает в Остине (Техас). Есть у Арама, как он говорит, святая мечта: чтобы в Армении каждый инженер, специалист в области электронных технологий непременно освоил язык программирования более высокого уровня — графическое программирование. Кстати, начало им уже положено. Техасская фирма, которую Арам представляет, организовала на базе Ереванского политехнического института специальный класс, оснащенный современным оборудованием, где учатся студенты и проходят курсы повышения квалификации инженеры.

В 2001 году он познакомился с Кареном Балаяном. И уже нетрудно догадаться, что произошло дальше, особенно если учесть, что Арам является членом одного из популярных яхтенных клубов в Техасе и регулярно вместе со своими коллегами выходит в воды как Атлантики, так и Тихого океана. Вскоре он стал членом клуба «Айас», и ему посчастливилось собственными глазами увидеть спуск «Киликий» на севанскую воду.

Воистину перст Божий: на борту «Киликии» — потомок исконных киликийцев, представитель армянского спюрка, гражданин США.

Я наблюдаю за Арамом — настоящим атлетом, довольно быстро вошедшим в ритм жизни экипажа. Четко и со знанием дела выполняет он команды капитана во время аврала. С сожалением думаю о том, что пройдет всего несколько дней, и Арам сойдет на берег. Это будет порт Бари, расположенный чуть выше (севернее) «пятки» Апеннинского «сапога».

* * *

Мы часто повторяли, что живем или стараемся жить жизнью наших предков — киликийских мореходов. Речь идет об образе жизни, даже об образе мыслей, о питании, поведении. Я понимаю: нелепо выглядит член экипажа, одетый в старинные национальные одежды, который прогуливается по городу мимо иномарок экстракласса с плотно прижатым к уху сотовым телефоном. Правда, тараз мы надеваем очень редко, да и то, как правило, на берегу. Что же касается сотового телефона, то он не работает в открытом море. Только в прибрежных водах. И все же часто можно обнаружить сходство с образом жизни предков. Вот и сегодня: так далеко ушли в море, что не видно берегов. Достаточно взглянуть на миниатюрный экран телефона и прочесть информацию об отсутствии связи, чтобы определить расстояние до ближайшего берега. Около сорока миль — это примерно семьдесят пять километров.

Кругом не видно ни единого корабля. Нет связи и по радио. Не работает газовая плита. Уже в море выяснилось, что резьба газового редуктора не совпадает с плитой, то есть нет ни газа, ни электричества, есть лишь двенадцативольтовые розетки для зарядки сотовых телефонов и ночного освещения. Словом, налицо полнейшее отсутствие цивилизации. Обеспокоенный кок задумывается: как выйти из положения? Нашим предкам было куда легче, у них на многих судах имелась печь из жженого кирпича.

В энциклопедическом словаре «Спюрк» (мировая армянская диаспора) в главе «Италия» ничего не говорится о Триесте. И немудрено: это только сегодня он называется административным центром провинции Триест и области Фриули — Венеция — Джулия. Еще в средние века за этот довольно крупный торговый порт непрерывно шла ожесточенная борьба между различными государствами. С XIV века он чаще находился под властью Австрии. Лишь после Первой мировой войны по Сен-Жерменскому

договору 1919 года Триест отошел к Италии. Во время Второй мировой войны находился под оккупацией Германии. Но и после войны не было мира под небом Триеста. До 1947 года он управлялся англо-американскими властями. После — в течение семи лет, вплоть до 1954 года — представлял собой так называемую Свободную территорию Триест, которую контролировали все те же англо-американские власти. В 1954 году город Триест и территорию к западу от него передали Италии, а к востоку от него — Югославии. Но и тогда не прекращались споры, особенно в связи с границей, которая проходила чуть ли не по черте города. Лишь через двадцать лет, в 1975 году, была установлена окончательная граница по итало-югославскому договору (сейчас, конечно, речь уже идет не о Югославии, а о Словении).

Я дал эту историческую справку вовсе не случайно. В пору могущества Киликийского государства в Триесте обустраивались первые армяне. Это были киликийские купцы, которые занимались торговлей не только в Венецианской республике, но и в Австрии. До наполеоновских военных походов в Европе армянская община успешно развивалась: имелись школа, очаги культуры, церковь. А в это время недалеко от Триеста на знакомом нам острове Святого Лазаря после смерти великого просветителя Мхитара Себастиани от ордена отпочковалась его часть, которая стала так называемой самостоятельной единицей.

Как пишет Саркис Месоян, в 1773 году вардапет Аствацатур Бабилян и Минас Гаспарян отделились от основного братства и обосновались в Триесте. Дела у них на первых порах шли хорошо. Вскоре приобрели участок земли. Построили монастырь, который трудно представить без матенадарана (музея манускриптов).

Мы приближаемся к Триесту. По нашим расчетам, прибудем туда к полуночи. Час назад Самвел Бабасян, крепко держась за румпель рулевого весла, наклонив голову, чтобы защититься от холодного и колючего ветра, попросил меня организовать посещение места съемки. Ему заранее хотелось изучить, по его словам, объект со всех сторон. Я еще и сам толком не знаю, что собой представляет этот самый объект. Вычитал только у Месояна, что там есть школа (здание школы) и церковь. Остальное можно, думается, разузнать на месте. В книге об истории Орден мхитаристов «Малая Армения в Европе» автор пишет о том, что в короткие сроки в Триесте был построен монастырь. Известно, что монастырь успел обзавестись необходимыми кельями, учебными классами, наглядными пособиями, каковыми в

те времена являлись древние манускрипты и бесценные сокровища искусства, философии, христианской литературы. Саркис Месоян поместил в своей книге фотокопию указа Наполеона «О разрешении деятельности ордена мхитаристов как академического учреждения, 1810 год». Примечательно, что после обнаружения этого указа во многих официальных документах и научных трудах орден мхитаристов стал именоваться «Армянской академией». Казалось, указ императора распространялся не только на орден в Венеции, но и в Триесте. Опасаясь наполеоновского гнева, французские варвары пощадили здание монастыря, однако соблазн грабежа был слишком велик. Вывезли все подчистую. Осталось лишь место, где храниться сокровища армянской культуры. Самвел Бабамян собирает тщательно отнять это место как напоминание о том, что если даже христианские проповеди не действуют на людей, то что говорить об указах завоевателей. А ведь, увы, история повторяется. Не имеет значения, как — в виде фарса или трагедии. И мы, армяне, об этом знаем, как никто другой.

* * *

В Триесте нас встретил Роберто Зинджириан. Организовал он все очень четко. Время было полночное, и портовые службы разрешили нам отдохнуть без проверки документов. Все продрогли от морозного, насквозь пронизывающего ветра, хотя никто не жаловался. Моряку, плавающему на паруснике, грех жаловаться на ветер. Однако сейчас на берегу было зябко не только экипажу, но и «Киликии». Обитатели острова Святого Лазаря нам говорили, что минувшая зима выдалась то теплой, то холодной. А тут в конце весны в воздухе попахивает снегом. Вдобавок ко всему место мое расположено на сквозняке. Однако мне не спалось не от холода и вовсе не от дорогого сердцу каждого яхтсмена (пусть и холодного) ветра, а от дум об «отце отцов» Мхитаре Себастиани, который недолюбливал ленивых людей. Сам он с детства страдал от тяжелых и частых болезней. Несколько раз, случалось, был на краю гибели. Избивали его до полусмерти. Замерзал до окоченения. На пощечину человека, которого он уважал, ответил благородной сдержанностью и спокойствием. Этим человеком, кстати, оказался епископ Григор, который, преодолев собственную гордыню, не только прилюдно извинился перед Мхитаром, но и стал его другом и соратником. Преданный идее освобождения своего народа от рабства, Себастиани сознавал, что в этой борьбе не должно быть

ни нерадивых, ни демагогов, ни людей, которые стремятся к истине вяло, с ленцой, без страсти. Поразительно, что современник Мхитара Себастици французский философ Гельвеций утверждал те же идеи, что и основатель конгрегации армянских мхитаристов. «Полуполитики», говорил он, становятся врагами новых истин потому, что они ленивы и не желают напрягать свое внимание для их исследования. Все эти полуполитики, полусвященники, полухудожники, особенно полупоэты (которые убеждены, что они гении), полуграмотные специалисты (особенно врачи), но больше всего все-таки полуполитики являются, по определению Гельвеция, злодеями и полулюдьми. «Их, — пишет Гельвеций, — следует особенно остерегаться, ибо эти люди, ум которых лишен таланта, а душа — добродетели, способны на злодейство и коварство. Им только не хватает храбрости, чтобы стать крупными злодеями».

В этих вопросах Гельвеций и Себастици оказались единомышленниками. Такие люди, как Мхитар Себастици, могли выступить против конкретных полуполитиков, конкретных полусвященников, но никогда — против Армянской апостольской церкви. Читайте титанов армянского просвещения, расцвет которого пришелся на три века Киликийского царства. Они жестко критиковали конкретных священнослужителей, при этом защищая и поднимая авторитет Армянской апостольской церкви, одной из важнейших задач которой было просветительство. Самое тяжелое, самое трагическое время в истории армянского народа, когда решался вопрос «быть или не быть?», выпало на три последних века: XVIII, XIX, XX. Покажите на карте населенный пункт, целую страну или континент, которым вместе удалось бы сделать больше, чем монахам крохотного острова Святого Лазаря в Венеции и одного-единственного здания на улице Мхитаристов в столице Австрии!

* * *

Триест расположен на множестве холмов. Он чем-то напоминает мне Петропавловск-Камчатский. Одна длинная дорога-улица тянется вдоль берега, на неширокой прибрежной полосе находится центр с правительственными зданиями, научными, политическими учреждениями и организациями. Все остальное — чем дальше от берега, тем выше в гору. На одном из довольно высоких городских холмов и расположились в 1770-х годах отделившиеся от венецианского братства вардапеты. Здесь уместно небольшое отступление. Справедливости

ради надо сказать, что пережившие страшную трагедию наполеоновского нашествия члены триестского ордена мхитаристов во главе с вардапетами Аствацатуром Бабикином и Ариста-кесом Азаряном ничуть не пали духом. То, что мы сегодня имеем в Вене, — заслуга именно вышеназванных отцов Ордена и их соратников. Однако вернемся в Триест, где мы по брусчатой дороге пешком поднялись на холм. Самвелу Бабасяну помогали Гайк Бадалян и Мушег Барсемян. Уже на вершине холма подоспели к нам Карен Балаян и Арик Назарян. Сопровождавшая нас Адриана Ованесян с помощью отдельных армянских слов, итальянских фраз, но большей частью жестикологии все-таки худо-бедно поведала нам историю драмы монастыря. Наконец мы оказались на неширокой улице, которую на протяжении почти целого века называли Артарян. Однако когда армянская община вконец зачахла, власти города решили перевести на итальянский это прекрасное слово «справедливость». И нынче улица называется Джустинелли («Юстиция»). Не так просто заметить армянскую церковь. На протяжении десятилетий территория вокруг довольно тесно застраивалась домами, и она оказалась загороженной с трех сторон. Лишь с одной стороны она хорошо видна, если посмотреть на вершину холма, стоя у его подножия на проезжей части улицы. Два купола с крестами венчают церковь, которая словно вырастает из вершины отвесной скалы. Кажется, будто скала эта облицована каменными кубиками.

Церковь была закрыта. На дверях висело объявление о каком-то, ни в коей мере не связанном с религией, мероприятии, которое проводит раз в неделю арендующая церковь немецкая община Триеста. Более двух часов упрямый и придиричивый (в первую очередь к себе) Самвел Бабасян снимал церковь и ее окрестности. То влезал на забор, то неведь каким образом проникал во двор и там занимался уже деталями. Словом, выполнял (и добросовестно выполнял!) задание, которое получил в рамках акции «Киликия». Армянскую биографию имеет не только улица рядом с церковью. Чуть поодаль пролегла довольно симпатичная улица, носящая имя одного из знаменитых мхитаристов позапрошлого века — вардапета Чамчяна. И все это тоже снимал Самвел, а Арик Назарян и Гайк Бадалян фотографировали.

Во время последних съемок позвонил отец Егия и сказал, что пришло новое сообщение: наш груз дойдет до Венеции только через два дня, 13 мая.

* * *

Ждать уже не можем — график. Двенадцатого мая капитан дал команду выйти в море. Тотчас все привычно завертелось, закурилось. Надо было видеть, как стремительно (но без суеты) действовали наши молодые матросы. Момент этот всегда радостный, торжественный. От него веет праздником. Берег обычно утомляет и несколько расслабляет. Тянет в море. Хочется видеть, как поднимаются паруса.

Отошли от причала Триеста. Арик Назарян встал на корме, держа наготове свою легендарную морскую раковину, чем-то напоминающую человеческое сердце. Дождался момента, когда «Киликия» повернется носом к морю, и громко заиграл на своем перламутровом горне. Как правило, стоящие на причале суда одно за другим вторят Арику гудками. Нас провожают суда и стоящие на бортах моряки и пассажиры. Машут руками. А мы в это время с нетерпением ждем другой команды капитана. Стоит только выйти за мол, за волнорез, как Карен то громко, то тихо произносит долгожданное «Поднять паруса!». Если он говорит тихо, старший помощник капитана Арег Назарян громко вторит: «Поднять паруса!» На сей раз произошло то, чего не было за все время плавания «Киликии». После того как все заняли свои места, раздался звонок. Это был отец Егия. Узнав, что мы выходим в море, вероятно, ужасно огорчился. Дело в том, что наш незадачливый груз наконец прибыл. Если мы сейчас не вернемся и не примем на борт наши реи и рулевые весла, отцу Егия придется не только организовать переброску груза в другой порт, но и позволить кому-либо из своих вардапетов сопровождать его. Мы не услышали голоса капитана «Отбой поднятю паруса!». За него эту команду громко прокричал Арег.

Возвращаться — всегда дурная примета. Испокон веку моряки соблюдают, скажем так, традиции предков. И мы тоже стараемся не нарушать их.

Но вот раздается команда вернуться назад в порт, а это уже сложная ситуация. Выход из нее нашел наш кок. Он сказал: «В народе говорят: «Хлеб — всему голова». Значит, хлеб выше всего на свете, в том числе и примет. А у нас, по моим расчетам, мало хлеба. Вот мы и возвращаемся, чтобы купить хлеба». Мы вернулись в порт Триест, на тот же причал. Самвел тотчас же отправился за хлебом. Вскоре подъехал грузовик и словно взял «Киликию» на бордаж. Причал до того удобен, что водитель мягко положил на фальшборт судна откидную площадку грузовика, в считанные минуты ребята разгрузили по частям рею и

рулевые весла. А тут и кок подоспел с хлебом. Вспомним, как совсем недавно я переиначил формулу из римского права «помните о хлебопекe» на «помните о рее», не ведая о том, что так скоро все уладится. Тотчас же прошла обида на нашего друга, который отправлял груз из Москвы. И на душе полегчало.

* * *

Наконец мы держим курс на юг. Ровно семь месяцев назад «Киликия» шла по тому же маршруту, но только — на север. Тогда с каждой минутой становилось холоднее, сейчас — наоборот. Кожей чувствуем, как становится теплее, несмотря на продолжающийся северный ветер. Два малых паруса-треугольника набухли от попутного ветра. Средняя скорость — более пяти узлов. В таких случаях легко рассчитать, когда дойдешь до цели. Но вслух об этом говорить нельзя. Плохая примета. «Ох и надоели вы мне с вашими приметами», — скажет читатель-материалист. Я сам не из идеалистов, но с ним не соглашусь. На Крайнем Севере, точнее, в Корякском национальном округе, мой каюр, видя, как я точу пареньские (от названия поселка Парень) ножи, тут же сказал, что нельзя водить железом по железу — пурга будет. Не спешите иронизировать. В шестидесятиградусный мороз коряки умеют за пять минут разводить костер в открытой кочковатой тундре, где не видно ни дерева, ни кустика, ни завалившейся досочки. Ведь это особый талант — выживать в экстремальных ситуациях. Беда может застать, если вовремя не доберешься до чума или до намеченной цели. А суровый мороз и страшная пурга и вовсе осложняют дело. Наверное, все можно преодолеть, кроме... предательства. У коряков, чукчей, алеутов и других северных народов, оказывается, предательством считается... лень. (Как тут не вспомнить энциклопедиста Мхитара Себастиаци?!). Вот ленивая собака — это и есть предатель. Потому что в упряжке она вместо того, чтобы тащить нарты вперед, тянет их назад. Что делать? Убить — таков закон. Но вернемся к приметам. Каюр никогда не скажет, сколько осталось до заветного чума. Об этом его не стоит и спрашивать. И не стоит убеждать каюра в том, что пурга бывает не от трения ножей, а совсем по другой причине.

Все это я вспоминаю только потому, что мы опять идем по Адриатическому морю. А ведь путешественники (особенно моряки), составляя маршрут, стараются не пройти по одному и тому же пути во второй раз. Учитывая, что в прошлый раз мы шли вдоль западного побережья Балканского полуострова (надо было

непрерывно посетить Дубровник в Хорватии), на сей раз мы избрали восточный берег итальянского «сапога», где, собственно, и находимся, приближаясь к небольшому порту Фано. Здесь нам предстоит собрать двадцатидюймовую рею (а для этого необходимы минимум два дня, да еще хорошая солнечная погода: предстоит много работы с клеем, который боится дождя).

Теперь, когда проблемы с доставкой груза решены, пора обратить внимание на судно, которое все это время скучало, видя нашу занятость «чем-то не тем». Конечно, и чувство паруса, и мастерство, и опыт — все это очень важно, и первый этап плавания дал всем нам так много (и в первую очередь в вопросе мастерства), — что с каждым днем растет профессионализм каждого члена экипажа. Однако мы никогда не должны забывать о самом судне как о живом существе.

* * *

Соскучился я по нашим диалогам с «Киликией». Судно, конечно же, молчит, но я вроде бы приносившись и уже хорошо понимаю его. Будучи живой душой, судно обладает памятью. Помнит, откуда родом каждая его частичка, каждая деталь. Знает, что все, из чего оно состоит, — дети одного отца, но разных матерей. Матери — это различные края и регионы: от Армении до Южного и Северного Кавказа, до исторической Киликии. А вот отец у них один — это Солнце. Все, что впоследствии в сумме стало нашим красавцем-парусником, некогда росло под солнцем, грелось под его лучами, накапливая в себе его энергию. И все это — история судна, его жизнь, увенчанная светлой мечтой — плаванием по семи морям.

Жил на свете человек, чем-то похожий на «Киликию». Звали его Альбер Камю, о нем я часто вспоминаю, без усталости цитирую во многих книгах. Как судно наше говорит о своей истории, так и мудрец этот писал о своем прошлом: «Я находился между нищетой и солнцем. Нищета помешала мне уверовать, будто все благополучно в истории и под солнцем, а солнце научило, что история — это не всё». Камю родился за год до Первой мировой войны и умер за год до полета первого человека в космос. Прожил всего сорок семь лет, но сумел понять все пороки века. Он хорошо знал, где, когда, отчего зарождаются войны, особенно мировые, понимал, что война прямо или косвенно становится движущей силой прогресса, но понимал и то, что такого рода прогресс, как скажем, расщепление атома, чреват возможной гибелью самой планеты. И виной всему этому является созданная человеческой

мыслью Европа. «Злые гении Европы, — писал Альбер Камю, — носят имена философов: их зовут Гегель, Маркс и Ницше... Мы живем в их (! — З.Б.) Европе, в Европе, ими созданной». Эпидемия европейского зла вышла за пределы континента. Теперь уже речь идет не об эпидемии, а о пандемии. По образу и подобию Европы, созданной «злыми гениями», сегодня создаются уже новые континенты, к примеру, Северная Америка.

Нельзя идти к прогрессу через кровь, революции, гражданскую войну. В таких случаях прежде всего рушатся мир и человек. Еще раз вспомним предупреждение Андрея Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Добро нужно искать не только в новом, не только в будущем, но и в прошлом, время от времени возвращаясь к нему. Вот почему наше судно, являющееся копией своих сородичей, бороздивших моря и океаны около тысячи лет назад, сегодня, по мнению многих людей, проживающих в разных странах, излучает добро, порождая в людях добрые чувства. И об этом мы тоже говорили с «Киликией».

Глядя на горизонт, или на восход солнца, или на пляску дельфинов, невольно благодаришь «Киликию» за понимание того, что прекрасное нельзя сковать рамками концепций и идеологий, что догадываться об умственных способностях дельфина — еще не значит познать его, что пора, наконец, уяснить: самые укоренившиеся в тебе мысли, самые бесспорные твои убеждения могут оказаться очень даже сомнительными. Дорогая «Киликия», мы еще не раз вернемся к нашим диалогам.

* * *

Я начал свою беседу с судном сразу после первого, потийского, шторма. И эти беседы, диалоги, а чаще всего монологи стали традицией. Я всегда что-то рассказывал судну, видя перед собой и читателя тоже. Вот и сейчас. Опять проснулся среди ночи и опять, вслушиваясь в скрип качающейся с боку на бок «Киликии», думаю о странных вещах. О том, свободна ли наша «Киликия»? Может, она была свободной тогда, когда росла на земле, грелась под солнцем, когда создавалась ее история?

В первой книге я писал о наших отдаленных планах, о желании совершить первое в истории Армении кругосветное плавание, пройти по маршруту караванных морских путей нашего спурка. Я даже определил примерный маршрут будущего проекта. Однако я не мог просто так расстаться с «Киликией», с шагнувшим в историю армянским кораблем. Дело в том, что

даже возможности реально мечтать я (точнее, все мы) обязан «Киликии», армянскому кораблю. А потому надо было с ним по-человечески проститься. Надо было с ним не только продолжить беседу, но и вдоволь наговориться. При этом признаюсь честно, что решил во втором томе обращаться к «Киликии» на «ты». Так будет роднее.

И вот я едва слышно (время за полночь) при довольно сильной качке беседую с судном. Тема нашего диалога — Свобода. Казалось бы, уже все о рождении «Киликии» сказано. И как началось, и кто начал, и кто отдал жизнь за мечту. Сейчас я о другом. О том, что есть одно условие, без которого «Киликия» состояться не могла, без которого мы бы не встретились и не бороздили сегодня заливы, моря и океаны. Это самое материальное и самое эфемерное понятие, самое реальное и самое абстрактное, самое сладкое и самое горькое слово — Свобода.

* * *

— Скажи-ка мне, «Киликия», с чего все началось? Я имею в виду твоё рождение.

— С килия. Меня собирали по клеткам, по деталям. Ребята пилили, рубили, строгаги, шлифовали, поглаживали руками, и я ничего не ощущала. И вот появился киль. Я чувствовала, что эта тяжелая длинная балка скоро ляжет посередине днища. Там, где конец килия круто поднимается вверх чуть ли не полукольцом, — это корма. И эта часть называется ахтерштевень. А там, где поднимается плавно и стрелой вперед — это носовая часть, форштевень. В самом центре килия пристроили мощное бревно. Я чувствовала, что это, может быть, самое главное, без чего я не смогу двигаться в море. Это фундамент для основания будущей мачты. Если бы ты знал, как я ждала дня, когда установят мачту. Однако должно было пройти еще много времени, много лет. Ведь мачту установили в самом-самом конце, когда меня спустили на севанскую воду. А пока я должна была собрать воедино мириады клеток, наращивать с двух сторон великое множество шпангоутов — это мои ребра, на которые вскоре надели «костюм» — обшили досками. И знаешь, как долго все это длилось? Я мерзла в зиму, стонала от жары летом. Еще никто не верил, что я поплыву, но я верила в это с первого мига. Я верила ребятам, которым пришлось нелегко. Они не ныли, не роптали. Они только выросли, влюбились, женились, мужали, у них появлялись седины, и я все это чувствовала. Я чувствовала приближение Свободы, о которой ты гово-

ришь. Я перечисляю этапы строительства, то есть этапы моего рождения, опуская детали. Все действительно началось с тяжелого кия, который с двух сторон сгибается по-разному. Но ведь он состоит из великого множества деталей, отдельных частей, которые скреплялись, связывались, заклепывались, чтобы стать единым целым. Да и ребра — это не просто ребра. В них имеется огромное количество связующих звеньев. После того, как были готовы все шпангоуты, у меня появилось чувство, что нужно все это еще обхватить неким обручем. Вскоре меня обтянули крепкими жесткими деревянными продольными балками-ребрами для жесткости корпуса. Они опираются на шпангоуты, в то же время сами служат опорой для них. Их тоже называют ребрами. Вот как все это и сложно, и просто, и мудро...

— Это как человек, сотворенный Богом, — перебил я «Киликию».

— Думаю, здесь следует уточнить: Богу было легче при сотворении человека, ибо он — Бог. А меня создавали люди, которые подолгу оставляли меня в одиночестве. Они шли на фронт. Потом возвращались и возобновляли работу. Двое не вернулись. И все-таки дело продвигалось вперед. Моим рождением я обязана всем ребятам, особенно капитану Карену Балайяну. Он чувствовал меня, я — его. Ребята ждали, как праздника, того заветного дня, ради которого трудились полтора десятка лет. Из них одиннадцать лет собирали меня по крупичкам. И когда все было собрано, каждая клетка моя трепетала от волнения. В своей первой книге ты не написал о том, как меня поставили на трейлер и вывезли из поселка Масис. Это было в ночь на 13 мая. Меня повезли на главную площадь Еревана. Лишь на следующий день я увидела город и его жителей. Я слышала, как сильно бились сердца ребят, когда ереванцы расспрашивали их обо мне. Они были счастливы.

— Ты все время говоришь о своих чувствах. Почему бы тебе не поведать о своих раздумьях? — спросил я.

— Чувства передать легче, чем мысли. И потом за время моих долгих ожиданий я пришла к выводу, что мгновения, в которые ты ничего не чувствуешь, можно считать потерянными для счастья. А для меня счастье — это увидеть горизонт. Это — море. Это Севан. Так вот, 18 мая ребята повезли меня на Севан. Я чувствовала озеро задолго до того, как подошли к нему вплотную. Я все помню до мелочей. У чувств цепкая память. Двадцать пятого мая 2003 года спустили меня на воду.

Раздались крики: «Ребята! Плыдем! Не тонем!». Как будто этого уже достаточно — не тонуть. Но, коснувшись поверхности воды, я почувствовала, кроме уверенности в себе, что счастье в другом. Я чуть позже скажу, в чем для меня заключается счастье. А пока о том, как нелегко мне пришлось в то время. Около пяти месяцев я неподвижно стояла на воде. А так тянуло в море! Но на мне даже не было мачты, без которой и парус не поднимешь. Наконец, пятого октября установили мачту. И целых семь дней, ровно неделю, я стояла с мачтой в ожидании, когда поднимут рею. И настал тот страшный день, 12 октября, когда во мне смешались воедино ощущение счастья и предчувствие беды...

— Я об этом знаю. Я об этом писал подробно. Писал о смерти Андраника Мкртчяна, который, по моему убеждению, ценой своей жизни предупредил еще большую беду и тем самым обессмертил себя... Но ты хотела сказать о том, как понимаешь счастье...

— Для меня практически не существует счастья самого по себе. Счастье для меня — это путь к нему. Мне бы хотелось поговорить на тему о свободе...

— Нам придется прервать наш диалог. Вернее, перенести его на другое время. Тот факт, что в книге о путешествии я веду диалог с тобой, надеюсь, никого не удивит. Мистические элементы, вплетенные в ткань реального описания реальных событий (скажем, у Николая Гоголя, Оскара Уайльда, Михаила Булгакова), ведь никому не кажутся странными. Значит, не должны показаться странными и наши с тобой душевные беседы. Это позволяет наш жанр, который основал еще в XVI веке Мишель Монтень, величайший философ-гуманист (так его называли биографы и другие исследователи). Главный его труд по-французски так и звучит — «Эссе», или «Опыты», в которых Мишель Монтень, пропуская все большие проблемы мира через свое сердце, борется против схоластики и догматизма.

В книге «Моя Киликия» (да и в других тоже) я часто резко меняю тему, сознавая, что это диктуется самим жанром, и ввожу в повествование еще и элемент хроники, репортажа, портрета, пейзажа, психологии и так далее, и тому подобное. В грохочущем безмолвии моря так много «видений» окружает меня и каждого из нас! Я пишу в таких условиях свой реалистический «автопортрет», помня об уроках Монтеня, Достоевского, Исаакяна, не забывая о том, что я, точнее, «Я» — это нечто обобщенное, совокупное, «экипажное», то есть «я, ты, он».

— Ты должен меня познакомить с Монтенем. Ты обещал. За тобой остался еще один должок...

— Непременно, — перебил я «Киликию», — непременно познакомлю с Монтенем. Я весь наштигован им. Ничего специально не зубрил, все как-то само по себе запомнилось. А про должок не забыл. Это тема Свободы. Нам придется поторопиться. Это серьезная тема. Ты лучше подумай пока... Выходя в море, чувствуешь ли себя свободной? А мы потом поговорим...

После этого пространного лирического отступления перейду к тому, как «Киликия» подходила к Фано. В этом итальянском морском порту, как некогда в Сочи, нам было суждено застрять все по той же причине — реи и рулевых весел. История повторяется.

* * *

Добирались до Фано тяжело и долго. Шли звездной ночью при высоком волнении моря и при все том же северном, холодном и сильном, ветре. У основания мачты стояли мы с Самвелом Карапетяном.

— Чего это вы ищете? — спросил Самвел.

— Не поверишь, но ищу, ни мало ни много, Большую Медведицу.

Самвел повертел головой направо, налево. Искал «незаслуженно популярное созвездие» где-то в северной стороне над горизонтом. Наконец, оба одновременно подняли голову и ахнули: над самой верхушкой мачты расположилась Большая Медведица. Всю жизнь у нас, на Кавказе (точнее, в Закавказье), по вечерам мы находили ее чуть выше горизонта. А тут — прямо в зените, над головой. Так бывало и в Балтике, где я служил на флоте, и на севере Камчатки. Но ведь и Адриатическое море является по отношению к Южному Кавказу или южной части Средиземного моря настоящим севером. Вот такая небольшая, не очень серьезная деталь, а мы с Самвелом чуть ли не весь земной шар провертели в мыслях, точно глобус в руках. Думаю, не все жители планеты Земля могут увидеть не только Большую Медведицу, но и огромное количество других звезд. Будучи в Австралии, я взглянул на звездное небо, и мне почудилось, что стою на тверди иной планеты. Ничего знакомого. Северянин, если даже он не очень знаком со звездной картой неба, легко находит Млечный Путь, все ту же незаслуженно популярную Большую Медведицу. А там, в южном полушарии, — сплошные дебри. Своими давнишними австралийскими наблюдениями я поделился с Самвелом, который со знанием дела сказал:

— Думаю, Бог при сотворении мира в первую очередь позаботился о морях. Если в северном полушарии путеводной для моряков является Полярная Звезда, то на противоположной стороне глобуса верным небесным компасом служит созвездие южного полушария — Южный Крест. Все справедливо.

Прав Карапетян, утверждая, что это Бог позаботился о том, чтобы при вращении небесной сферы почти неизменным оставалось положение только у Полярной Звезды. Это — некое таинство, божественная загадка, подобно улыбке Джоконды. Ни на одну звезду, ни на Солнце, ни на Луну нельзя рассчитывать в качестве ориентира в условиях дальнего и длительного плавания, ибо они вращаются (или Земля вращается вокруг них — для ориентира это одно и то же), а вот Полярная Звезда стоит, как надежный часовой. И как тут не поразмыслить о Господе Боге, если точно такой же феномен сотворил он и в Южном полушарии?! И там есть своя Полярная (Южная) Звезда, называемая Созвездием Южного Полушария, или Южным Крестом. И, действительно, оно напоминает крест, у которого более длинная перекладина довольно точно указывает на Южный полюс.

Такие мысли посещали меня ночью на подходе к порту Фано, когда мы с Самвелом Карапетяном, обнаружив Большую Медведицу на непривычном месте, заговорили о звездах, без которых моряки и восемьсот лет назад, и во все времена не могли бы найти дорогу в море.

* * *

В четыре утра капитан объявил аврал. Это — как на военном корабле боевая тревога. Все разом вскочили с деревянных нар и устремились в темноте к трапу. Надо было поднять второй малый парус. По протяжному завыванию нового ветра, словно наслоившемуся на старый поток вихрей, стало понятно, что где-то поодаль проходит смерч и, точно поршнем, выталкивает воздух из огромной, как говорят, аэродинамической трубы. Судно стало швырять из стороны в сторону. Арег Назарян, Гайк Бадалян, молодые ребята Мушег, Гайк Садоян и Ваагн остались на верхней палубе, чтобы установить второй парус. У рулевых весел устроились Карен Даниелян и Арам Салатян. Остальные в кают-компании и в длинном носовом отсеке взялись укреплять такелаж и прочие предметы. Ветер нарастал с невиданной скоростью, часто меняя направление. Паруса, словно бешеные, кидались из стороны в сторону, тем самым усиливая крен судна. При тусклом двенадцативольтовом свете

едва ли можно было разглядеть какой-либо выступ, чтобы в момент очередного прыжка «Киликии» ухватиться за него.

Гениальное все-таки изобретение — мой письменный стол. Напомню, что пристроенные между основанием мачты и тумбы книжные полки по вечерам я закрываю висящим на веревках письменным столом, который и во время шторма придерживает книги и папки. А книги все толстенные: четырехтомная малая армянская энциклопедия, однотомник «Спюрк», русско-армянский словарь весом в пять или семь килограммов, Библия на армянском языке, «Геноцид армянского народа в Османской империи», географический атлас и около двух десятков брошюр и прочих изданий. (Конечно, в одну из ниш помещаю пишущую машинку, с которой у меня вечная трудность — проблема ленты: ни в одной стране не могу найти нормальную ленту для моей дорогой «железной леди».) Короче, все это наглухо закрывается столом.

В какой-то момент то ли судно упало с высокой волны на дно образовавшейся глубокой ямы, то ли сама волна швырнула его вверх, но оно так сильно ударилось о поверхность твердой, как асфальт, воды, что, казалось, будто вот-вот расколется пополам. В такую минуту, когда сердце трепетно стучит в груди, в то же время давая понять, что голова спокойна как никогда, что все идет нормально, я в темноте, подмигнув судну, сказал: «Ты ведешь себя молодцом». И услышал в ответ: «Все, что зависит от меня, я сделаю. Главное — это вы. Это крепкая связь между головой и сердцем. Держитесь, не опускайте рук».

И мы не опускали рук. Помнится, в Сочи в момент первого потийского шторма то и дело раздавались громкие голоса и даже крики. Сейчас — другое. Оставшийся от первого экипажа костяк — это уже совершенно новое качество. Я уж не говорю о том, как быстро вписались в философию и психологию экспедиции и самого судна новенькие Григор Бегларян (боцман), Самвел Саркисян (кок), Гайк Садоян (матрос), Ваагн Матевосян (матрос).

Судно то кидается из стороны в сторону, то, приподнимая нос, как резвый конь, бьет «копытами» о «землю», а в это время можно услышать только звонкий голос Арега Назаряна, который дает четкие команды, безошибочно произнося то или иное имя, хотя в темноте трудно что-то разглядеть. Правда, в ту ночь до начала неожиданного смерча тускло светил тоненький серп новорожденной луны. И все же все мы обратили внимание, как своевременно и со знанием дела, подобно дирижеру с палочкой в руке, обращается Арег к тому или иному «исполнителю».

Смерч исчез так же неожиданно, как и появился. Никакого отбоя авралу в таких случаях капитан не дает. Все молча приводят в порядок судно. Главное (в данном случае речь в первую очередь о верхней палубе) — ничего не должно валяться под ногами. Ничего лишнего. Это, кроме всего прочего, еще и опасно. В такие минуты по привычке вспоминаю одного остроумного и мудрого индийского политика, который основал партию с девизом: «Каждый должен заниматься своим делом».

Рано утром мы готовились к встрече с портом Фано. Уже были видны контуры и силуэты портовых зданий, хотя мы знали, что до них идти чуть ли не четверть дня. Два стакселя, словно выючные волю, прижавшись друг к другу, молча ташут судно по волнам, точно плуг по кочковатому целинному полю. Неожиданно Самвел Карапетян выдал очередную информацию:

— Вижу сразу несколько сейнеров, за одним из них вплотную огромная, как облако, стая чаек.

Пригляделись. И впрямь можно было увидеть две точки: причем «точки» белые, а посему едва заметные. Я не мог четко определить даже контуры этих двух объектов. А Самвел в это время комментировал:

— За одним сейнером — пустота. За другим — стая чаек. — И добавил: — Два рыболовецких сейнера идут прямо на нас.

— Логика не вижу, — сказал я, — они ведь ловят там, где есть скопление рыб. Им даже летчики с воздуха сообщают координаты косяков. Я об этом знаю из моей камчатской жизни.

— А они сюда идут вовсе не за рыбой, — уверенно возразил Самвел, используя свою шерлокхолмсову дедукцию, — а чтобы на нас поглядеть.

— Почему ты так думаешь?

— А потому, что один сейнер, за которым следуют чайки, уже завершил улов. А второй, судя по всему, собирается бросать трал подальше. И тоже не прочь поглазеть на чудище...

— Не чудище, а чудо.

— Издалека наше судно кажется чудищем, а вот подойдут поближе и убедятся, что встретили чудо.

И ведь не ошибся наш Шерлок Холмс. Сейнеры бок о бок шли прямо на нас. Зрелище неопишное! Над белым сейнером с торчащими сзади двумя рогами (для того, чтобы с двух сторон привязать на длинных тросах трал) сгустилась огромная туча белых чаек, поднявшая неистовый крик над Средиземным морем. Чайки камнем падают в воду и через мгновение взлетают вверх, крепко держа в клювах агонизирующую добычу.

Небольшой экипаж сейнера вывалил на палубу. Они и впрямь пришли всего лишь поглазеть на нас. Помахав ручищами в рабочих перчатках, рыбаки поспешили в трюм. Оба сейнера одновременно резко развернулись — и были таковы.

* * *

Порт Фано — «терра инкогнита» для армян. Хотя в этом порту бывали киликийские купцы. В конце XV века Фано и находящийся рядом порт Пезаро посетил выдающийся армянский путешественник Мартирос Ерзнкаци. Полмира прошел этот человек по суше и по воде, рассказал об увиденном в своих «Путевых заметках». Есть доказательные сведения, что он был на одной из трех колумбовых каравелл во время открытия Америки, однако нам не известны даже даты его рождения и смерти. И все же Фано не такая уж для армян «неизвестная территория». О нем хорошо осведомлен капитан «Киликии» Карен Балаян, которому пять лет назад довелось побывать здесь.

История эта стоит того, чтобы ее рассказать. Ереванцы хорошо знают итальянскую строительную фирму «Ренко», которая ремонтировала, реставрировала, реконструировала гостиницу «Ереван» и построила популярный ныне в городе «Конгресс-отель». Руководил строительством Ринальдо Гаспарини, который в Италии был известен еще и как классный яхтсмен. Гаспарини, имея собственную яхту, взялся за строительство нового двадцатиметрового спортивного судна, решив организовать уникальные гонки вокруг света (тогда в блокноте я писал: «Будущую кругосветку мы осуществим на двадцатиметровой парусной яхте»). На разных этапах в них должны были участвовать спортсмены из разных стран. Узнав от своих друзей о Карене Балаяне, Ринальдо предложил ему собрать национальный экипаж для участия в гонках. Когда все уже было готово, случилось неожиданное: Гаспарини умер от инфаркта. Сегодня в Италии его сын желает претворить в жизнь мечту отца.

Ринальдо тогда и пригласил Карена посетить Италию, именно Фано, где имеется уникальный современный яхтклуб. Здесь они уточняли маршрут армянского экипажа: «От Эквадора до Галапагосских островов». В Фано у Карена появились друзья, среди которых отличный яхтсмен Мигеле. Кстати, Ринальдо и Мигеле не раз выходили на яхтах на Севане.

К порту подплывали медленно. Как только прошли волнорез, было объявлено швартовое расписание, что значит: у левого руля должен стоять Арег Назарян, у правого — Гайк Бадалян.

Носовой швартов (речь идет о канате) находится в ведении Мушега и Гриши, кормовой — Ваагна и Гайка Садояна. Остальные помогают друг другу и занимаются кранцами, которых минимум по три штуки за бортами. Читателю уже известно, что это приспособление для смягчения ударов бортов о причал; как правило, для этой цели используют старую автомобильную крышку. Причаливание длится всего-то несколько минут. Но, возвращаясь еще на несколько минут назад, скажу, что сразу после волнореза, когда, спустив паруса и включив мотор, мы вошли в бухту, нас встретили и взялись сопровождать две моторные лодки. За штурвалом одной стоял уже знакомый нам Мигеле, другой лодкой управлял загорелый человек с седой бородой. Я обратил внимание, что с лица бородача не сходила улыбка.

* * *

В одной из книг я поведал о том, как в детстве ходил в лес за дровами. Совсем мальчишка, я был единственным мужчиной в некогда многолюдной семье, не считая престарелого деда, который уже не мог ходить в лес, довольствовался только работой в огороде. Каждый день, когда я сам рубил дрова, сам грузил на тачку, сам возил в Степанакерт, мне все казалось, что за мной следит моя тетушка Софья — сестра отца, потерявшая на фронте в течение двух лет трех сыновей. Мне так хотелось, чтобы она была довольна мной. Она-то знает, что больше некому заготовливать дрова. А зимы в те военные и послевоенные годы выдались очень снежные и суровые... Смотрю на наших новеньких, которые уже успели стать душой экипажа, и вижу, как они трудятся на берегу, пряча под парусиной все деревянные предметы. Доски должны быть сухими, их будут клеить. Тут же и кок Самвел Саркисян. А еще среди новеньких бедный (вовсе не в прямом смысле слова — у него, кажется, успешный бизнес) Арам Салатян, член клуба морских исследований «Айас», который решил хотя бы неделю или полторы поплавать на «Киликии». А тут выдались шесть дней вынужденной работы, без которой нельзя двигаться дальше.

Ну и, конечно, двое молодых, о которых я уже рассказал читателям и которых успел полюбить, как своих сыновей, — Ваагн и Гайк.

А теперь расскажу, почему я вспомнил тетушку (я звал ее бабушкой), которая, как мне всегда казалось, смотрела на меня и гордилась мной, видя как я из кожи лезу. Это ведь так важно — стараться, тем более очень стараться. Вот так в прошлом году на

самого юного члена экипажа и одного из самых талантливых яхтсменов Армении Мушега Барсегяна с гордостью смотрела его мама, матушка Парандзем. Сегодня, видя, как Ваагн и Гайк помогают Арегу Назаряну, варпету (мастеру) не просто вахтенного, но и кораблестроительного дела, мне кажется, что их мамы Анаит и Шушан наблюдают за ними и гордятся своими мальчиками: ведь им не просто подфартило попасть на легендарное уже парусное судно, они в самом деле заслужили такую честь. Словно Фано стало местом прохождения обязательного курса молодого матроса. Хотя, честно говоря, нечто подобное уже бывало в течение двух недель в Венеции. А как должна гордиться тикин Лариса своим великовозрастным уже сыном, отцом двух милых дочерей, Гришей Бегларяном, который вот уже двадцать лет носит бороду и ни разу не сбрасывал ее. В последний раз Гриша брился 25 мая 1985 года. Думаю, тикин Ларисе приятно будет знать, что сын ее уже занимает на «Киликии» должность боцмана, которая во все времена на флоте считалась самой почетной, самой легендарной. Это не просто начальник младшего командного состава на корабле (начальников у нас много), а буквально поэзия и проза флота. На «Киликии» — это человек, который должен точно знать, где что лежит, что к чему привязано или не привязано, сколько километров и каких диаметров имеются концы (канаты, веревки) и, наконец, это матрос, который несет вахту, стоя у рулевого весла. Так что и впрямь есть чем гордиться тикин Ларисе.

Одно лишь огорчает: скоро мы простимся с Арамом Салатяном. Чует мое сердце, в час расставания будем искренне грустить. Скромный и в то же время знающий себе цену добряк тщательно следит за ходом работ на судне, чтобы кому-нибудь помочь. Он всего-то десять дней должен быть на борту. У него авиабилет в кармане: Рим — Австралия (несколько раз вынужден был менять маршрут), а еще — непредвиденная остановка в Фано — на целых шесть дней! Арам все шесть дней не ныл, никак не выражал своего волнения. И, конечно, за всем этим глядит в оба его мама, тикин Джульетта, из своего далека, из столицы Сири Дамаска.

Из пятерых новеньких только у кока давно уже нет в живых матери. Тикин Маро умерла, когда Самвелу было всего одиннадцать лет. Но у него есть дочь, носящая имя бабушки, которая гордится своим отцом, глядя, как он по рецептам ее матери, тикин Рузанны, в день три раза готовит нам еду. И пусть маленькая Маро знает, что отец особенно тщательно следит за питанием самых молодых. У Гайка Бадаляна было худо с желудком. В дороге,

да еще во время длительного плавания, это не очень-то приятная вещь. И папа Самвел каждый день на завтрак, обед и ужин готовит персональные диетические блюда по рекомендации мага-волшебника доктора Геворга Григоряна. Забегая вперед, скажу тикин Рузанне, сестре великого Мгера Мкртчяна, что сын ее вполне здоров, и от дискомфорта в животе не осталось и следа. Эта информация, думаю, нужна и девушке по имени Анна.

* * *

Перед выходом в море решили посетить одну из яхт, стоящих на причале в нескольких метрах от нашей «Киликии». Грех пройти мимо такого чуда, не поговорив с капитаном. Название «Малина» дал своему парусному судну знаменитый итальянец с не менее знаменитым именем Галилео — Галилео Феррарези. Волосы на голове цвета золы, усы и борода белые, лицо загорелое, обветренное, с бронзовым оттенком. Галилео прекрасно владеет английским. Изъяснялись они с капитаном Кареном Балаяном без хлопот. Это было в первый день нашего пребывания в Фано. Тогда мы еще не знали, что нам придется на несколько дней задержаться в этом небольшом порту из-за реи и двух рулей. Теперь, познакомившись с историей средиземноморского судоходства, мы знаем, что у наших предков всегда была такая же проблема: очень тяжелые рулевые весла. Это, увы, суровая необходимость. Сразу после старта первого этапа мы убедились и, надеюсь, смогли убедить читателей, что рулевые весла ломаются как спички, несмотря на то, что они массивные и сделаны из тяжелого и крепкого дерева. Ломаются под тяжестью гигантских волн от собственной тяжести. А для двадцатиметровой реи нужно намертво связать два ствола по центру. Прибавьте к ней еще и вес большого паруса (полтора центнера) — и все станет ясно. Так что проблема реи и двух рулевых весел всегда была и будет актуальной для таких судов, как «Киликия». Пройдя с более чем пятисоткилограммовой реей около пяти тысяч миль, или более девяти тысяч километров, и доказав, что способны справиться с нею, мы решили слегка усовершенствовать именно рею и рулевые весла. Ведь для нас главное — их надежность, особенно если учесть трагедию на Севане. Кто знает, сколько таких трагедий бывало 800—900 лет назад на киликийском флоте?! Проблема еще и в том, что все на борту должно быть изготовлено по технологии восьмисотлетней давности. Иначе и нас не поймут, да и мы сами себя не поймем. Так что теперь все у нас есть — и опыт, и оборудование. Только

нет погоды. Я уже писал, что в воздухе попахивает снегом. Писал просто так, можно сказать, для красного словца. Откуда мне было знать, что где-то западнее Адриатики, в столице Испании именно в это время выпал снег. Сплошные аномалии.

Как правило, в ожидании есть и свои выгоды. Не задержись мы в Фано, не встретились бы с хозяином «Фрагулы» — «Малины» (извините за воровскую терминологию, но так переводится название судна), Галилео Феррарези и не узнали бы удивительную историю, которая известна всему географическому и даже археологическому миру. Может, не всему, а половине, но и это немало. Галилео и его загорелая жена Марина — профессиональные яхтсмены. Ему пятьдесят четыре. Ей, разумеется, не знаю, потому что не спрашивал. У них взрослый сын. Внуков пока нет. Они путешествуют вместе на своей «Фрагуле», он пишет книги. Последняя книга называется «“Фрагула” во льдах». Добирались они даже до Антарктиды, имея на руках копию карты, нарисованной самим Леонардо да Винчи в 1514 году, за пять лет до смерти. Точнее, Леонардо срисовал на свой лад карту, начертанную соотечественником, ученым-географом. И карта эта стала бесценной именно потому, что была нарисована рукой Леонардо да Винчи. Оригинал хранится в Ватикане. Никто во времена великого живописца, скульптора, ученого, инженера, изобретателя, анатома ничего не знал о материке под названием Антарктида, который, как известно, открыли лишь триста лет спустя после смерти да Винчи — в 1820 году русской экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. И только в начале XX века в Антарктиде побывал человек (путешественники Р. Скотт, Э. Шеклтон, Р. Амундсен). А в 1911 и 1912 годах достигли Южного полюса соответственно норвежский путешественник и полярный исследователь Руаль Амундсен и английский путешественник и полярный исследователь Роберт Скотт. И хотя кажется, что Амундсен дошел до Южного полюса на год раньше Скотта, на самом деле их разделяли всего тридцать три дня.

Сейчас вроде бы уже все известно об Антарктике или, как принято говорить, о шестом континенте. Но во времена Леонардо да Винчи многие карты чертили гипотетически, правда, опираясь на научное прогнозирование. На Северном полюсе огромный регион назвали Арктикой (от греческого — северная полярная область), а впоследствии на юге — Антарктикой (то есть «напротив Арктики»). Затем, образно говоря, «гипотетически» открыли континент, назвав его Антарктидой. Сейчас, хотя официально в Антарктиде и отсутствует постоянное насе-

ление, там всегда проживают участники различных экспедиций, которые все уже исследовали, написали тысячи научных трудов. Но вот нашелся-таки один пытливый итальянец, взял в руки карту своего великого предка и ему, по его словам, показалось: гений «чувствовал», что там «некогда были деревья», лес. А это ведь не просто вечная мерзлота. Это — лед. По крайней мере, такое представление существовало в те времена. И решил Галилео поплыть туда на своей «Фрагуле» со своей Мариной. Вышел, кстати, не из Фано, а из Венеции. Счастливая пара — не было у них ни строгих графиков, ни планов, ни сроков. Плыл себе Галилео и плыл. Благо жена рядом. Только на Канарских островах остановился чуть ли не на целый год. Мы хохотали до упаду, когда он рассказал о самом для них «омерзительном явлении» — так он назвал процесс проверки документов таможенно-пограничной службой. Мы-то, наивные, полагали, что только на территории бывшего СССР вызывает омерзение бюрократия, которая процветает и в некоторых европейских странах. Оказалось, в Западной полушарии, по мнению Галилео, во всей этой службе заняты одни «надутые самодовольные дураки» (я цитирую). Супруги добрались до восточного побережья Южной Америки, затем — до Огненной Земли, мыса Горн, а оттуда, как говорится, — рукой подать до северной окраины Антарктиды. Галилео признался, что далеко вглубь южного континента заходить не думал. Он — моряк и морем дошел на «Фрагуле» до тверди, где и сделал множество снимков береговой части. Обнаружил там замерзшие останки не просто деревьев, а тропических деревьев. Он тщательно все описал, издал книгу. Галилео убедился сам и убедил других в том, что Леонардо да Винчи оказался великим пророком, великим оракулом, великим провидцем. И чрезвычайно гордится этим.

Я спросил нашего собеседника, стоя на борту «Малины», в какую сумму обошлась ему его экспедиция. Он немного задумался, видимо, подсчитывая, потом сказал: более миллиона евро потрачено на подготовку экспедиции, не считая яхты и снастей. Плюс 350 тысяч наличными на дорожные расходы. И добавил, что денег этих им не хватило в пути. Пришлось залезать в долги.

Опытный мореплаватель завел разговор об экспедиции «Киликии».

— Как ты относишься к такого рода «реликтовым» акциям, как плавание «Киликии» по семи морям? — спросил я.

— Я скажу от имени многих, кто успел побывать здесь, на «Киликии», — ответил Галилео Феррарези, — вы даже не пред-

ставляете, как в наш дурацкий век так называемых высоких технологий человеку нужны такие проекты, как ваша «Киликия». Правда, я бы осуществил его иначе.

— О! Это уже интересно, — загалдели чуть ли не все хором.

А рядом стояли Карен Балаян, Самвел Карапетян, Гайк Бадалян, Гайк Садоян и Арик Назарян. Потом к нам подошел Карен Даниелян.

— Я бы пустил вперед само парусное судно «Киликия» как достояние не только Армении, — сказал Галилео и добавил: — а сзади бы шло сопровождающее судно, с целой оравой телевизионщиков и журналистов, не говоря уже о других специалистах. Каждое такое плавание — это и эксперимент, и наука, и история. А для всего этого требуется обеспечение всем необходимым, чтобы, с одной стороны, эксперимент прошел как можно чище, с другой, — безопаснее, с третьей, — чтобы общественность была не только в курсе дела, но и сопереживала вместе с организаторами и исполнителями программы, в которой прошлое переплетается с настоящим.

Самвел Карапетян вспомнил, как украинцы в 1992 году организовали экспедицию. В море вышла построенная по старинным миниатюрам и описаниям, сохранившимся в рукописях, весельно-парусная ладья, на каких украинские казаки ходили в длительные походы. Одета команда была в национальные одежды, а сзади сопровождала экспедицию целая эскадра.

— Нам слишком многого не нужно, — сказал Арик Назарян, — нам бы только — чтобы в спину дул попутный ветер, а впереди — чтобы радовали глаз стремительные дельфины.

— Мы имеем в виду другое, — сказал, улыбаясь, Галилео, — видя ваше парусное судно, мы видим предков...

— Не только ваших, — поспешила пояснить Марина Феррарези, — но и наших итальянских, греческих предков, предков всех наших современников. И это важно...

Мудрый человек этот Галилео, мудрая женщина эта Марина — эти Феррарези.

* * *

Впереди нас ждет порт Анкона. На берегу в Фано мы потеряли слишком много времени. Конечно, всей командой мы работали в поте лица. Бывали у нас и интересные встречи. Один Галилео чего стоит! Но мы же не туристы, а путешественники, преследующие конкретную цель. Иначе говоря, в заданное расчетное время мы должны пройти определенное расстояние

и достичь намеченной точки. Все те же извечные философские категории времени и пространства. Мне захотелось поговорить о них с моим внимательным собеседником — с «Киликией». Я не забыл о своем обещании. Судно ждет не дожидается беседы на тему о Свободе. Но для такой беседы нужно иное время, а не такое, когда все вокруг замерло. Несколько дней кряду с завыванием дул ветер, потом к нему присоединился смерч, и вдруг откуда ни возьмись — штиль. Повисли паруса, сникли флаги: армянский, арцахский и итало-евросоюзный. Штиль — это когда ветер до 50 сантиметров в секунду. А тут — ноль. Словно попали в безвоздушное пространство. Тяжелее стало дышать от духоты, будто в предбаннике. Но самое страшное — то, что «Киликия» замерла, вяло поворачиваясь к боку на бок, поскольку еще по инерции оставались волны, которые на наших глазах постепенно переходили в рябь. Нет движения — нет пространства. И вот толкую с «Киликией» о пространстве и времени именно тогда, когда она стоит, незаметно дрейфуя, но я этого не чувствую.

— Знаешь ли ты, «Киликия», как важно постараться нам хотя бы поверхностно разобраться в этих универсальных философских категориях. Вот ты стоишь, следовательно, мы не можем говорить ни о движении, ни о скорости, а без них не быть самой нашей экспедиции.

— Вы решите ваши задачи только тогда, когда я буду двигаться, буду плыть.

— Ты, «Киликия», двигаешься, плывешь исключительно в пространстве и времени. Одно без другого теряет смысл. Вот сейчас ты стоишь, а потому как бы остановилось наше время. Но, повторяю, «как бы». Оно продолжает свой ход. Его можно определить как движение «от прошлого к будущему». У поэтов свое отношение ко времени, а у философов и математиков — свое. Первые считают, что время всегда летит над нами, оставляя свою тень за нашей кормой, вторые же утверждают, что время ниспровергает то, что само же и воздвигает. Но есть и третьи, которые убеждены, что время — всего лишь мираж, который сжимается, как шагреновая кожа, в минуты счастья и растягивается в часы страдания и боли. А вот для нас с тобой, «Киликия», время — совсем иное. Мы находимся в море, следовательно, мы — реалисты. А это значит, в наших невезениях время не виновато. Есть такой поэт Евгений Евтушенко, с которым мне на моих жизненных тропах часто доводилось встречаться и спорить. И ему принадлежат слова, которые вот уже

сорок лет я ношу с собой как некую заповедь: «Глядишь ты как-то воровато и не рассказывай мне, брат, что это время виновато, а ты совсем не виноват». Так что для нас с тобой время — это фактор, с которым мы должны считаться.

— Я понимаю. Я часто наблюдаю за тем, как время проходит мимо нас. Вот как сейчас. Я стою, а оно, не обращая на меня никакого внимания, движется куда-то...

— Не куда-то, а вперед...

— Куда-то вперед, — согласилась со мной «Киликия».

— Ты права, «Киликия». «Вперед» в данном случае — не совсем верное и точное слово. Точнее — в будущее. И самое ужасное то, что у времени есть одно неизменное свойство — необратимость. То есть если мы потеряем его, то больше не вернем. Вот мы стоим...

— Я постараюсь вернуть... Постараюсь плыть быстрее.

— И все равно уже его не вернешь, «Киликия». Ты сможешь только наверстать упущенное. Но это не так-то просто. Как говорится, за все надо платить. Наверстаем упущенное за счет того, что где-то в будущем что-то сократим, что-то урежем. Это значит, пропустим какой-то очень важный порт или пробудем там меньше запланированного времени. Вот как все сложно, «Киликия»...

— Думаю, что не сложно, а очень даже просто: нужно не опускать руки, как ты любишь говорить, не ныть, не ворчать, а делать все, чтобы после каждой вынужденной остановки идти быстрее запланированного.

— Это называется скоростью, «Киликия», а тебе ведь восемьсот лет...

— Мне, можно сказать, эдак лет тысяча. Но я и в ранней юности ходила ничуть не быстрее, чем сейчас. А, может, вообще никогда так быстро не ходила. Если бы у меня были другие объективные возможности, если бы я могла идти в два, в три раза быстрее, тогда вы, экипаж, составили другой график и опять же оказались бы перед проблемой времени. Мне не нравится, что на берегу вы расслабляетесь. Я, как никто другой, знаю: на берегу вам следовало бы вести себя так же серьезно, как и в море. Остановка в пути — тоже путь, как пауза в дыхании — тоже дыхание.

— Согласен. Однако, о чем бы мы сейчас ни говорили, мысли мои возвращаются к тому, что мы продолжаем стоять.

В ту же минуту вдруг раздался скрип, потом послышался скрежет, потом «Киликия» неожиданно тронулась с места, и два стакселя начали делать конвульсивные движения, пытаясь

вырваться вперед. Через несколько мгновений они одновременно резко сморщились, потом задергались, повели своими острыми углами налево — направо и опять же синхронно, набрав полную грудь порывистого ветра, погнали довольно улыбающуюся «Киликию» по морской глади. При попутном ветре, да еще на гладкой поверхности моря судно может набрать хорошую скорость. Думаю, после нашей беседы, которую прервал порыв долгожданного ветра, «Киликия» сделает все, чтобы наверстать упущенное.

* * *

Мы плывем в нейтральных водах. Опять в голову лезут мысли о том, что планета наша общая, одна на всех. Если вдруг окажется, что где-то еще есть планета с разумными существами, мы по отношению друг к другу будем уже не просто населением, а народом, который, по классическому определению, является «населением определенной страны». Сейчас, в нейтральных водах, думаю о том, что мы, земляне, — единый народ. Наверное, именно подобные мысли волновали Томмазо Кампанеллу, когда он писал в заточении: «Все, что находится между небом и землею, принадлежит народу. Но он об этом не знает, и когда кто-нибудь открывает ему глаза на его право, он побивает его камнями».

Только в открытом море в полной мере ощущаешь себя гражданином планеты. Государственный флаг твоей страны усиливает это чувство. Ибо, проходя мимо стран, мимо островов, мимо больших и малых судов, на которых развеваются государственные флаги, каждый из которых имеет свои цвета, ты понимаешь, что все это — одна общая радуга, но она перестанет быть феноменом природы, отними у нее хотя бы один цвет. Выдающийся болгарский путешественник Данчо Папазов, совершивший в одиночку кругосветное плавание на яхте «Тивия», на традиционные вопросы о том, ради чего он рисковал своей жизнью, отвечал: «Хотя бы ради того, чтобы люди планеты Земля с берегов всех континентов видели флаг моей родины и знали, что есть на свете такая маленькая страна Болгария».

Главная задача «Киликии» — сделать нашу страну узнаваемой.

Отсюда — все те задачи и сверхзадачи, о которых мы много раз говорили.

* * *

После кратковременного штиля, казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы помочь «Киликии» наверстать упу-

шенное время. Попутный ветер сохранялся еще долго, нарастая с каждой минутой, хотя море продолжало оставаться спокойным. В такие минуты судно плывет будто под веселую мелодию. Подгоняемая попутным ветром, «Киликия» время от времени как бы взмывает над водой и, плавно снижаясь, набирает скорость под шелест седых «усов», расходящихся по обе стороны острого носа киля. Дорога до Анконы — всего-то полдня, если продолжать идти с такой же радующей душу скоростью — около желанных шести узлов. (Термин «узел» иногда путают с расстоянием, скажем, с милей, ошибочно говоря «столько-то узлов в час». Понятие «узел» определяет саму скорость. Поэтому, когда говорят, к примеру, «десять узлов» — имеют в виду «десять миль, или 18 520 метров в час».)

У меня имеются данные практически обо всех населенных пунктах, которые мы собираемся посетить. Там, где есть армянские общины, проблем у меня не возникает. В наших энциклопедических изданиях имеются материалы по истории и географии той или иной страны и того или иного населенного пункта. Иногда приходится самому выискивать данные. С Анконой у меня были особые «счеты». Там имеется Триумфальная арка, возведенная во II веке в честь множества побед римского императора Траяна, который, кстати, больше других цезарей расширил территорию Римской империи, в том числе и за счет Великой Армении. Правда, через некоторое время при императоре Адриане Рим потерял Великую Армению, которая к тому времени уже была разорена. Я, конечно, не занимаюсь исторической «разборкой». Просто при подходе к городу, который в конце XVI века был облюбован Мартиросом Ерзнкаци и в котором сохранился романский собор XI века, меня посещают несколько иронические мысли. В конце концов, какие могут быть «счеты» спустя две тысячи лет?! Более того, я с белой завистью отношусь к сегодняшней Анконе. Страна практически без нефти и железной руды выпускает конкурентноспособную продукцию из нефти и железа. Значит, как это доказывают в Японии, Италии, в скандинавских странах, можно не просто сводить концы с концами при отсутствии оптимальных объемов природных ресурсов, но и прочно стоять на ногах.

В Анконе мы часто вспоминали отца армянских «профессиональных» путешественников Мартироса Ерзнкаци.

Со склона холма, на котором почти тысячу лет назад возвели целый храмовый комплекс Святого Кириако, я смотрел, как суда, качаясь на высоких волнах, пересекают линию, соединя-

ющую с двух сторон волнорез из бетонных ежей, и сразу попадают в рай: плывут плавно, как лебеди в пруду. Мне почему-то захотелось сделать в записной книжке графический набросок храма при выходе из бухты. Но когда мы вышли из бухты, а для «Киликии» этот момент можно назвать переходом «из рая в ад», я не смог обнаружить тот высокий, крутой берег с храмом, о котором писал Мартирос Ерзнкаци.

* * *

Живи Ованес Туманян где-то на берегу Адриатического моря, я думаю, он не март, а май назвал бы сумасшедшим месяцем, который не дает покоя. У Туманяна в марте яркое утро сменяется в полдень тьмой и туманом. То выдаются теплые дни, то холодные. А в Адриатике все это происходит в течение нескольких часов мая.

Утро 25 мая, которое мы встретили в самом центре Адриатического моря, не предвещало никаких кошмаров. Оно запомнилось тем, что позвонил мне по телефону один человек из Еревана, представившись моим «постоянным читателем», и сообщил, что только что прочитал в «Айоц ашхаре» первые главы газетного варианта книги о втором этапе плавания «Киликии». Он предложил свои услуги в решении поставленной нами проблемы — снятия современными методами цифровых технологий копий всех шедевров армянской культуры и искусства, где бы они ни находились. Этот очередной читательский отклик меня, конечно, порадовал, хотя не могу не отметить тот факт, что позвонивший мне неизвестный и добрый человек, судя по всему, не знал, что разница во времени с Ереваном у нас три часа. Спеша поделиться со мной готовностью помочь, он позвонил в девять утра, когда у нас было шесть часов.

Зная, что уже не засну, я нехотя встал, надел тельняшку и поднялся на палубу. У рулевых весел стояли молодые Ваагн, Гайк Садоян и начальник вахты Арик Назарян. На востоке горизонт пылал множеством оттенков красного, розового, пурпурного цветов. Заря занималась спокойно, как-то весело. Казалось, будто солнце, точно гигантский стеклянный шар, налилось густой, тяжелой, как ртуть, жидкостью. Все внутри шара движется, переливаясь красно-розовыми красками, и чем выше, тем тона становятся светлее. Я продолжал наблюдать за таинством рождения нового дня, автоматически развязывая несложный узел веревки, к которой привязан флаг Нагорно-Карабахской Республики. (На ночь мы обматываем флаги, чтобы

их ветром не разорвало.) И начал медленно поднимать красно-синее-оранжевое полотнище с белыми лесенками, ощущая его приятное прикосновение к лицу. Легкий предутренний бриз чуть разведал шелковую ткань, и я беспрерывно шептал: «Поднимайся, родимый! Поднимайся, Арцах мой! Цветет танем!»

Конечно, мне в голову не могло придти, что к полудню туманяновский весенний день сначала породит ветер, потом дождь, а к вечеру ниспошлет сущий ураган с молнией и громом.

Бедная «Киликия» просто с ума сходила от этих сумасшедших волн, которые, словно неистовые толпы, толкая друг друга, перелезая друг через друга, пробираются невесть куда. Не ведает «Киликия», как удержаться в бурлящей и кипящей воде, ведь она в таких случаях думает (чувствует), как и мы: надо непременно выжить. Да, большой парус необходимо немедленно спустить, но малые, или хотя бы один из них, нужно держать, как вожжи, чтобы, не дай Бог, не слишком отклониться от курса.

Говорят, в одинаковых ситуациях люди думают одинаково: землетрясение, наводнение, ураган, волнение моря при шести-семи баллах не могут не вызывать мысли о смерти. А какие мысли вызывает шторм у самой «Киликии»? Как «Киликия» понимает разлуку? Тянет ли ее домой? Если да, то где ее дом? И я спросил ее об этом именно в момент бешеной качки, в момент круговерти яростных волн, ледяных камней града, горящих зигзагов молний, грозных раскатов грома. «Киликия» ничуть не удивилась моим странным вопросам. И ответила, не задумываясь:

— Я знаю, почему ты добавляешь к основному вопросу еще и наводящие. Ты сомневаешься, что я смогу сразу воспринять твою мысль. Я ведь сказала, что больше чувствую, нежели понимаю. Пристально наблюдаю за вами и вижу, что у вас тоже чувства превыше всего. Однако чувство как таковое отдельно, само по себе, не существует. Оно выражает у вас, у людей, отношение к чему-то — к родине, например. И ты думаешь: к кому и к чему в таком случае должны быть направлены мои чувства? Конечно, моя жизнь, пока я в движении, связана с вами, с экипажем. Но ничего вечного нет. И экипажи меняются, и планы. Наверняка у вас уже есть свои планы, в которых меня нет. И я опять же чувствую, что все это нормально, как понимаю важность заданного вопроса. У меня тоже есть чувство родины — это... это...

«Киликия» заволновалась. И я решил придти ей на помощь.

— Ты хочешь перечислить все те места, где тебя собирали?

— Нет, я чувствую иначе. Меня, как ты говорил, собирали по кусочкам армяне. И я не просто корабль. Я — армянский парус-

ный корабль, я — армянское парусное судно. И моя родина — Севан. Меня строили в разных точках Армении. Но как корабль, как судно я состоялась только на Севане. Я скучаю по Севану. И хочу одного: вы должны сделать все, чтобы вернуть меня домой. Всякий раз, когда бывает шторм, когда что-то ломается у меня, я чувствую, что может случиться самая страшная беда, если меня лишат родины, оставив где-нибудь на чужбине. Вот и сейчас, в этом хаосе, я ощущаю не только холодный порывистый ветер, не только гром и молнию, но и тяжесть внутри, когда к двадцати тоннам чугунного балласта прибавляется невероятная тяжесть громадных волн, которые с обеих сторон давят с такой силой, точно хотят расплющить меня. Под этой тяжестью стонут все сельные штурвалы, которые, несмотря на железный стержень, обшитый досками, с трудом выдерживают давление волн.

И, словно в подтверждение этих слов, с двух сторон по бортам ударили тяжелые волны. Грохот был невероятный. На мгновение корабль остановился, как вкопанный. А потом паруса набухли от мощного потока воздуха и, резко толкнув судно вперед, будто вывели его из оцепенения.

Только после того как шторм начал затихать и на утренней зорьке постепенно стали разрываться в клочья грозовые тучи и появились огромные участки голубого неба, капитан спокойно сказал: «Тысячу раз повторял, что если даже в море штиль, все равно надо привязывать все вещи, которые могут упасть при качке. Судя по всему, особенно к вечеру следует принимать особые меры». Всюду валялись рюкзаки, посуда, ящики и прочее. Ничего страшного. Быстро собрали вещи, положили на свои места, прекрасно зная, что в штиль снова забудем их привязать, а капитан, произнесший полную упреков тираду, никаких мер не примет и на этот раз, ведь он у нас человек серьезный, хорошо знающий, что попадали на пайолу и его вещи тоже.

* * *

Бриндизи. Этот южный порт Италии некогда считался лучшей римской гаванью, поскольку искусно защищен от ветров и волн. Один из самых пытливых матросов «Киликии» доктор Геворг Григорян, которого наши юнги почтительно прозвали «Геворг папи» (дед Геворг), тайком от всех пишет книгу, которая, я убежден, у него обязательно должна получиться. Геворг уже написал впечатляющую документальную повесть, насыщенную трагическими эпизодами собственной жизни. Популярный в Армении и среди фронтовиков врач стал настоящим моряком и

путешественником. Всем он интересуется. Вот и сейчас: только пришвартовались в Бриндизи, еще не успел пристроить кранец между бортом судна и бетонным торцом причала, а уже говорит, как бы между прочим, что завтра непременно найдет знаменитую Аппиеву дорогу, о которой уже успел где-то вычитать. И впрямь, рано утром он первым нашел участок легендарной дороги, которая заканчивается в Бриндизи. Геворг, широко улыбаясь, рассказывал, как чувствовал саму древность под своими ногами. Слышал стук копыт конницы разных завоевателей. Представлял облик одного из самых популярных цензоров Рима Аппия Клавдия (главного идеолога страны, осуществлявшего контроль над финансами и надзор над нравами), оказавшегося инициатором строительства первой в мире (312 год до нашей эры) мощеной дороги, до сих пор носящей его имя. Трасса эта, протяженностью 350 километров, соединяет Рим с Бриндизи, где установлен обелиск в память об Аппие. Такая дорога, несомненно, по праву может считаться памятником истории. И поразительно, что действует она уже более двух тысяч трехсот лет.

* * *

В Бриндизи перед самым выходом синоптики дали штормовое предупреждение. Нечто сложное и в то же время витиеватое последовало после этого грозного сигнала, из чего можно было понять, что через сутки рано утром можно выйти из Бриндизи и, пристроившись в хвосте циклона, ползти с черепашьей скоростью по своему курсу. Точный расчет показал, что лучше всего выйти в девять утра, чтобы заодно и уловить направление ветра, который через шесть-семь часов резко повернет в противоположную сторону. Вот такая китайская азбука. Так или иначе, нам следует переждать «штормовое предупреждение» хотя бы потому, что портовые службы все равно нас не выпустят до утра. Другое дело, когда подобное предупреждение застает тебя далеко в море. Там уже ты сам хозяин своей судьбы. Вот мы и решили выждать.

Именно в это время «Киликии» нанесли визит гости — девять человек, девять летчиков из России. Они здесь работают по контракту по линии ООН. Оказывают помощь пострадавшим от разных бед: последствий терроризма, цунами, землетрясения и всего такого прочего. На российском грузовом чуде ИЛ-76 они летят туда, куда им укажут. В тот вечер рабочим языком «Киликии» был русский. Я сидел за своим висячим столом, и ко мне время от времени спускались вниз пилоты. Вдруг по трапу чуть ли не скатился молодежавый, атлетического сложения летчик с

сияющей улыбкой и с ходу представился: «Стенин. Андрей Стенин». Я уловил юмор — агент 007 Флеминга всегда называл сначала свою фамилию, потом — имя и фамилию: «Бонд. Джеймс Бонд». Мы оба засмеялись. Андрей начал с того, что всегда был читателем «Литературной газеты», а посему и моим тоже.

Он рассказал о своей многотрудной работе по спасению людей, вспомнил трагические эпизоды в Анголе.

В это время к нам подошел второй командир ИЛ-76 Дмитрий Котляров и вручил мне уникальный в своем роде подарок: авиационный билет (без указания даты) на любые рейсы их самолета. Это все, как я понял, благодаря «Литературной газете» — такая память о ней у всех, кто во времена СССР был уже взрослым человеком...

Ждать на берегу, когда дадут «добро» на выход в море, — занятие тягостное. Но на сей раз «витиеватое» сообщение было конкретизировано: «После восьми утра можно выйти в море».

* * *

До отбоя оставалось еще два часа. Вахтенные меняются через три часа, и тогда же начинается завтрак. Это значит, что через час-полтора проснется кок и начнет возиться совсем рядом со мной, на камбузе. Могу спокойно побеседовать с «Киликией». Надо отдать обещанный должок. Нам предстоит поговорить о Свободе. Мне интересно, что она сама о ней думает. Но начать хочу с небольшого предисловия. Я вспомнил о том, как однажды одному мудрецу приснился волшебное-прекрасный сон о «цветущем царстве Свободы», «о свободном человеческом роде».

— А почему это о свободе мудрец говорит во сне? — угадав ход моих мыслей, спросила «Киликия».

— Он не во сне говорит, а видит сон о свободе, которая многим представляется освобождением от всякого принуждения. Мудрец считает, что такое человеку может только присниться. И он, этот мудрец, как рассказывает старинная притча, стал расспрашивать людей о свободе, точнее, задавал им вопрос: «От чего должны освободиться люди, чтобы стать свободными?» Одни говорили, что надо освободиться от веры, потому что она слепа. Другие считали, что нужна республика, но при этом необходимо освободиться от власти предрержащих. Третьи утверждали, что надо уничтожить вопиющее неравенство, и тогда все будут свободны. Так мудрец опросил тысячу человек. И все говорили о разном. Ни один ответ не повторился. Напоследок мудрец задал свой вопрос пахарю: «От чего, па-

харь, нужно человеку освободиться, чтобы стать свободным?» Пахарь остановил медленно движущегося вола, вытер пот со лба и сказал, держась за выступающий угол плуга: «Человек должен освободиться от голода».

— Как это понять? — с удивлением спросил корабль. — Ведь можно, наверное, накормить досыта человека, но при этом лишить его свободы.

— Пахарь имел в виду совсем другое, «Киликия». Чтобы освободиться от голода, надо трудиться в поте лица. То есть, чтобы быть свободным, нужно освободиться от лени. Можно быть свободным, даже будучи в рабстве. Самыми свободными людьми в мире, как это ни странно, были два великих раба — Эзоп и Спартак. Дело в том, что ленивые люди бывают слабыми духом. А свобода, как сказал поэт, — это воздух высоких гор, воздух вершины, который непереносим для слабых. Она вообще несовместима с бессилием, безволием. Не случайно воля является синонимом свободы.

— Что же получается, что свобода — это своего рода пытка?

— Нет, свобода — это право на труд, свобода — это деятельность, «Киликия». Без деятельности небольшой группы молодых людей не было бы тебя. Эти люди, обремененные великим множеством проблем и чувством долга, все-таки были людьми свободными и деятельными. Им надо было не просто строить, а сотворить тебя, «Киликия». В эпоху тоталитаризма эти ребята не смогли бы тебя строить. За время советской власти никто не мог совершить кругосветное путешествие. Сегодня в тебе еще хранится тепло их рук. Это были Карен Балаян и Александр Маркарян, которые вместе поехали в лес за «сигарами». Это были Амаяк Тарахчян и Тигран Алаян, которые доставали оборудование, инструменты для обработки дерева. Это были Рубен Карапетян и Левон Абрамян, которые начали строить тебя.

— Это правда, — согласилась «Киликия». — Я их всех помню с самого первого дня. Потом появились остальные: Баграт Садоян со своим сыном Гайком, совсем еще молодой Андраник Мкртчян, позже, — Гурген Арутюнян, чьи руки чаще всех касались моего корпуса, потом отец и сын Армен и Арег Назаряны. Со временем их станет больше. Но ты прав, тот первый день мне никогда не забыть. Однако особенно запомнился тот день, когда впервые поднялся на борт Серж Саркисян с тобой. Я, может, была тогда единственным существом, которое не только предчувствовало, но и верило, что пройдет по семи морям.

— Ты верила?

- Предчувствовала... И верила...
- ...Что пройдешь по семи морям, так как чувствовала приближение свободы? Но дело в том, что она тебя ждет впереди.
- А сейчас у меня ее нет?
- Сейчас у тебя есть выраженное чувство свободы, ее осязаемое ощущение. Ты часто бываешь на таких водных участках, где ни на одном из трехсот шестидесяти градусов горизонта не видно земли. Ты в море. Море — это то, что имеет связь с океаном или океанами через проливы. Уровень водной глади планеты один, он неизменен. Если очень уж придирчиво придерживаться условностей, то все моря — заливы. А вот океан — более семидесяти процентов площади земного шара — непрерывная водная оболочка Земли. Океан не окружен землей, он сам окружает материки (континенты), которые по существу являются гигантскими островами. Океан — это и есть главный символ абсолютной свободы. И ты по-особому воспримешь величие свободы, когда пройдешь тридцать пять миль Гибралтарского пролива и выйдешь в Атлантический океан.

* * *

Все было рассчитано до мелочей. Выходим в девять утра из Бриндизи, огибаем первый же мыс справа и берем курс на юго-запад — до конца «шпильки» апеннинского «сапога», к мысу с певучим названием Санта-Мария ди Леука. При скорости ветра, отмеченной в Интернете, — около десяти метров в секунду — намеревались примерно за шесть-семь часов одолеть это расстояние, плывя в хвосте прерывистого циклона и впереди следующего за ним, не менее прерывистого, «собрата». И ровно в девять прозвучала команда «Аврал!». Именно в это время на бешеной скорости подкатила полицейская машина и резко затормозила у левого борта «Киликии». Торопясь и не скрывая волнения, выскочил из машины полицейский и произнес одно только слово — «капитан». Карен, не забыв дать «отбой», подошел к борту и, узнав о том, что нужно предъявить паспорта, обратился к экипажу: «Паспорта наверх». Я не шелохнулся, продолжая стоять у кранца с веревкой в руках.

Мой паспорт находился у капитана.

Явление вроде бы обычное, хотя и не совсем. Слишком уж нервно подкатила машина с двумя полицейскими. Оба они сидели в машине, сверяя в компьютере данные паспортов. Вскоре появилась еще одна полицейская машина, из которой спешно вышли люди в форме. Однако они остались в стороне,

видимо, ожидая команды. Карен стоял у правой дверцы, давая пояснения. Я сразу подумал об Интерполе. Но в то же время успокоил себя тем, что полицейские потребовали все без исключения паспорта. Хотя, как выяснилось, остановились как раз на моем паспорте. Когда я громко спросил, о чем они там шепчутся, капитан ответил, улыбаясь: «О вас. Только о вас».

Остальное я стал домысливать сам. Уж если мы без всяких хлопот прошли через все таможенные и пограничные заслоны, начиная с Вены и заканчивая пятью итальянскими портами, значит, в Рим поступил свежий «сигнал». Легко понять, почему провокаторы отправили его в итальянское национальное бюро Интерпола: в газетах Армении, в том числе и в русскоязычных, регулярно вот уже месяц печатаются материалы об экспедиции «Киликии», в том числе и мои корреспонденции. Но дело в том, что официальные лица Азербайджана не стали бы обращаться в штаб-квартиру Интерпола в городе Лионе с новым предложением задержать меня, зная, что Генеральный секретарь этой международной полицейской организации Рональд К. Нобл в свое время разослал всем 178-ми странам — членам Интерпола официальный документ, отменяющий так называемую красную карточку об объявлении меня в международный розыск. Вот и решили действовать втихаря и под шумок. Обо всем этом я молча размышлял, стоя на палубе «Киликии» в ожидании решения вопроса двумя полицейскими Бриндизи. Они каждую минуту связывались со своим начальством в Бриндизи, те — с Римом. Наконец, Рим дал команду Бриндизи пригласить меня в отделение и там разобраться.

Я согласился с предложением итальянской полиции, и мы с Кареном поехали в отделение. По дороге я позвонил на борт «Киликии» и попросил, чтобы срочно доставили в полицию мой дипломат с документами.

Надо сказать, что вели себя полицейские чрезвычайно корректно. В отделении нам предоставили просторную комнату. Заверили: как только разберутся, сразу же отвезут нас на судно, ибо знают, задержка наша приведет к тому, что нас непременно достигнет шторм. Знают и о том, что не выйти в море мы не можем.

Вначале мы с Кареном решили вообще ничего не говорить о моей истории с Интерполом. Да и стоит ли говорить, если не спрашивают? Потом полицейские (уже другие, постарше званием), поговорив с Римом, объяснили нам, что речь идет о каком-то страшном преступнике, чьи паспортные данные совпадают с моими. «Мы верим, что это не вы, — сказал мне самый главный по-

лицейский, — но данные сходятся. Наверняка это случайное совпадение». Тут я не выдержал и сказал Карену: «Карен, мы должны им сказать, что речь идет обо мне, и показать письмо генерального секретаря Интерпола». Я тотчас же достал из дипломата письмо Нобла, напечатанное на фирменном бланке Интерпола.

Один из полицейских стал читать по-английски и тут же, как говорится, с листа переводить на итальянский. Вот это письмо: «Дорогой господин Балаян. Хочу проинформировать Вас, что, следуя рекомендации Наблюдательного Совета по контролю за архивом Интерпола (45 сессия 21–22 мая 2001 года), я принял решение об отмене «красной карточки», распространённой против Вас по требованию Азербайджана. После тщательного исследования всех материалов, предоставленных Азербайджаном, Арменией и Вами, я считаю, что дело это имеет преобладающий политический характер и подпадает под статью 3 Устава Интерпола, согласно которой нашей организации строго воспрещается предпринимать какое-либо вмешательство или действия, имеющие политический, военный, религиозный или расовый характер».

Прощаясь с нами, полицейский сказал буквально следующее: «От имени итальянской полиции и бюро Интерпола я приношу вам извинения и вместе с этими извинениями возвращаю ваш паспорт. Хочу добавить, что вы ни в чем не виноваты — провокация была организована Турцией и Азербайджаном».

* * *

Можно было, конечно, раз уж так случилось, отложить на денек-другой выход в открытое море. Однако и экипаж, и капитан прекрасно понимали, что мы не можем сидеть и ждать, что называется, у моря погоды. Мы не можем ждать, пока к нам само явится 28 мая. Мы должны пойти навстречу этому историческому дню, чтобы на этот раз сделать его еще светлее, еще «историчнее». Мы, правда, не знаем, в какой географической точке настигнет нас этот праздничный для всего армянского народа день. Конечно, хотелось бы оказаться на родине великого Архимеда — в Сиракузах, что находятся на восточном берегу острова Сицилия. Но для этого нужно пропахать по Адриатическому и Ионическому морям целых трое суток.

Не успели выйти из бриндийской бухты, как резко изменилось все окрест: и ветер, и цвет моря, и амплитуда качания судна. Долго еще виднелись очертания и силуэты зданий Бриндизи, где так часто вспоминали мы легендарного фракийца Спартака,

возглавившего более двух тысяч лет назад восстание рабов, охватившее всю Италию. Именно здесь, в Бриндизи или в его окрестностях, Spartak осознал, что он проиграл. Драма этого свободолюбивого человека, доказавшего всей своей жизнью, что лучше разгневаться богов на небе, чем народ на земле, заключалась в том, что он не учел одного: армия рабов не бывает боеспособной. Spartak сумел прежде всего убить в себе раба, лишь потом вступил в бой. Однако большинство его соратников продолжали оставаться рабами. Они лишь на время прикидывались свободными. Для многих свобода оказалась слишком трудным делом, потому что несла в себе ответственность, долг. Получив на время свободу, они решили, что уже стали царями. Они ведь не ведали, что настоящий царь тот, кем повелевает дух, что раб тот, кем повелевает тело. Spartak проиграл потому, что абсолютное большинство воинов его почти стотысячной армии все еще продолжали оставаться рабами. Еще один урок истории: все восстания, если к ним не готов народ, обречены на поражение ...

Довольно скоро Бриндизи скрылся в тумане. Ветер дул северо-западный — прямо в левый борт. Ох, уж эта бортовая качка «Киликий»! Пляска, а не ход. Ветер прижимал судно к самой «шпильке» женского «сапожка» Апеннинского полуострова.

Стоя на своем традиционном месте перед основанием мачты, у тумбы с вантами, я стал считать (в который раз занимаюсь этой удивительной статистикой) количество ползущих на нас волн слева. Читатель легко поймет, почему слева, если вспомнит, что мы идем на юго-восток, а ветер дует северо-западный. Значит, дует слева. И вот «Киликия» раз семь-восемь размашисто раскачивается с боку на бок, после чего какое-то время идет почти ровно, и я вижу, как перед нами вырастает целая гора. Невозможно определить, как она движется. Она не куврыкается, не ползет, а, как огромный курган величиной с многоэтажное здание, неумолимо надвигается на нас, делая конвульсивные движения где-то внутри, словно готовится к прыжку. А в это время из-за туч неожиданно выглядывает на минуту-другую солнце, направляя на волну свои косые лучи (дело идет к вечеру). Прямо-таки цветное кино: движется вразвалку волна, вся изнутри зажигаясь, переливаясь всеми цветами радуги, с превалированием последнего — седьмого, фиолетового, цвета. И вот что удивительно: никак не удастся точно и во всех подробностях определить момент исчезновения волны. Но я, кажется, понял, в чем дело. Она умирает, рождаясь вновь. Она постоянна в своих переливаниях. В ней — суть движения.

Она не одна, ее подхватывает множество волн, которые образуют одну волну, могучую и мощную, стальную и воздушную. Она может ласково гладить борт судна и одновременно грубо, словно гигантской кувалдой, ударять по форштевню.

Думаю, трудно было бы нынешним модницам ходить в «апеннинских сапогах» хотя бы потому, что длинная «шпилька» на кончике сгибается вперед (на юг) и завершается острым мысом Санта-Мария ди Леука. Здесь проходит пролив Отранто, отделяющий юг Италии от Греции. «Киликия» прошла через этот пролив штормовой ночью из Адриатического в Ионическое море при тусклом свете, как говорил некогда мой семилетний сын Гайк, в «старолуние» (если есть понятие «новолуние», то почему же не быть «старолунию», — логично подумал ребенок).

В ту ночь, когда проходили пролив Отранто и в полночь вошли в воды Ионического моря, мы почувствовали, что такого ни разу не случилось на протяжении всего плавания. Ветер и море — семь баллов.

Конечно, подобное бывало. Однако ощущение было другое. Спору нет, огромное значение имеют курс судна и направление ветра. Самое страшное — когда идешь в такой ситуации на парусах, а пьяный ветер, шатаясь, движется зигзагами. В это время в темноте надо и налегать на рулевые весла, и перекидывать паруса с одного борта на другой. Иначе сойдешь с курса. Случается так, что при смене направления ветра надо все это повторять в обратном направлении. Однако во время таких «перемен» и «перестановок» образуется та самая толчея, тот самый хаос волн вокруг корабля, от которого бортовая качка усиливается до такой степени, что судно черпает воду то одним бортом, то другим.

В один из таких критических моментов, а это случилось около четырех часов утра 26 мая, правое рулевое весло согнулось под невероятным давлением воды. Как это могло произойти? В Сочи нам пришлось вставить в сердцевину деревянного руляштурвала железный остов, как это делали киликийские моряки. Конечно же, трудно поверить в то, что может согнуться стальной столб под напором воды. Но именно так и происходит, когда несколько волн сходятся в одной точке. Да, весло согнулось. В Сочи оно, будучи деревянным, сломалось, а здесь согнулось железо. Но ведь это железо было привязано наглухо к крепежной балке рулевой системы. Значит, балка все-таки выдержала. Железо, сталь не выдержали, а вот деревянная система выдержала.

А за три часа до того, как согнулось правое весло, с верхотуры мачты сорвало большой стаксель (парус). Накануне вече-

ром во время подъема большого и малого стакселей молодой Мушег как-то ненароком сказал: «Этот блок при сильном шторме обязательно сорвется, и парус полетит в воду». Как всегда, его пророчество сбылось.

Это произошло в два тридцать ночи. После очередного порыва мощного ветра с шумом сорвало блок с верхушки мачты, и треугольное полотно полетело по направлению ветра в ночное бурлящее море. При свете тощего полумесяца можно было заметить, что его держит фал (конец, веревка), накрепко привязанный к переднему углу. Начальник вахты Армен Назарян, стоящий у руля, Гайк Бадалян, уже готовый его сменить, а также вахтенные Гайк Садоян и Ваагн Матевосян — всего четыре человека находились на верхней палубе. Никто из них не закричал «Аврал!», не запаниковал, видя, что с каждой минутой все мощнее и мощнее налегают волны на крохотное деревянное суденышко. Тотчас же без слов было принято решение: Армену управлять одним левым рулевым веслом, Гайку, Ваагну и Садояну броситься к носу, чтобы поднять упавший за борт большой стаксель. Тянули мощную брезентовую махину, как китобои — загарпуненного кита. И подняли-таки на правый шкафут (часть палубы) носовой части корабля. Экипаж лишь утром узнал о том, как грохнулся в море большой стаксель и как согнулся гигантский стальной черенок руля, за которым стоял Карен Даниелян, почувствовавший, что еще тяжелее стало управлять парусником в шторм, да еще в кромешной тьме.

* * *

Скорость прямо-таки черепашня. Ветер встречный. Из сводок погоды в нашем регионе мы знали, что пока доползем до мыса Спартивенто, ветер стихнет. Но до этого мыса, то есть до самой южной точки материковой Италии, нам пришлось идти больше суток: ветер ноль, в то время как море еще долго продолжало плясать под килем бедной «Киликии». К утру 27 мая оно наконец успокоилось. Успокоились и мы: при любой погоде, судя по всему, мы уже дойдем до Сиракуз.

Двадцать седьмого мая — день рождения моей жены. Не будем говорить о ее возрасте. Она гораздо моложе меня. Решил я, пока суд да дело, поговорить с «Киликией» хоть немного. Я уже не могу без наших с ней диалогов.

У настоящих мужчин не принято рассказывать (даже самому близкому другу) о жене. Тем более, говорить о своих чувствах. Когда я по телефону, путая голос жены с голосами доче-

рей, обращаюсь традиционно словами «А-джана! Цвет танем!» («Да, душа моя! Унесу твою боль!»), она тотчас же дает мне понять, что я ошибся, что это не дочь, а она, Нелли. Ибо знает, я в быту никогда так к ней не обращаюсь. Так что о жене говорить даже с «Киликией» очень непросто.

Индийская мудрость гласит: «Ни матери, ни жене, ни брату, ни собственным детям нельзя доверяться так, как истинному другу». Вот с этого и начался наш очередной диалог с «Киликией».

— Я с первой минуты появления на свет ощущала величие дружбы. Хотя мне трудно понять суть этой индийской мудрости...

— Я согласен с тобой, «Киликия». Мудрость эту я бы воспринимал с некоторыми оговорками. А вот еще, послушай: «Женщина сияет — весь дом сияет, женщина мрачна — весь дом погружен во мрак». Это будто сказано о моей жене. Или: «Хозяйка дома — вот что такое дом. А дом без хозяйки подобен хлеву». С этим я полностью согласен. Сейчас я много читаю об Индии, о ее философии, о ее религии. О том, как испокон веку там относились и относятся к женщине, жене, матери. И многое мне близко и понятно. Вот слова, которые в Индии известны тысячи лет: «Хорошая жена трудится на тебя, как слуга; дает советы, как советник; прекрасна, как богиня красоты; спокойна и вынослива, как земля; кормит тебя, как мать; улаживает тебя, как гетера. Хорошая жена — шесть лиц в одном». Все прекрасно. Однако я не позволю себе вслух сказать, что все это относится и к моей жене. Она моя жена — и этим все сказано. Однако я начал этот разговор не для того, чтобы дальше развивать эту тему. Лучше отложить наш диалог о жене и вообще о женщинах на другое время. Справа уже виднеется контур вулкана Этна. Мне надо обязательно нарисовать его в блокноте и еще поискать данные об одной из самых популярных огнедышащих гор планеты.

— Я давно уже чувствую эту гору, очень похожую на Большой Арарат. Но прошу тебя ответить мне еще на один вопрос, который я давно хотела задать тебе: кем бы ты хотел быть, если бы не был армянином?

— Ну, ты даешь! Да разве такой вопрос задают?

— А ты все же подумай и попробуй ответить. Для меня это очень важно. Что же касается вулкана Этна, то знаю из опыта, пока мы к нему подойдем поближе, пока он будет отчетливо виден, пройдет несколько часов, если учесть начавшееся безветрие.

— Хорошо. Согласен. Правда, ты застала меня врасплох. Я родился и жил в такое время, когда подобные вопросы были просто невозможны, не то что искренние ответы на них. Не по-

веришь, но в свое время я сам задавался этим вопросом, чувствуя, что оскорбляю себя самой постановкой его. Но вот прочитал я у греческого философа VII века до нашей эры Фалеса из Милета слова, которые поразили меня: «За три вещи благодарен я судьбе: во-первых, что я человек, а не животное; во-вторых, что я мужчина, а не женщина; в третьих, что я эллин, а не варвар». Слова удивительные в первую очередь потому, что они были сказаны более двадцати веков назад. И с высоты гигантского времени я возьму на себя смелость не согласиться с философом такого почтенного возраста. Он утверждает, что благодарен судьбе за то, что родился эллином, а не варваром. По логике вещей, выходит, что варваром он не хотел бы быть, а вот, скажем, персом, римлянином, армянином хотел бы.

— Он писал о варварах, подчеркивая дикость и жестокость чужеземцев. Речь шла главным образом о германцах.

— Термин «варвары» имеет также и переносное значение — дикие, грубые, некультурные люди. Поэтому я бы не писал, что благодарен судьбе за то, что я армянин, а не какой-то там грубый, некультурный человек...

— А как бы ты написал? Кстати, это и будет ответом на мой вопрос.

— Я бы ответил так: «Благодарен судьбе за то, что родился армянином. За то, что мать моя армянка, отец мой армянин. Ближайшие и далекие предки мои армяне. Я был бы безмерно рад, узнав, что и русский благодарен судьбе за то, что он русский, что еврей благодарен судьбе за то, что он еврей!»

* * *

«Киликия» оказалась права: обойдя мыс Спартивенто и взяв курс на северо-запад, в береговой дымке мы увидели вскоре очертания высокой равнобедренной горы Этна высотой 3340 метров. Самый высокий вулкан в Европе. Действующий вулкан. Самое страшное извержение было в 1669 году. Возвышается на восточном побережье острова Сицилия у входа в Мессинский пролив, отделяющий остров от материковой Италии и соединяющий Ионическое море с Тирренским.

Нас куда больше интересует сам остров. Армяне впервые появились здесь в VII веке, когда наместником Сицилии стал армянин Ованес Аршакуни. В 668 году, когда в городе Сиракузы был убит император Константин II, местные войска назначили полководцем армянина Мшеша (Мезизиос). В 832 году главой острова стал Алекс-Мушег Мамиконян, который ус-

пешно организовал оборону острова от арабского вторжения, за что был удостоен звания проконсула (марзпет).

Отношения между армянами и Сицилией получили особое развитие в XIII веке во времена правления киликийского царя Ошина, который был женат на дочери сицилийского князя. В последующие века армяне в основном жили в Мессине и Палермо, где в 1753 году Григор Просветитель был официально причислен к лику святых.

Таков этот остров, овеянный легендами, который со своей легендарной Этной должен встретить нас примерно через три-четыре часа 27 мая — напомним, дорогой для меня день, юбилейный для моей жены. Практически последние три дня мы не смыкали глаз. Держим курс на Сиракузы, где намереваемся, презрев невероятную усталость, сотворить и для себя, и для островитян настоящий армянский праздник. Кстати, в этот день в наших рядах ожидается пополнение. К нам на короткое время присоединятся отец и сын Амаяк и Корюн Тарахчяны, а также корреспонденты журнала «Вокруг света» Лев Вейсман и Гарольд Петренко, которые до Рима должны в портах производить фотосъемки.

* * *

Вначале я не очень-то серьезно воспринял идею о шурджпаре — танце вокруг горы Арагац. Что же это за танец? Напомню, Арагац — самая высокая гора в Закавказье (4090 м), потухший вулкан. В Армении есть много точек, откуда четко обозреваются три вулканических шедевра: четырехглавый Арагац, двуглавый Арагат, одинокий Ара. Арагат — не просто гора-феномен или гора-символ, гора-память или гора-свидетель живой истории армянского народа, но и гора-причал, спасительная гора-пристань для всего человечества. Это библейская гора, на вершину которой взял ориентир Ной — капитан легендарного ковчега — и спас человечество во время потопа. Гора Ара символизирует вечное воспоминание о неразделенной любви царицы Ассирии Шамирам и армянского царя Ара Прекрасного. А вот Арагац — нечто другое. Есть в нем что-то от мудрого старца. Он у нас ученый. Даже в мировых энциклопедических изданиях непременно отмечают, что на склоне горы Арагац возведен истинный научный храм — всемирно известная Бюраканская (Амбарцумяновская) обсерватория.

И вот именно вокруг Арагаца решили организовать дошедший до нас из глубины веков шурджпар, символизирующий единение народа. Конечно, при нашем сегодняшнем ментали-

тете идея эта может восприниматься как нонсенс, как анахронизм. Однако никуда не денешься от реалий жизни: мы, армяне, такие, и с этим ничего не поделаешь. Мы охотно воспринимаем новое, но редко охотно расстаемся с прошлым. Да и зачем расставаться, если суть и смысл явления и события должны упрочить единение народа.

Когда Агван Овсепян впервые поведал мне об этой идее, я от неожиданности пожал плечами. Но сомнение у меня длилось лишь мгновение. Я давно знал об этой древнейшей нашей традиции. Помнится, в одну из встреч, которая состоялась в рамках традиционных «Дней советской литературы в Армении», большой литовский поэт Эдуардас Межелайтис попросил нас, армянских литераторов, рассказать о сути армянского танца, когда в самый разгар застолья вдруг задорно играет музыка и люди один за другим встают из-за стола, спешат к центру зала, на ходу поднимая руки. Литовского поэта буквально силой потащил в центр зала писатель Левон Мкртчян, а мы со смехом смотрели, как Эдуардас все выше и выше поднимает руки. Сделал даже два-три не очень ловких поворота то в одну сторону, то в другую. Ему объяснили, что поднятые вверх и в стороны руки — это символ приглашения, символ зова. Мол, идите ко мне, люди. Я поднял и высоко развел руки: вот, душа моя открыта...

Поздно вечером после причаливания в Сиракузах (в армянской и греческой транскрипциях название это звучит в единственном числе, в русской — во множественном) экипаж собрался на палубе, и началась репетиция. На огромном бетонированном причале, несмотря на позднее время, прогуливались люди. Их, конечно, и без того явно удивляло архаичное судно черного цвета с неизвестными им флагами, но тут вдобавок, на ночь глядя, странный экипаж под странные такты собственного голоса, странным образом танцует: два шага вправо — остановка, шаг влево и сразу снова два шага вправо...

* * *

Сто шестьдесят тысяч, а, может, и двести тысяч человек будут танцевать вокруг Арагаца, извержение которого еще в доисторические времена сопровождалось таким страшным взрывом, что разворотило вершину горы, образовав гигантский кратер площадью в три квадратных километра и глубиной около полукилометра. Четыре вершины, которые мы видим, глядя из Еревана, не просто расположены в ряд. Все они возвышаются вокруг кратера, как сказали бы поэты, в виде лепестков огромного цветка.

Вот их характеристики. Северная — 4090 метров (она и есть пик Арагаца), Северо-западная — 4080 метров, восточная — 3916, южная — 3879. Ниже основных вершин расположены пять высокогорных озер. Наиболее крупное из них — озеро Кари. Оно расположено на высоте 3207 метров, его диаметр — около ста метров. Как известно, время, ветер, вода и, конечно, солнце являются лучшими чудотворцами. Это их совместными «усилиями» на склонах Арагаца появились глубокие, уникальные в своем роде ущелья, и среди них самые крупные — Геховит и Амберд, имеющие глубину до пятисот метров каждое. Арагац является матерью таких воспетых поэтами рек, как Касах, Геховит, Амберд и других. Только в ущельях Геховита низвергаются три водопада высотой более ста метров. Такое вот у нас чудо — Арагац. И я счастлив от сознания, что мне довелось многое из того, о чем я здесь поведал, увидеть собственными глазами, и подняться на высоту более трех тысяч метров со стороны поселка Цахкаовит в 1978 году во время многомесячного путешествия по Армении.

Засыпал я с мыслями об Арагаце, вероятно, чувствуя в эти минуты то же самое, что и люди, проводившие ночь на склоне легендарной горы.

* * *

Рано утром 28 мая я предложил капитану дать перед завтраком команду всем «иметь опрятный вид», как это записано в уставе военно-морского флота. После завтрака я попросил убрать всю посуду со стола. И призвал мысленно вернуться к тем дням, — двадцать третье, двадцать четвертое, двадцать пятое мая 1918 года. У нас еще свежи в памяти страшные события, которые предшествовали вторжению вооруженных до зубов турок в последний оплот исторической Армении. Уже заняты Сарыкамыш, Ерзнка, Эрзурум, Карс и Александрополь (Гюмри). Практически со всех сторон турки ринулись на Ереван. Они не могли не воспользоваться удачной для себя ситуацией. Советская Россия налаживает отношения с Атаюрком, Армения окончательно обескровлена в результате тридцатилетнего геноцида. После ухода русских войск полностью оголен так называемый Кавказский фронт. Представим на минуту, что мы не сумели противостоять натиску превосходящих сил врага. Это был бы конец. Все последующие поколения нашего народа обязаны помнить подвиг наших отцов, отстоявших пусть крохотный, но спасительный оплот Армении, которая именно сегодня, восемьдесят семь лет спустя, стала после многих столе-

тий независимой. Давайте вспомним имена полководцев и стратегов: Товмаса Назарбекова, Мовсеса Силикова, Андраника Озаяна, Даниел-бека Пирумяна, Погоса Пирумяна, Драс-тамата Канаяна (Дро), Арама Манукяна и многих других. Без их подвига не было бы первой республики, которая вошла в историю как Дашнакская республика и которая положила начало возрождению духа народа, не было бы второй республики — Советской Армении. Не следует забывать, что именно в годы существования Советской Армении наш народ, вопреки ужасам сталинщины, пережил истинное возрождение. И не было бы нынешней независимой Армении, общенародного Карабахского движения. А значит, не было бы и нашего многолетнего проекта экспедиции «Киликия», ценность которого, кроме всего прочего, заключается и в том, что по всем международным законам площадь палубы судна является суверенной территорией Армении, а на флагштоке развевается государственный флаг Родины. И если истоки судна находятся в Армянском Киликийском государстве, то история экспедиции «Киликия», по существу, начинается именно 28 мая 1918 года.

* * *

Вернемся к Арагацу, который находится не только в центре нынешней Армении, но и в центре внимания мирового армянства, рассеянного по всему свету. И, естественно, «Киликия» и «килийцы» не могли не попасть в эпицентр уникального явления хотя бы потому, что наш «Арагац» — цветная фотография панорамы четырехглавого шедевра природы, окружающая мачту на уровне человеческого роста, — находился в самой сердцевине «Киликии». Еще утром, сразу после беседы о празднике независимости, мы подняли рею, чтобы освободить палубу. Потом был объявлен «аврал», но не для традиционного поднятия парусов, а для генеральной уборки (особенно на верхней палубе). Привели в порядок киликийские таразы (что означает — хорошо их выгладить) и к одиннадцати часам были готовы к «восхождению» на склоны Арагаца. Все это время на палубе громко звучала армянская музыка. Шестнадцать человек шумно и весело готовились к празднику. В половине двенадцатого экипаж был построен вдоль левого борта. На причале собралась толпа любопытных наблюдателей, не ведавшая, что творится в душах загорелых дочерна людей, разодетых в экзотические одежды.

И вдруг над всем, как мне почудилось, Средиземным морем зазвучала мелодия государственного гимна Армении. Мы сто-

яли лицом к причалу и видели реакцию сиракузцев — потомков великого Архимеда. Такое было впечатление, что они, несколько посерьезнев, вытянулись и стали по команде смирно, тем самым подчеркивая свое уважение к чужому гимну.

Накануне в полночь мы репетировали шурджпар, но не договорились, кто с кем рядом будет стоять. И решили: пусть будет так, как получится. На сей раз Арик Назарян, Гайк Бадаляян и, конечно, телеоператор Самвел Бабасян оказались уже вне строя. Они снимали. Ровно в двенадцать (в это время в Ереване было уже три часа пополудни) начался танец. Буквально через минуту-другую, когда я уже наловчился и угадывал нужные такты вправо и влево, раздался телефонный звонок. В этом шуме, гаме, веселом гомоне невозможно было ничего разобрать, и я выскочил из круга. Это был «Айлур», «Армянские вести». Попали ребята из первого канала прямо в точку. В самый разгар праздника. Мне пришлось на таком неопишемом фоне описать хоть что-то, чтобы телезрители могли понять и разделить наше настроение. Я ничуть не сомневался, что на Родине на шурджпар соберется намного больше народу, чем предполагалось. Это же так важно в столь простое время — чувство единения, когда сердца сотен тысяч соотечественников, стоящих плечом к плечу, бьются в унисон. Это означает: «Мы можем!»

* * *

Еще накануне поздно вечером, когда при свете портовых фонарей «Киликия» представлялась запоздалым прохожим (главная улица Сиракуз проходит буквально в двух метрах) неким чудом, и многие сворачивали с пути и подходили, чтобы поглазеть или даже потрогать руками это чудо, к борту подкатил мотоцикл. Юноша и девушка, сидевшая сзади, не сошли со своего железного коня, а, продолжая сидеть, расспрашивали, задавая стандартные вопросы, к которым мы давно привыкли и научились довольно сносно (а главное приветливо) отвечать на английском и даже на других языках. Чаще всего просто догадываешься о сути вопроса. Как правило, первый вопрос представляет естественное: кто вы, откуда, что за флаг и так далее. И уже знаешь, что надо громко произнести: «Армения». И очень часто в ответ слышишь: «О, Армения!» Пара на мотоцикле не была исключением. Мужчина оказался намного активнее. На ломаном (это было ясно даже нам) английском он приглашал к себе домой весь экипаж. Выяснилось, что живет он совсем рядом. Проблемы с транспортом не будет. Но главное,

он хотел выяснить, поняли ли мы, что приглашает именно всех без исключения. Мы поняли. И до того это было трогательно, что охотно приняли приглашение. Они были супругами. Его звали Энрико, ее — Франческой. Они все время улыбались. Были довольны, что мы согласились. И под конец дали понять капитану, который лучше других изъясняется по-английски, чтобы мы вечером не ужинали на корабле. Конечно, больше всех был рад этому наш кок — Самвел Саркисян.

Это был удивительный вечер. Энрико пригласил своего родственника с супругой. Никто не владел английским. Никто из нас не говорит по-итальянски. Но, как говорится, ишака вызволили из грязи. Без конца произносили тосты, подключая в дело жестикуляцию (в этом отношении армяне и итальянцы — братья-близнецы), и вечер удался на славу.

Но самое главное, что в тот вечер отдыхал наш кок — большой оригинал, с тонким чувством юмора, с выраженным чувством собственного достоинства и с величайшим чувством ответственности. Я уже говорил, что кок готовит еду в нескольких десятках сантиметров от моей головы. Правда, нас разделяет доска-перегородка, а сейчас к ней прибавилось еще и одеяло, выполняющее роль занавески. Как только я делаю маленький перерыв, оставляя в покое свою «железную леди», Самвел тотчас же вступает в диалог, при этом очень интеллигентно извинившись.

У него прекрасное чувство моря. Пропадая все время на камбузе, он, тем не менее, находит свой «час истины», выходит на палубу, облокачивается на фальшборт, согнув в три погибели долговязую фигуру, которая у плиты в камбузе с низким потолком напоминает вопросительный знак. Он долго смотрит в море, думая о чем-то своем. Иногда я мешаю ему чувствовать себя слишком одиноким на судне и спрашиваю:

— О чем думаешь, Самвел?

— Я не думаю, я размышляю, — отвечает он, улыбаясь.

— Ах ты, Жан Жак Руссо, Марк Аврелий, — говорю я с интонациями Остапа Бендера, — и о чем же ты размышляешь?

— Я радуюсь.

— Ну, и чему ты радуешься при такой качке?

— Радуюсь тому, что мой сын Давид такого же роста, как я, и даже на один палец выше...

Вот такой он, наш кок. Не похож ни на кого. Смотрит на белые барашки Средиземного моря и радуется тому, что сын перерос его на один палец. Правда, не уточняет, на длину или ширину пальца.

— Ладно, мне понятно.

Вскоре уже можно было видеть, как этот добрый малый с чистой душой, лишенный каких-либо комплексов, уже молча возился у плиты, сознавая всю серьезность своей работы, ибо он не раз подчеркивал, что сама «Киликия», сама экспедиция — это более чем серьезно. Он так и сказал однажды: «Я серьезно служу очень серьезному делу».

* * *

Мальта. Конечно, можно было не включать этот остров или эти острова в маршрут экспедиции. Но в то же время невозможно пройти мимо такого интереснейшего географического, исторического, культурного явления, каковым является Мальта, где с давних пор жили наши предки. Республика Мальта — это острова общего Мальтийского архипелага: сама Мальта, острова Гоцо, Камино и несколько мелких островов. Расположены они между Сицилией и Африкой. Общая территория примерно в десять раз меньше Республики Армении и во столько же раз меньше общее население. Зародились они почти в одно время — в начале первого тысячелетия до нашей эры. Воевали с одними и теми же государствами — с Древним Римом и Византией. Множество раз находились под игом одних и тех же завоевателей. Не легче пришлось Мальте и в последние века. В XIII веке завоевала ее Франция, в начале XIX — Великобритания. Весь Мальтийский архипелаг становился для великих держав и мишенью, и яблоком раздора, и военной базой, и непотопляемым авианосцем. И лишь после длительной самоотверженной борьбы крохотного народа, говорящего на арабо-итальянском языке, в 1964 году страна получила независимость.

А теперь скажу, почему я привел здесь эту информацию. На протяжении всего плавания я замечал во многих городах и странах одну закономерность. Достаточно узнать, когда в той или иной стране начали настоящую охрану и реставрацию памятников старины, чтобы безошибочно определить время обретения независимости. На Мальте я узнал, что именно с конца шестидесятых годов прошлого столетия огромные площади, пространства, комплексы старинных зданий, крепостей, храмов начали реставрировать, обносить капитальной, чаще всего чугунной, оградой. В этом есть своя логика. Только независимость пробуждает национальное самосознание, которое обязывает начать возрождение народа, его культуры и быта, его уважения к прошлому, к предкам, к преданиям, сказаниям, легендам и песням, к архитектуре.

Нас никто не ждал в этом крохотном государстве и огромном порту. Вообще-то довольно часто бывало так, что наш визит в ту или иную гавань заставлял врасплох службы безопасности, пограничников, таможенников, а теперь, как выяснилось, еще и подразделения Интерпола. Может причина в том, что судно деревянное и радар его не обнаружит? Словом, рано утром мы вошли в центральные ворота Мальты и стали подыскивать в предрассветных сумерках удобное для себя место.

Пристроились. Причалили. И все было нормально. Собственно, много ли нам надо? Наполнить наши баки питьевой водой. Подключиться к электричеству, чтобы зарядить аккумуляторы для двенадцативольтного освещения. Хотя без того и другого можем обойтись. Запасов воды хватит до Липари. И с электричеством нет особой проблемы. Можно всегда запустить свой движок (правда, мне в это время приходится подниматься на палубу, ибо дышать внизу нечем — нары мои расположены возле движка), за два часа аккумуляторы успеют зарядиться. А это значит — будут работать световые огни на бортах, на корме и на топе (верхушке мачты). И конечно, двенадцать вольт нужны для моей лампочки и для компьютера Арика, для отправки и получения информации по электронной почте.

На Мальте крепостей, античных строений, языческих и христианских храмов так много, и все это так капитально охраняется и обихаживается, что смотреть можно только издали. Я не думаю, что все это называется только бизнесом, скорее, любовью к Родине. Самое юное создание и творение на Мальте — это ее столица Валлетта, основанная всего лишь в... XVI веке.

* * *

Я всегда замечаю, как скучает «Киликия» на стоянках, потому что она — существо морское, как дельфин, а не сухопутное, как лошадь. У берега она задыхается, как Ихтиандр. Благо на этот раз судну не давал скучать один из основателей клуба «Айас» и один из первостроителей и первосоздателей парусного судна Амаяк Тарахчян. Запись в блокноте начинается так: «Об Амаяке. Не успел подняться на борт, как, оглядевшись по сторонам, с ходу взялся за работу. Тотчас же возле него появились помощники».

Я знал, что запись эта станет началом разговора об Амаяке и с Амаяком. И уже через несколько дней пригласил его в мой «бункер».

— Амаяк, давай начнем не с первого дня создания клуба «Айас», а именно с того дня, когда практически начались поис-

ки стволов в лесу для будущего судна. То есть когда в ваших молодых головах была идея, на столе был набросок, чертеж, но ничего материального еще не было.

— Это было время, — начал Амаяк, — уже реального, отчетливо заметного развала СССР. К тому же это было время, когда на наших глазах деньги, советские рубли, которые долгое время нам казались железобетонными, вдруг превратились в труху.

— И кто же вам, бедным и безденежным, помогал?

— Я бы хотел, чтобы все знали. Впоследствии нам помогали многие. Но тогда идея всем казалась эфемерной. Деньги обесценивались с бешеной скоростью. В такой ситуации нам помог человек, который, по сути, и стал первым меценатом «Киликии» — Овнан Унанян.

— Так и запишем: первым был Овнан Унанян. А кто из вас с топорами и пилами первым отправился в лес?

— Мы разделились на группы. Карен Балаян и Александр Маркарян поехали на Северный Кавказ за стволами. Я бы сказал, это была самая главная поездка. Однако нельзя было приступать к работе без технической части, без инструментов, причем самых разнообразных...

— Без того, что в политэкономии называют производительными силами.

— Да, именно так. Всем обеспечением, всей материальной частью занимались Тигран Алаян и я. Можно продолжить этот очень короткий список, если речь идет о первых днях. Это — Левон Абрамян, Рубик Карапетян. Ну и, конечно, когда уже сырье в виде древесины дошло до места назначения и надо было приступать к делу, к нам присоединился Баграт Садоян, а впоследствии Гурген Арутюнян, чья роль в самом строительстве, может, самая большая, Армен и Арег Назаряны. Не могу не назвать и тех, кого уже нет с нами: Армен Ерицян, Роберт Ованесян, Арташес Парсаданян, Андраник Мкртчян.

— Ты приехал в Сиракузы вместе со своим сыном-школьником на две недели. Об опасности не думал?

— Я, может, как никто другой, верю в прочность и надежность нашего судна. А ведь мой сын родился и вырос вместе с рождением и ростом самой «Киликии» и, кроме всего прочего, он уже яхтсмен, юнга-яхтсмен. Так что я знал, что он не будет обузой, а станет трудиться, как все.

— Твой Корюн полюбился мне сразу. Уже через день-другой я понял, что первое впечатление не обмануло меня. Не знаю, как

ему даются школьные уроки, но твои уроки мужества он усвоил хорошо. Самое главное, не халтурит. Скорее, наоборот, старается успеть во время аврала всюду, и это ему удается. Душа нараспашку. Ну, а теперь сменим тему. Поговорим об относительно отдаленном будущем «Киликии» и самой экспедиции.

— Я думаю, — начал Амаяк после непродолжительной паузы, — что место «Киликии» в конечном итоге — Севан, но в то же время уверен, у судна есть еще потенциал.

— Согласен. Но где ему плавать? По сути, если все пройдет успешно, то в Лондоне или Амстердаме будет поставлена точка.

— Ему и на Севане хватит работы. Что же касается судьбы самой экспедиции или новых проектов, то могу сказать, что мы еще на заре строительства судна говорили с ребятами на подобные темы. И знаете, уже тогда думали о том, что мы, основатели клуба «Айас», строители «Киликии», во главе (я должен это подчеркнуть) с Кареном Балаяном, доведем до ума наше детище, а реализовывать сверхзадачи придется уже другим.

Я раньше не общался с Амаяком, ведь он живет и работает далеко от дома — в Африке, в Эфиопии. Уже известный среди международных коллег специалист по ортопедии, протезированию. Спросил его:

— Как же случилось, что в прошлом году ты не смог выкроить время для плавания?

— Это было практически невозможно. Помешали два обстоятельства. Я очень люблю свою работу. Это — призвание. И второе — моя семья. Я, можно сказать, жизнь отдал за то, чтобы корабль состоялся. И сейчас горд и счастлив, что наш труд не пропал даром. Но семья — превыше всего.

— Но ведь ты работаешь вдали от семьи.

— Во-первых, я делаю все, чтобы семья была рядом. Во-вторых, — твердый заработок позволяет планировать жизнь и чувствовать себя нормальным человеком. Ну, а в-третьих, повторяю, для меня поставить людей на ноги — призвание, а море и яхта — хобби.

* * *

В Мальте я все больше делал зарисовки, нежели писал. И, думаю, это не случайно. В подобном музее слова не нужны. Учитывая, что всякий раз я довольно обстоятельно готовлюсь к встрече с тем или иным портом, страной, мне нетрудно бывает вступать в свой внутренний молчаливый диалог с историей. Смотришь на

необычную кладку крепостных стен и вспоминаешь, что накануне читал: «С XIII века до нашей эры Мальтой владели финикийцы». Ходишь по мощенной тысячелетия назад мостовой древнего города и думаешь о давно исчезнувших финикийцах, которые основали как на островах, так и на материковой части Средиземноморья свои колонии. В 825 году до нашей эры основали на севере Африки колониальный город Карфаген. Ну и что? А то, что через три-четыре века колониальный Карфаген завоевал метропольную Финикию и сам основал свое могущественное государство, в которое входили и Сицилия (без Сиракуз), и Сардиния, и юг Испании, и стал угрожать даже Риму. Со школьной скамьи помним легендарное «И все-таки Карфаген должен быть разрушен!» И он был разрушен в 146 году до нашей эры. Так бывает со всеми государствами с имперскими замашками.

Обо всем этом я размышляю, бродя по улицам Мальты, то и дело останавливаясь, чтобы сделать набросок в блокноте. Так легче запоминается увиденное. А если еще написать рядом несколько слов, то память становится действенной вдвойне. Вот записи: «Рядом с мальтийской «царь-пушкой», установленной у входа древнего храма». «Позвонил Сос. Это уже традиция». И тут же по латыни «NB» (нота бене — обрати внимание!). Сос Саркисян звонит мне на борт регулярно. Собираются, скажем, у него люди в ректорском кабинете или находится в компании, он непременно наберет мой телефонный номер, передаст от всех собравшихся привет экипажу, скажет несколько восторженных слов, от которых на душе становится теплее. Все-таки Сос есть Сос. Великий артист. Великий боец. Великий друг.

В тот день кто-то еще тщетно пытался дозвониться. Я не без тревоги задумался: а вдруг домочадцы? Вдруг — жена? Может, что-то случилось? Решил позвонить сам. Дозвонился.

- Няня! Где ты?
- Я на рынке, — громко, чтобы перекричать базарный шум, ответила она.
- И что ты уже купила?
- Клубники, черных и белых тутовых ягод, непарниковых помидоров и огурцов, зеленого лоби, черешни... А что ты сегодня ел?
- А я ел чеснок, лук и, конечно, сухари.
- Уж лучше бы я не перечисляла все эти прелести. Я с работы домой иду. Дети все дома.
- Вот они поедят, а я здесь почувствую, как все это было вкусно...

Вспомнил маму. После ее возвращения из сталинских лагерей я три года жил в Средней Азии, где нашли пристанище все мои родственники, сосланные на Алтай и перебравшиеся оттуда в Ташкент и Андижан. И вот мама в этом клубнично-арбузно-дынном краю сидит у своего порога и чистит клубнику. Соседка спрашивает: «Теть Гоар, клубника вкусная?» — «Очень вкусная», — отвечает мама. «Откуда ты знаешь? Я вижу, ты перебираешь ягоды и даже не пробуешь». — «А мне об этом мои сыновья говорят», — объясняет мама.

* * *

Маршрут Мальта — Липари. Курс на северо-восток. По этой морской трассе шли восемьсот-девятьсот лет назад киликийские купцы. В истории имеется упоминание о небольшом порте Липари и липарских островах в Тирренском море. Это значит, «Киликия» должна пройти через известный читателю Мессинский пролив, разделяющий остров Сицилия и материковую Италию. Вновь, теперь уже с левого борта, нас долго, очень долго будет сопровождать вулкан Этна. Липарские острова примечательны тем, что там есть острова — действующие вулканы — Вулкано и Стромболи. Они функционируют, особенно Стромболи, ежедневно. А в безлунную ночь представляют собой некий фейерверк. Естественно, их не могли не видеть наши предки, которые целых три века только во времена Киликийского царства непрерывно ходили на своих судах по этим местам. Словом, посещение крохотного портового, кстати, популярного курортного города для «Киликий» считалось обязательным.

Но доплыть до него оказалось делом не таким уж простым. За двое суток трижды штиль сменялся какими-то двух-четырехчасовыми смерчами. Не успевали придти в себя, как снова, откуда ни возьмись, наваливался шторм.

И впрямь не поймешь, что хуже: шторм или штиль. Конечно, на каком-нибудь круизном лайнере штиль — это Божья благодать. Для нас штиль хорош разве только тем, что Самвел может поймать рыбу, но плох тем, что день длится слишком долго. Первое июня, международный День защиты детей, несмотря на капризы погоды, выдалось счастливым. Позвонил мой старый друг Жюльвер Ованесян из Сасуна по прозвищу «Скорая помощь». Он и впрямь само олицетворение скорой помощи для друзей. Это ему принадлежит бессмертная фраза: «Дорога в Сасун проходит сегодня через Арцах». Речь идет о его родном Сасуне, где родился его отец Гукас Ованесян — правая

рука генерала Андраника. «Глазам твоим свет!» — сказал Жюльер. Я не мог догадаться, о чем идет речь. Оказалось, о настоящем празднике. В Ереване открывался долгожданный памятник великому поэту Ованесу Ширазу.

Вся история памятника проходила на моих глазах. И немудрено: автор его Ара Шираз, сын Ованеса Шираза и Сильвы Капутикян. Талантливый скульптор и талантливый человек, дружбу с которым я очень ценю. В последние годы я был не только свидетелем взлета его таланта, но и в некотором роде участником претворения в жизнь некоторых его замыслов. И вот мой догадливый друг «Скорая помощь» передал трубку виновнику торжества — сыну Шираза. Слышимость была плохая, у памятника звучала музыка и мы оба старались перекричать ее. Это было в то самое время, когда на траверзе слева появилась Этна, повторюсь, самый высокий вулкан в Европе. Я поздравил Араика и тотчас же после разговора позвонил Сильве Капутикян. Она, конечно, была дома. Состояние здоровья не позволило ей принять участие в празднике сына. Я был счастлив, что Шираз, можно сказать Ширазы, дали мне повод услышать голос Сильвы или, как я часто ее называю, моей боевой подруги.

* * *

Ночью прошли через Мессинский пролив и к полудню 2 июля отметили ромом первую годовщину (круглая дата-юбилей) большого человека — Мгера Бабасяна. Надо было видеть отца годовалого Мгерика Самвела Бабасяна, чтобы понять, что такое счастье...

* * *

В Липари, наконец, завершили последние работы с рулевыми веслами и 4 июня вышли в море. Не успели отойти от бухты, как позвонил Бако Саакян из Арцаха и поздравил экипаж с праздником 1600-летия армянского алфавита. Еще накануне звонил мне советник ректора Ереванского государственного университета Семен Ахумян и сказал, что в Арцах выехала большая, примерно из двухсот человек, делегация на празднование великого события. Я тотчас же связался с моим не давнишним, а древнейшим другом Семеном Тиграновичем Ахумяном. Не случайно помянул я имя отца своего друга. Ибо уверен, Тигран Ахумян не мог не знать моего отца. Просто исключено, чтобы профессор Ереванского университета, настоящий энциклопедист, автор сотен научных трудов, не знал моего отца, возглав-

лявшего в тридцатые годы ведомство просвещения в Арцахе. Я попросил, чтобы Семен организовал отправку послания от имени экипажа «Киликии» на имя ректора университета Радика Мартиросяна по поводу большого праздника. Месроп Маштоц открыл школу в храме Амарас, возведенном в IV веке внуком первого католикоса всех армян Григора Просветителя епископом Григорисом. Кстати, в Амарасе служил священником мой прадед Тер-Ованес. Без сомнения, Месроп Маштоц уже тогда верил, что через 1600 лет его просвещенный народ будет праздновать в Амарасе и во всем мире рождение легендарного «взвода», состоящего из тридцати шести железных букв-воинов, которым суждено сохранить армянский народ. Сегодня каждый из нас должен задуматься над тем, почему этот молодой монах в свои двадцать семь лет пришел к такой дилемме: или наш народ получит свой алфавит, или ему более не суждено оставаться жить в веках и тысячелетиях. Ибо это было в 387 году, когда после кровопролитных сражений древняя Армения была разделена между Римом и Персией. Уже тогда разбрелись по белу свету армянские беженцы. И вернуть их в вассальную страну было невозможно. Легко представить, сколько бессонных ночей провел великий просветитель, размышляя над тем, что нужна некая сверхсила, объективно объединяющая идея, которая сможет сохранить на чужбине армянина в армянине. То была идея создания маленьких букв, обладающих космической мощью. Восемнадцать лет титанического труда увенчались успехом. Сорокапятилетний монах-полководец вместе со своими соратниками взялся вести свою армию по Армении. И вот уже тысяча шестьсот лет армянин, где бы он ни находился, куда бы его ни закинула судьба, начинал жизнь на новом месте со строительства армянской школы и Армянской апостольской церкви. Один стратег-полководец и тридцать шесть железных воинов спасли древнейший народ от исчезновения.

Без армянских букв невозможно было бы создание Киликийского армянского государства, где в особом почете были переписчики древних рукописей, которые во все времена объединяли народ. Без армянского языка не было бы и экспедиции «Киликии» по семи морям. И, конечно, наша кругосветка должна нести имя Месропа Маштоца. Дай Бог.

* * *

К вечеру «Киликия» приблизилась к острову Стромболи с юго-восточной стороны. В бинокль я увидел одинокий белый

дом. Рядом со мной на корме стоял капитан. Не отрывая бинокля от глаз, я вслух рассуждал:

— Одинокий дом. Уже можно сказать, что остров обитаемый. И еще, по всей вероятности, есть поселок, который расположен не на противоположной стороне, а где-то за мысом.

— Почему не на противоположной стороне? — спросил Карен.

— Потому что раз тут есть жильё, значит, вулкан извергает лаву и выбрасывает камни только с противоположной стороны. А поселок, уверен, расположен на таком склоне, куда ни при каких обстоятельствах лава не потечет.

— Смотря какое извержение, — выразил сомнение капитан.

— У постоянно действующего вулкана редко бывают катастрофические извержения.

Собственно, мы оба оказались правы, хотя не было и предмета спора. У нас на Камчатке работал единственный тогда в СССР научно-исследовательский институт вулканологии. Многие сотрудники его были моими друзьями. И я хорошо знал, что чем больше они изучают вулканы, тем больше рождаются тайн. Так что спорить о вулканах сложно. Но, тем не менее, поселок оказался за мысом, а вулкан Стромболи — на обратной стороне острова. Кстати, чуть поодаль находится крохотный остров, который ласкательно-уменьшительно называют Стромболино. Он необитаем. На нем стоит маяк. Пока мы подходили к вулкану Стромболи, стемнело, и при небольшом ветре звезды покачивались в морском зеркале, покрытом едва двигающимися волнами. Остров небольшой — около двенадцати квадратных километров. Высота вулкана меньше одного километра. Это не просто вулкан, а своего рода часы. В среднем через каждые пятнадцать минут он выбрасывает пурпурные раскаленные газы и бомбы. Мы встали у самого подножия, спустив паруса и дрейфуя при безветрии. Рядом расположилось множество пассажирских судов, на которых Италия зарабатывает деньги. Бизнес на вулкане. Самый дешевый аттракцион. Это же надо — в год около 35 тысяч раз вулкан выбрасывает раскаленные газы и бомбы базальтовой и андезитовой лавы. И так продолжается из века в век. Наш Самвел Бабасян что-то снимал. Правда, он все ворчал и жаловался, что в темноте изображение получается черно-белым.

* * *

Пока мы стояли на рейде напротив вулкана Стромболи в ожидании очередного выброса огненного газа и бомб, я раз-

мышлял о «Киликии». В эти мгновения со всех судов раздавались страстные возгласы — туристы были счастливы, что дождались, что не напрасно потратили деньги. Они всю жизнь будут помнить эти светящиеся и грохочущие мгновения. За десять лет пребывания на Камчатке, где около сорока действующих вулканов, я даже не предполагал, что живу в чудо-краю, о котором мечтают все туристы мира. Наверное, это происходило потому, что далекий полуостров и я слились воедино. Я там не был туристом. Оставаясь собой, оставаясь армянином, я жил жизнью полуострова. И сегодня, находясь на «Киликии», продолжая оставаться собой, живу жизнью судна, экипажа, моря. Я — кто угодно, но только не турист. Ведь я на работе. Я выполняю долг. Я скучаю по внукам, по семье, по жене, по моим друзьям, по Армении и армянскому абрикосу. Но сейчас я исполняю долг. И хочу, как говорится, втемяшить в головы всех членов экипажа, особенно молодых, всю важность того, что делается на палубе. Мы должны верить в судно, которое без нас, без парусов, без нашего тела и нашего духа не может двигаться по волнам.

И вот там, у вулкана Стромболи, я подумал о том, что, слыша счастливые возгласы с окружавших нас судов, «Киликии» хотелось поговорить со мной. Я научился у нее не только понимать, но и чувствовать. Так что чувствовал, что она хочет поговорить о вере. Один философ, у которого было много друзей среди священников, любил повторять, что их было бы еще больше, если бы он постоянно не пытался убедить тех, что они слишком верят в паникадило, меньше — в свечи, еще меньше — в солнце и меньше всего — в Творца, создавшего Солнце. В беседе с «Киликией» мы с ней имели в виду не религию, в основе которой лежит, конечно, вера, а такие ее синонимы, как доверие, убежденность, уверенность, без которых невозможно победить.

Мне не раз доводилось наблюдать: то, во что ты веришь, другими часто воспринимается как безумие. Так было еще задолго до начала Карабахского движения. Многие не верили в успех потому, что не верили в саму идею, реализация которой требовала упорного, долгого и неустанного действия. А действие сопряжено с опасностью. Мало кто мог поверить, что небольшая группа людей собственными руками построит в горах Армении деревянную лодку и выйдет на ней в открытое море. Но в это верили сами строители и безоговорочно поверило построенное ими парусное судно. Когда я увидел «Киликию» на площади Республики в Ереване и познакомился с ее создателями, я поверил, что она достигнет цели. Но больше всего,

повторяю, верила в успех сама «Киликия», с которой я продолжаю наш традиционный диалог.

— «Киликия», а хочешь я тебе скажу, почему некоторые оголтелые атеисты все-таки предпочитают верить в Бога?

— Как же атеист может верить в Бога? Он же атеист. То есть безбожник. Само слово говорит за себя.

— Я потому и говорю об оголтелом безбожнике, который не верит в Бога, а прикидывается верующим. Он и в церковь пойдет, и свечи будет зажигать. Дело в том, что такие люди внушают себе, что верят в Бога, только для того, чтобы свалить на него всю вину за те неприятности, которые с ними происходят. Такие люди по-настоящему уже не верят ни во что, и в первую очередь — в себя, в свои силы.

— Я с первого мига рождения осознала, что без веры в себя нельзя быть сильным.

— Ты, наверное, заметила, что всякий раз я тщательно готовлюсь к какому-то шагу. Почувствовав (как ты всегда чувствуешь), что темой нашего диалога будет вера, стал к ней серьезно готовиться. Мы с тобой не будем говорить о вере в Бога. Наш главный вопрос — это ты, «Киликия», это экипаж, это море, это наш проект. Я всю ночь думал. Потом встал и включил свет...

— Я чувствовала. Я всегда чувствую, когда ты среди ночи вскакиваешь, включаешь свет и пишешь что-то очень быстро.

— Я пишу быстро, чтобы снова лечь, а иначе сон окончательно убежит. Иногда оставляю на бумаге всего лишь одно слово. Вот, например, написал я слово «преданность» на странице, которая начинается со слова «вера». А утром вспомнил, что должен был связать эти два слова вместе. Вот и связал. Вера — это преданность идее, которую собираешься претворить в жизнь. Вот посмотри, что говорил очень тонкий психолог и философ Уильям Джеймс.

— Он говорил о нас?

— А почему бы нет? Этот человек родился в 1842 году в Америке и умер в начале XX века. Он запросто мог знать, что где-то в конце XX века несколько молодых парней возьмутся да и построят у подножия библейской горы Арарат корабль под названием «Киликия», который, получив боевое крещение на Севане, выйдет в море, чтобы взять курс на океан.

— А как такое могло случиться?

— Очень просто. Вот послушай, что писал Джеймс о нашем общем деле, используя понятие «вера», и ты убедишься, что он имел в виду и нас: «Вера — это готовность действовать в инте-

ресах дела, положительный исход которого заранее неизвестен. По сути, это та же самая нравственная категория, как и смелость». Согласно, что это о нас сказано?

— Согласно. А ты знаешь, я веру чувствую, — довольная собой, заключила «Киликия».

* * *

Пятого июня я поднялся на палубу задолго до рассвета. В это утро Карен Балаян поздравил вахтенных и тех, кто находился наверху, с уникальным событием. Вот слова капитана: «Я поздравляю всех вас. В эту секунду «Киликия» пересекает широту Еревана». Я попросил его перевести это сообщение на язык цифр.

— Сорок градусов десять минут, — отчеканил он.

Конечно, я не преминул спросить его о Степанакерте.

— Степанакерт мы прошли около трех-четырёх часов назад, когда пересекали широту тридцать девять градусов пятьдесят минут, — четко, как курсант на экзамене, отвечал капитан.

— А Севан? — не успокаивался я.

— Ну, это нетрудно определить. Севан находится между сорока градусами десятью минутами на юге и сорока градусами тридцатью минутами на северной точке. Так что примерно через четыре часа мы поздравим всех и в первую очередь наших севанцев, Мушега Барсегиана и Ваагна Матевосяна, с прохождением севанской широты.

Передо мной висит карта Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики. Вот озеро Севан, похожее на виолончель с тонкой талией-перешейком, разделяющей Малый Севан на северо-западе и Большой — на юго-востоке. До самого острова Капри мы шли, чувствуя себя вместе с «Киликией» на широте Армении, точнее — Республики Армения. Что же касается европейских столиц, то на одной широте с Ереваном только столица Испании Мадрид, которая, увы, находится за пределами маршрута «Киликия».

До острова Капри шли тяжело. Удивительное это Тирренское море. При курсе судна строго на север на глазах меняется направление ветра на сто восемьдесят градусов. При этом по закону подлости встречный ветер дует прямо в нос, а попутный — «приблизительно попутный». Из-за такого непостоянного характера моря мы то поднимали большой парус, то опускали. Большой и два малых паруса никогда не поднимаются одновременно. Кроме перечисленных трех имеется еще так на-

зывается средний (второй по величине после большого, или грота) и самый последний, он же самый маленький парус, который называется «штормовым».

Экипаж ни разу не использовал средний парус, который довольно часто поднимали на Севане во время испытания корабля. Но надеемся, он понадобится в океане при не очень сильных ветрах. А вот самый маленький, штормовой — это вещь нужная, хотя и хлопотная.

От вулкана до вулкана — от Стромболи до Везувия — добирались, без конца меняя паруса.

Всем нелегко во время шторма и качки. Но тяжелее всего на судне в такое время тем, кто стоит у рулевых весел. О рулевых веслах нам в очередной раз предстоит поговорить. Они — часть судна. Но они и самостоятельные существа. Мы слышим лишь скрип и скрежет, но они не просто скрипят и скрежещут, а будто ведут друг с другом беседу, чувствуя на себе силу и движение не только волн, но и тех, кто управляет ими. Они спокойны, когда румпеля касаются руки Арега Назаряна и Гайка Бадаляна, которые в самые ответственные моменты заменяют даже уже набравших немалый опыт матросов, стоящих на вахте.

Узнав о том, что слева по борту показался остров Капри, все поднялись на палубу. Только старшее поколение экипажа «Киликии» знает, что на этом курортном острове несколько лет жил Максим Горький и что за семь лет до революции его посетил сорокалетний Владимир Ульянов-Ленин.

Остров Капри не такой уж большой. Всего десять квадратных километров. Я, конечно, сделал набросок в блокноте: сплошные верблюжьи горбы. Потом мы вошли в знаменитый Неаполитанский залив. Решили причалить в местечке Торре дель Греко, которое не на всех картах обозначено. Отсюда идут электрички и в Неаполь — на север, и в Помпеи — на юг.

Везувий показался не сразу. И неудивительно. По нашим кавказским меркам — холм. Ниже Норкского массива в Ереване. Всего-то 1277 метров. Приблизились к бухте Торре дель Греко к вечеру. Вершина Везувия представляет собой три усеченных конуса, вставленных друг в друга. Самый наружный — Монте-Смома — разрушен многочисленными извержениями на протяжении веков. Мир хорошо знает, что при извержении Везувия в 79 году погиб город Помпеи. Тогда же полностью погиб и город Геркуланум. Один из самых деятельных людей в истории Древнего Рима — Плиний Старший — оказался свидетелем того страшного дня семьдесят девятого года.

На вид Везувий вовсе не грозен. Когда мы вошли в бухту Торре дель Греко, уже стемнело, и Везувий не был виден на фоне огней города. Долго мы искали, куда пристроиться, и вдруг услышали, как где-то вдаль кто-то громко поет под Энрико Карузо «Аве Мария». Капитан сказал: «А почему бы нам не пойти на песню?». И мы пошли на песню. Когда приблизились к причалу, откуда доносились звуки, при свете фонарей заметили свободное местечко у бензоколонки. (Существуют бензоколонки и для морских судов.) Только успели причалить, певец на высокой ноте завершил знаменитую песню. И наш экипаж без всякой команды дружно захлопал. Стоявшие на берегу люди и те, что сидели в кафе под открытым небом, подхватили наши аплодисменты. Это была своеобразная, может, уникальная в своем роде солидарность. Нас приняли. Тотчас же все бросились к борту. И «началась» дружба между Италией и Арменией.

* * *

На рассвете 6 июня подняли флаги Республики Армении, Нагорно-Карабахской Республики, Италии и Евросоюза. Они красиво развевались на фоне Везувия.

Каждое утро (бывали, впрочем, и исключения) сразу после завтрака мы проводили рабочую «пятиминутку». Сегодня зашел разговор о судьбе молодых матросов Мушега Барсебяна и Ваагна Матевосяна. Напомню, оба они в свои двадцать и двадцать один год отслужили в армии. Оба — отличные яхтсмены с детства, многократные чемпионы Армении. Оба во многом незаменимые матросы на борту «Киликии». Мушег принимал участие в прошлогодней экспедиции от начала до конца. В этом году ему помогает друг детства и друг по парусу Ваагн, заслуживший высокую оценку капитана и капитана-наставника. Оба они непременно понадобятся экспедиции в будущем году, когда надо будет вернуть судно домой через часть Атлантики, через весь бассейн Балтийского моря, через Неву, озеро Ладога, Волго-Балтийский канал, Волгу, Волго-Донской канал, Дон, Азовское море, Черное море.

А пока речь о дальнейшей судьбе двух юношей.

Пришли к выводу, что им надо серьезно готовиться для поступления в Ереванский государственный физкультурный институт. И никаких поблажек.

Сразу после собрания я позвонил ректору Института Ваграму Аракеляну. Объяснил патриарху спортивного просвещения суть и смысл нашей проблемы. Ректор дал понять, что такие

абитуриенты делают честь любому высшему учебному заведению. Мы договорились, что к нему придет представитель клуба «Айас», чтобы переслать нам на маршрут с оказией книги, по которым надо готовиться к экзаменам. Капитан принял решение, что на скромные средства клуба «Айас» мы найдем преподавателей, и ребята начнут заниматься сразу по окончании второго этапа плавания. Все это тоже входит в программу будущего проекта будущих экспедиций в рамках «Армянской кругосветки» по маршрутам спюрка.

* * *

Рано утром раздалось два звонка подряд. Сос (неугомонный Сос Саркисян) из Еревана и святейший Паргевсрбазан из Шуши. Словно сговорившись, они начинали блиц-беседу с одного и того же вопроса: «Где вы?» И я отвечал им одной фразой: «Находимся на берегу, гуляем на фоне Везувия». И стоит ли удивляться, что оба они, два дорогих мне и нашему народу человека, опять же, словно сговорившись, упомянули слово «Помпеи».

И были правы. Мы, кроме двух вахтенных, направлялись на железнодорожный вокзал порта Торре дель Греко, чтобы отправиться именно в Помпеи.

На поезде до станции Помпеи минут двадцать езды. Оттуда пешком — столько же. У самых ворот музея два дюжих молодца и одна миниатюрная итальянка в униформе с висящими по бокам пистолетами и сотовыми телефонами, дают понять, что наш Бабась, то бишь Самвел Бабасян, и его ассистенты, Мушег и Ваагн, напрасно тащили тяжелые причиндалы черного цвета под названием цифровая видеокамера. Таков закон. Бедный Карен страстно объяснял, насколько важно для нас иметь документальные свидетельства. Хитрый Бабась в это самое время, когда армянская и итальянская стороны мило беседуют о том, что Древний Рим подарил непросвещенному человечеству так называемое Римское право, спокойно снимает. Он уже успел прошмыгнуть через открытые ворота, ибо стража тоже вступила в разговор с капитаном «Киликии». Бабась снимает — и в ус не дует. Увы, это были не те кадры, в которых мы нуждались. Бабасю все-таки не разрешили пронести свою черную красавицу в город-музей.

* * *

Вспомнилось, как в году этак 1966-м я отправился в Карабах через Узбекистан, где после лагерей и ссылок жили многие мои родные и близкие, в том числе и мать в Андижане, а также

ее брат и сестра с семьями. Мой брат Борис работал в Бухаре врачом. Естественно, я посетил его в овеянной легендами Бухаре, где после всех катаклизмов сохранились около ста пятидесяти уникальных архитектурных памятников древности и Средневековья. На одном из них огромными буквами высечено: «Когда молчат легенды, сказания и песни, о древнем говорит архитектура». Не менее крупно написано имя автора этих слов: «Н. В. Гоголь». Запомнились эти слова на всю жизнь. И вот почему: турки, хорошо понимая смысл этой мудрости, первое, что делали, — сравнивали с землей именно памятники армянского, болгарского, грузинского, сербского, византийского (есть и такой народ тоже) и других народов.

О Помпеях сохранились легенды, сказания и песни, а вот об архитектуре мало что было известно до 1728 года, когда раскопки помогли обнаружить часть античного города с остатками городских стен IV и V веков до нашей эры, сохранились форумы VI и II веков до нашей эры. Удалось «восстановить» и театры, и рынки, и жилые дома, и виллы. Описывать эти величественные развалины, эту застывшую поэзию архитектурной мысли, эти нестираемые следы человеческих ног и быстроходных колесниц на мощеных улицах — значит брать на себя непосильную задачу. Однако не возбраняется поделиться с читателем своими впечатлениями, провести кое-какие важные параллели.

Я часто вспоминаю о том японце, тень которого упала на сохранившуюся часть разрушенной стены во время взрыва атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму 6 августа 1945 года. В мгновение ока погибли и были изуродованы сто сорок тысяч человек. Сегодня символ этой страшной трагедии — один неизвестный человек, от которого осталась только тень на стене. И в Помпеях, в погибшем от необузданной стихии стотысячном городе, сохранилось несколько окаменевших призраков. Я сделал наброски в блокноте. Вот лежит человек, закрыв лицо руками. Он спасал глаза. Застыло последнее движение не только тела, но и мысли человеческой. Та же слепая сила стихии погубила Спитак... Думал, горевал, вытирал слезы... Трагедия... Кого винить?.. Хотя, если задуматься (я писал об этом в книгах «Противостояние» и «Уроки Спитака») виноватые все же были. Зная о том, что Армения и особенно Ширак и Лори, находятся в сейсмоопасной зоне, они строили многоэтажные дома, воруя при этом цемент. Но это уже другой разговор. Однако как быть, когда люди равнодушно обходят вниманием чудом сохранившиеся фотокадры, на которых запечатлены застывшие тела ар-

мянских матерей и детей, превращенные в скелеты? А сколько сотен таких застывших тел можно было увидеть в бескрайних просторах горячей, как раскаленная печь, пустыне Тер-Зор?! Это ведь уже не слепая и необузданная природа. Это сделал человек, совершивший против человечности преступление, на которое не распространяется принцип срока давности.

Взглянувший на страницы блокнота, где рассказывается о нашем посещении Помпей, наверное, едва ли что-нибудь поймет. Рисунки, сделанные за несколько секунд. Какие-то колонны, стены с зияющими просветами окон. Везувий, на который я смотрел с разных точек. Уже находясь в поезде, везущем нас в Торре дель Греко, где стоит на причале «Киликия», я сделал последний быстрый набросок и подписал: «Везувий из поезда — другой. Спешу к «Киликии».

* * *

Вчера позвонила мне на борт Анаит Багдасарян, ответственный секретарь газеты «Айоц ашхар», и сказала, кроме всего прочего: сотрудники редакции поражаются, как я в экстремальных условиях умудряюсь столько писать, что газета едва поспевает за мной. Но мне этого мало.

Я еще собираюсь поговорить с главным свидетелем моего творческого процесса, с «Киликией».

— Ты знаешь, «Киликия», я недавно сделал для себя открытие... — сказал я судну, не успев еще войти в мою «камеру».

— Я чувствую, — не дослушав меня до конца, заявила «Киликия», — что ты вернулся к теме жанра.

— Ты права, в целом речь пойдет о жанре, но хочу поговорить о конкретном жанре, который сегодня мы потеряли.

— Это не совсем так, — сказала «Киликия», — наблюдая за тобой, я пришла к выводу, что ты работаешь именно в жанре письма.

— Ты умница. Я постоянно пишу письма. Даже тот факт, что я всякий раз вижу перед собой то конкретного адресата, то конкретную группу людей, а то и весь наш народ, который является частью человечества, говорит о том, что эссе, художественная публицистика, путевые заметки, страницы из дневника — единый жанр. Это не значит, что в таком калейдоскопе нет места эпистолярной литературе. «Эпистоле» на греческом означает «письмо». Я в свое время изучал историю этого жанра. И тогда же узнал, что великий Готфрид Вильгельм Лейбниц, который был философом, физиком, математиком, богословом, юристом, дипломатом и языковедом, написал огромное количество писем.

— Я очень хотела бы знать, почему ты сам увлекаешься философами и, в частности, Лейбницем? Мы в море. Ты пишешь о плавании. Работашь над второй книгой. И вдруг... Лейбниц. Вдруг — философы... Здесь, в условиях шторма и штителя.

— Ты, «Киликия», совсем уж отклонилась от темы нашей беседы... Но, видишь ли, я думаю, не случайно, что именно на твоём борту меня посещают беспокойные мысли о будущем Родины.

— Что ты имеешь в виду?

— Жизнь показала, что идеальным царем, кайзером, королем, президентом, шахиншахом становится тот, кто не просто держит возле себя таких, как Лейбниц, но и слушает философа, как солдат — своего командира. Вот что пишут историки о Лейбнице: «Для своих коронованных покровителей Лейбниц был неоценимым советником, специалистом на все руки, даже агентом в международных делах. Его посылали с дипломатическими поручениями, и он действительно был блестящим дипломатом. Ибо глубже, чем кто-нибудь другой, понимал существо и исторический смысл международных отношений эпохи». Это ведь очень важно — понимать исторический смысл каждой конкретной эпохи. Ни за что не стоит братья, если не рассчитаны последствия. Особенно за реформы. У таких философов, как Лейбниц, остро развито чувство государственности. Они призваны предупредить беду. Современники писали, что Лейбниц всячески стремился внедрить в головы правителей свою философскую систему, которая зиждилась на принципе «воспитания политической благонадежности, необходимой для мирного культурного развития». Знал бы великий философ, что его любимое выражение «политическая благонадежность» спустя два века будет опошлена при социализме! А ведь он имел в виду активную любовь не просто к родине, но и к государству, без которого не может быть самого главного — безопасности народа и страны.

Свою просто-таки спасительную философию этот человек изложил в письмах к своим коллегам, государственным деятелям, «просвещенным монархам».

— Почему сегодня руководство Армении не поступает так, как «просвещенные монархи» во времена Лейбница? Почему бы к государственному делу не привлечь советников-философов?

— Я об этом много думал. Более того, собирал материалы о том, как обстоит дело в других бывших союзных республиках. И вот что выяснилось. В нас живуча инерция стереотипа: президенты разъезжают по районам, как это делали в свое время ге-

неральные секретари. Их встречают, их показывают по телевидению, им задают вопросы журналисты... Схема довольно устоявшаяся. Хотя, мне кажется, это скоро пройдет, как косой дождь. Растает, как снег по весне. Институт советников-философов создавался веками и всегда был голод на таких специалистов. Хочу тебе честно признаться, почему я заинтересовался Лейбницем. Не знаю, как у моих коллег-матросов, но на твоём борту у меня часто возникают мысли не просто об Армении и её судьбе, но о государстве Армения и его судьбе. И в сотый раз я готов повторить: плавание по семи морям — это дело государственной важности, а посему — очень серьёзное. Все время приходят в голову мысли, связанные с проблемами нашего государства. Вот я и вспомнил о жанре эпистолярной литературы, о письмах, о том, чем я, собственно, день и ночь занят на судне. Вполне логично, что я заговорил о Лейбнице. Вот кто нам сегодня нужен! Ведь Готфрид Вильгельм Лейбниц писал и Петру Первому, сознавая свою нужность новой России.

— И что же? Петр Первый откликнулся?

— Ещё как! Писал собственноручно письма, посылал к нему нарочных. Наверное, мало кто сегодня знает, что именно Лейбниц разработал проекты развития государственного управления в России и особенно развития образования. И ведь получилось это развитие у России. Конечно, там были перебои. Но все же получилось. А началось все с эпистолярных «упражнений» великого императора российского и великого философа немецкого.

* * *

Мы спешим в Неаполь, на родину Данте. Я должен обязательно сделать в моем блокноте набросок великолепного памятника величайшему поэту. Должен рассказать о нем «Киликии». Признаюсь, я готовился к этой встрече с Данте. Дело не только в том, что он был создателем итальянского литературного языка. Не правда ли, удивительно звучит: «создатель языка»? Но в то же время ничего удивительного нет, ибо таких примеров немало. Пушкин был создателем современного русского языка, Абовян — создателем современного армянского литературного языка. Мое отношение, уважение, любовь к Данте начались давно. Еще на Камчатке я зачитывался его «Адом», «Чистилищем», «Раем» — «Божественной комедией», и тогда мне пришла в голову идея вступить в беседу с великим поэтом. В то время это было модно. У нас даже был свой кам-

чатский основоположник этого необычного литературного жанра — мой верный друг, талантливый журналист и писатель Анатолий Юсин. У него вышли книги в Москве: беседы с Пушкиным, Хемингуэем и другими гениями. Я же ничего печатать не рисковал. Хотя и пробовал свои силы в этом жанре. Вот только один кусочек из моих тогдашних проб.

«Зная о том, что многие этнографы считают отличительной чертой армянского народа чувство сострадания к чужой боли, я обращаюсь к Данте Алигьери с вопросом:

— Почему ты считаешь, что сострадание не является чувством?

— Я никогда не говорил, что сострадание — это не чувство, — возразил Данте.

— А я могу показать страницу...

— Можешь показать и страницу, и абзац. Но у меня эта мысль звучит несколько иначе. Я сказал, что сострадание — это не чувство, и тотчас же уточнил, что это, скорее, «благородное расположение души». И добавлю, что речь идет не просто о благородном расположении души, а души, готовой воспринять и любовь, и милость, и другие добродетельные чувства.

— Я всю свою сознательную жизнь придерживался твоего принципа, который ты выработал и оформил всего в одном предложении. Могу напомнить...

— Я помню хорошо: «Самый мудрый человек тот, кого больше всего раздражает потеря времени».

Этот фрагмент я взял из тетради, исписанной до конца еще в 1968 году. Хочу, пользуясь случаем, напомнить моим молодым коллегам по перу: пишите каждый день, помня девиз «Ни дня без строчки»; путешествуйте каждый день, даже находясь дома, даже лежа в постели; учитесь у тех, кто жил до эры Интернета, беседуйте с ними, вступайте в диалог со своими предками и со своими великими учителями и при этом не забывайте накачивать бицепсы — это всегда понадобится.

* * *

В Неаполе мы разделились на группы, которые, как потом выяснилось, в свою очередь тоже разделились на группки и разбрелись по городу. Договорились вернуться на железнодорожный вокзал к назначенному часу.

Мне же хотелось с вокзала напрямик отправиться к памятнику Данте Алигьери, который стоит на площади, названной его именем. Я хотел поклониться человеку, который призывал каж-

дого «следовать своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно». Это касается не только путешественников, пребывающих в пути, но и тех, кто находится в «дороге принципов», в «дороге убежденности». Это касается и тех, чьи творения «бранит толпа».

По пути к Данте я вспомнил, как в разгар Карабахского движения мы цитировали автора «Божественной комедии»: «Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет». А ведь и в XIII, и в XIV веках были «величайшие нравственные переломы».

Долго стояли у памятника Данте Самвел Карапетян, Гайк Бадалян, Карен Балаян, Армен Назарян, Самвел Саркисян. Я делал набросок: на голове у гения лавровый венок, в правой руке книга, левая показывает не на какую-то определенную сторону, а в будущее, вечность. Я сказал ребятам, что этот человек, с именем которого связывают даже такое слово, как «ад», считал, что есть только одно божество — это «божество влюбленных».

* * *

Еще один аргумент в пользу необходимости фиксации на бумаге и на видеопленке национальных и общечеловеческих ценностей, чтобы затем было возможно снимать с них копии по современной цифровой технологии. Вот один исторический пример, который звучит как аргумент. В 1742 году в Неаполе во время реконструкции церкви Сан Джованни Маджоре обнаружили календарь IX века, в котором отмечены дни, посвященные памяти первого католика всех армян Григора Просветителя и великомучениц Рипсима и Гаяне.

* * *

Мы не знаем, каким образом киликийские моряки добирались до Рима, не являющегося морским портовым городом. Известно только, что они открывали в вечном городе торговые пункты. Это значит, суда останавливались где-то в устье Тибра и оттуда уже, наверное, на лошадях люди добирались до Рима. В этом отношении мало что принципиально изменилось с тех пор. И мы должны были найти место где-то на берегу Тибра, то есть пройти определенное расстояние против довольно сильного течения. Мы, конечно, оказываемся в более выгодных условиях. Ведь у наших предков не было моторов... В устье Тибра нам разрешили остановиться, прижавшись левым или правым бортом к одной из, наверное, нескольких тысяч яхт. Надо же, как придумали портовые власти: дать возможность и впрямь динозавру с

походкой отяжелевшего боцмана прижаться боком к перламутровой щеке яхты «Барби», на которую, как выяснится через полчаса, нельзя ступать ногой в обуви. Специально на этот счет представлена дежурная — загорелая девушка, которая каждому, кто собирается перейти с «Киликии» на берег или с берега пройти на свое судно, в обязательном порядке предлагает снять обувь.

Не успели мы толком пришвартоваться, думая о том, чтобы ненароком не поцарапать «Барби» (иначе не миновать судебной тяжбы), как появились дорогие гости: посол Армении в Риме Рубен Шугарян и священнослужители.

С борта «Киликии» мы видели, как стоящая на вахте «Барби» девушка, зардевшись, попросила наших гостей снять обувь. Они молча подчинились, несмотря на возгласы некоторых членов нашего экипажа, требовавших, чтобы для них сделали исключение. Гости шли друг за другом, неся в вытянутых руках туфли. Не так уж легко было перебраться с «Барби» на «Киликию». Один из священников «пострадал»: выронил одну туфлю. Все загалдели, закричали. Боцман «Киликии» Григор Бегларян кинулся с багром к месту падения туфли, тщетно стараясь ее спасти.

В это время на палубе «Киликии» Гайк Бадалян вместе со своими помощниками Мушегом, Гайком и Ваагном уже накачивали воздух в красные борта надувной спасательной лодки. До сих пор ей не приходилось кого-либо спасать. Наконец, и для нее нашлась работа по прямому назначению. Не прошло и пяти минут, как лодка была спущена на воду. Гайк ловко перемахнул через борт, за Гайком последовал Самвел Карапетян, и они поплыли по течению. Никто из гостей не ведал, что происходит в устье Тибра вокруг туфли священника, стоящего на палубе «Киликии» в белоснежных носках. Да и до обуви ли было в момент знакомства с экипажем?!

Я был уверен, что там, где Гайк, а вдобавок еще и Самвел Карапетян, «туфлю-утопленницу» непременно поймают. Когда лодка приблизилась, я понял по виду ребят, что все в порядке. Я лег животом на фальшборт и бросил им цветастый (чтобы не просвечивал) целлофановый пакет.

Припрятал «улов» в рундуке. Подошел к гостям и как бы незначай завел разговор об обуви священника.

— Я думаю, — обратился я к отцу Овсепу, — кому-кому, а вам сам Бог поможет выволить из морской глубины утонувшую туфлю. Как-никак вы — священнослужитель.

— Я Бога по таким мелочам не беспокою, — гордо сказал отец Овсеп.

— И все же я как внук священника могу помочь вам, конечно, с Божьей помощью.

— Как?! Мы же видели, река унесла ее.

— И все-таки я сейчас вознесу руки к небу. И взмолюсь: «Господи, не допусти, чтобы почтенный священник на глазах у сотен итальянцев и армян сошел с «Киликии» на берег в белоснежных носках!»

Я сел на крышку рундука. Потом чуть привстал. Приоткрыл крышку, вытащил оттуда цветастый целлофановый пакет. Достал из него туфлю и протянул пострадавшему святому отцу. Все замерли. Даже главные герои этого спектакля, Самвел Карапетян и Гайк Бадалян, застыли с серьезными задумчивыми лицами. Видать, вжились в свои роли по системе Станиславского. Отец Овсеп взял обеими руками туфли. Посмотрел на них. Как-то нервно левой рукой сжал их, а правой — перекрестился. Лицо его было очень серьезно.

* * *

Рим хотя и не морской портовый город, но стоит на Тибре, который впадает в море. В свое время, когда были сооружены — не без помощи миллионов политзаключенных — Волго-Балтийский, Беломорско-Балтийский, имени Москвы и Волго-Донской каналы, настроенная на высокий слог советская журналистика назвала Москву «портом пяти морей». Имелись в виду Балтийское, Белое, Каспийское, Азовское, Черное моря. Так что и Рим смело можно назвать морским портом. Мало того, «Киликия» запросто могла бы (без мачты, конечно) на моторе доплыть до Рима. Но путь этот мы прошли на машине.

Нет сомнения, что именно по этой дороге добирались до столицы Италии наши предки, оставляя свои парусные суда где-нибудь в устье Тибра. Может, именно там, где сейчас стоит «Киликия».

История подтверждает, что армяне жили на Апеннингах во времена Древнего Рима. Первые исторические документы о жизни компактно проживающих в общинах и колониях армян относятся к VI—VII векам. В городе Равенне в церкви Сан-Витале стоит памятник армянскому военачальнику Исааку Айказуни. Здесь же и была создана армянская община со всеми ее общинными институтами. Конечно, на отношениях Армении и Италии не могли не сказаться исторические катаклизмы, связанные с судьбами обеих стран. С одной стороны, раздробленная на множество княжеств Италия, с другой, — расколота, разоренная Армения, находящаяся на перекрестке караванных

путей многочисленных завоевателей. Посему наиболее яркие страницы истории этих отношений выпали на период расцвета Киликийской Армении и двух самостоятельных государственных образований — Генуэзской и Венецианской республик.

Направляясь из устья Тибра в Рим, можно мысленно вернуться на 2040 лет назад, то есть в 65-й год до нашей эры, когда Трдат I с трехтысячной свитой посетил Рим, где император Нерон организовал официальную коронацию армянского царя. Можно вернуться и на 1600 лет назад, когда в «вечном городе» поражал видавших виды римлян своим ораторским искусством Паруйр Айказуни, которому установили памятник.

Я изучил хронологию пребывания армян в Италии. Но для меня, пожалуй, важнее всего то, что вот уже около десяти лет в Риме учреждено посольство независимой Армении. Это уже новое качество отношений, новая страница истории двух стран.

* * *

Практически я с самого начала лишил себя радости встреч на судне с многочисленными гостями, в том числе и с соотечественниками. Этого требует, я бы сказал, специфика моей главной судовой роли. Ведь, кроме регулярных оперативных репортажей, я день и ночь пишу книгу, используя кучу вспомогательных материалов. Конечно, с ребятами посещаю достопримечательности городов, особенно те места, которые имеют прямое отношение к истории Армении и армянства.

Еще на острове святого Лазаря в день старта второго этапа я просил посла Армении Рубена Шугаряна постараться организовать мне встречу с армянскими святыми сестрами в Риме. И посол устроил мне сюрприз, о котором, признаюсь, я не мог мечтать. Меня приютили... монахини, у которых была своя гостиница недалеко от церкви.

Правильнее было бы называть их не монахинями, а сестрами. Собственно, это их официальная и, может, самая главная должность — быть сестрами-девицами, сестрами во Христе. Еще они себя называют «армянскими сестрами». Объединены они в конгрегацию (орден) «Армянских сестер непорочного зачатия». У них своя (армянская) церковь Святой Богородицы, куда не смеет ступить нога мужчины. Есть свое хозяйство, в том числе и небольшая гостиница, которая приносит им кое-какие средства. В одной из ее скромных «келий» и пристроили «железную леди». По свидетельству Хоренаци, на заре христианской Армении и при Григоре Просветителе, а затем и при католикосе Нерсесе

уже существовал институт Армянских сестер. А с 1847 года была учреждена официальная Конгрегация армянских сестер непорочного зачатия в Полисе (Константинополе). В 1997 году сестры отмечали свой юбилей. Тогда же под редакцией нынешней главы конгрегации Армине Макаросян вышла брошюра на армянском и итальянском языках, в которой приводится хроника деятельности ордена на благо армянского народа.

Сто пятьдесят лет жизни и борьбы сильных духом хрупких сестер. Достаточно сказать, что их жизнь и борьба проходили в Полисе на протяжении трех четвертей века, и все эти годы проливалась кровь армян. А тридцать лет из них (1893–1923) — это геноцид армян, возведенный турецким правительством в ранг государственной политики. В таких невыносимых условиях объединение сестер, неся потери, продолжало осуществлять свою миссию именно в Турции. В 1922 году сестры вынуждены были перебраться в Рим. Передо мной лежит уникальная географическая карта мировой миссии Конгрегации армянских сестер непорочного зачатия: Америка, Франция, Италия, Египет, Иордания, Израиль, Сирия, Грузия, Армения, Иран... И повсюду это — организация школ, огромная благотворительная работа, а также оказание практической помощи страждущим армянам. Это постоянное подвижничество следует ценить по достоинству и им нельзя не гордиться.

* * *

Хочу привести отрывки из беседы с сестрой Эвтовкией, которая вот уже пятьдесят шесть лет несет на себе крест подвижничества Армянских сестер непорочного зачатия. Она моя ровесница, ей семьдесят. Родилась в Киликии, точнее, в Александретте.

— Скажите, сестра Эвтовкия, как получилось, что вы избрали именно этот путь жизни?

— Христос сказал: не вы меня избрали, а я вас избрал. Так что он нас позвал, и только после этого мы пошли за ним.

— Что чувствует девушка, когда ее зовет Бог?

Сестра Эвтовкия призадумалась.

Я молча глядел на нее. Она сидела в неглубоком кресле, облокотившись на подлокотник. Лицо спокойное, задумчивое. Я обратил внимание, что в ее облике есть некоторая цветовая пропорция: белый ворот, надо лбом — ровная прядь седых волос, чуть выше — корона из белой ленты, являющейся каймой черного спадающего на спину платка. Вдруг она улыбнулась:

— Все это, возможно, трудно понять тем, кто искренне не верит в Бога. Ибо все, о чем вы спрашиваете, глубоко сидит в нас. В душе нашей. Призыв основателя нашего объединения Антона-Петроса Асуняна — «Идите, ищите работу» («гнаецк, горц тесек») — стал девизом сестер, и уже полтора столетия на самые скромные средства они открывают школы, приюты для сирот, находят работу для ремесленников. Достаточно народу увидеть, что хрупкие девицы делают все возможное и невозможное, как тут же находятся, даже в самых нищих местах, благотворители, которые начинают помогать. С помощью наших сестер в середине XIX века были открыты вышеназванные учреждения во многих регионах, и больше всего в Киликии. Перечень обширный: Карин, Малатья, Харберд, Тигранакерт, Ван, Адана, Аджн, Мараш, Халеп... Это все было и продолжает быть. У нас же, у сестер, нет своей собственности, нет своих личных вещей, нет никакого имущества.

— Что, если кто-то вдруг подарит вам миллион евро?

— Всю сумму целиком передадим Конгрегации.

— А как же с питанием, одеждой, лечением, проблемами, связанными с будущим, когда приходит старость?

— Нет таких вопросов, нет таких проблем. Мы — конгрегация, объединение, монастырь, мы Армянские сестры. У нас ведь есть девиз: «Армянские сестры служат многострадальному армянскому народу».

— Эвтовкия-джан! Я верю, что вас призвал Христос. Но как это получилось на практике? У вас же была семья — родители, братья, сестры. Просто так ничего не бывает: молодая девушка вдруг решает уйти из дому.

— Конечно, у меня была семья. Нас было четыре брата и одна сестра. Я ходила в школу Армянских сестер...

— Так, выходит, в этой школе и готовятся сестры во Христе?! А что если бы вы пошли в другую, обычную школу, то жизнь ваша сложилась бы иначе?

— Ничего подобного. Абсолютное большинство девушек приходят из обычных школ. Думаю, где бы я ни была, в какой бы школе ни училась, наверняка, избрала бы этот путь. Мне было четырнадцать, когда я почувствовала, что это мой путь, моя жизнь. Конечно, родители, особенно отец, были категорически против. Потом они поняли меня.

— Не знаю, насколько корректен мой следующий вопрос. Но вы можете не отвечать... Вы любили кого-либо? Был ли у вас жених?

— У меня был жених. Он еще в молодости переехал во Флориду и писал мне, звонил. Но к тому времени я уже видела свое предназначение в другом...

— Но ведь существует, что называется, природа. Скажем иначе, роль женщины-матери...

— Я согласна с этим. Но с самого детства я видела, как много у нас детей без матерей. Вот потому у меня всю жизнь было много детей. Почти все сироты, которых в разных странах я поставила на ноги. Это мои дети. И они тоже меня считают своей матерью.

* * *

Тема армянских дипломатов и особенно армянских послов с самого начала плавания стала для нас одной из важнейших. В конце концов, если не считать скромные попытки правительства первой Армянской республики создать институт дипломатии, последние в нашей истории официальные послы и дипломаты были еще во времена Киликийского государства.

С чрезвычайным и полномочным послом Рубеном Шугаряном я впервые встретился в Вашингтоне в феврале 1992 года. Это было страшное для Армении время. Противник, уже обнаглевший до предела от безнаказанности, открыто применял такое запрещенное Женевской конвенцией оружие массового поражения, как ракетная система «Град». И вот, по предложению второго спикера палаты лордов Великобритании леди Керолайн Кокс, мы пронесли увесистый осколок снаряда по кабинетам ответственных лиц государств Европы и Америки. В Белом доме мы показали его советнику Президента США по национальной безопасности Скоукрофту, который, хорошо зная эту советскую ракету, не поверил собственным глазам. Запомнилась ставшая потом знаменитой фраза советника: «Против «Града», конечно, нужен только «Град»... В тот же день сразу после встречи с советником президента нас принял молодой, энергичный, смуглолицый посол Армении Рубен Шугарян, по признанию леди Кокс, бойко говорящий по-английски. Рубен волею судьбы стал основателем армянской дипломатической службы в США.

Интересен тот факт, что отец Шугаряна носит фамилию Шугаров (он родом из Шуши, жил в Тбилиси), а вот сын еще в юности хотел вернуть своей фамилии армянское звучание. Но в советское время сделать это было довольно сложно. Как только мы обрели независимость, Рубен Шугаров стал Рубеном Шугаряном.

Не менее интересна история фамилии советника посла Сони Орфелян. Выросла она в Италии. Отец был Хачеряном. Как это часто случается с беженцами, писарь на таможне никак не мог правильно написать фамилию. После нескольких неудачных попыток он спросил отца Сони: «Ты лучше скажи, откуда родом». — «Из Урфы», — ответил тот. Вот писарь и перекрестил всю родню в Орфели. Правда, через некоторое время отец Сони ухитрился добавить окончание «ян», и его семья, единственная в многочисленном роду, стала писаться на армянский лад. Соня Орфелян успешно занимается переводами армянских сказок на итальянский. Сейчас делает переводы карабахских сказок...

Заместитель посла Геворг Петросян еще до перевода в Италию в протокольном отделе Министерства иностранных дел Армении вплотную занимался судьбой арестованных и осужденных в одной из африканских стран армянских летчиков. И продолжал эту работу уже в Риме. Летчики, которых все мы хорошо знали по Арцахской войне, живы-здоровы и вернулись к своим семьям. Те, кто способствовал этому, должны быть уверены, что сторицей воздаст им и их семьям Господь.

В посольстве работает и консул Анаит Мирунян, владеющая несколькими языками. Родилась в Батуми. Выпускница романо-германского факультета, окончила магистратуру в Триестском университете (международные отношения и гуманитарное право). Уютно на душе от сознания, что на чужбине есть частица твоего государства.

Уже на второй день после нашего прибытия в Рим ректор знаменитой Левонянской семинарии святой отец Микаел организовал встречу экипажа «Киликии» с членами дипломатического корпуса во главе с послом Шугаряном. Она состоялась сразу же после окончания воскресной мессы в армянской католической церкви святого Николая. Здание это около двухсот лет назад было передано Папой Римским в собственность армянам, которые в середине XIX века создали Левонянскую школу. На встрече собралось много народу. Отец Микаел дал интервью нашему оператору Бабасяну в рамках акции «Киликия», поведав о том, что в самой армянской церкви находятся исторические и культурные ценности, о которых мало кто знает. О миссии «Киликии» он сообщил самому Папе Римскому, который, кстати, пригласил капитана и меня на ближайшую традиционную мессу, которая состоялась в Ватикане на знаменитой площади у храма святого Петра.

Уже в море мы получили по электронной почте сообщение от Рубена Шугаряна. Он переслал нам на борт текст послания Папы Римского Бенедикта XVI. В нем говорится: «Святейший Бенедикт XVI, Папа Римский, от всего сердца дает свое первосвятительское благословение экипажу армянского судна «Киликия», моля Пресвятую Богородицу о новых и новых проявлениях небесной милости, помощи и непрестанного покровительства. Ватикан, 17 июня 2005 года».

Потом посол Армении Эдуард Налбандян привез нам в порт Марселя само послание понтифика, выполненное на традиционном пергаменте, обрамленном миниатюрами, с цветным портретом Папы Римского и тисненой печатью.

* * *

И еще о двух встречах в Риме. Молодой венецианский ученый, филолог Вардан Карапетян специально прибыл в столицу Италии, чтобы помочь экспедиции «Киликии». И помогал день и ночь. Однако самым главным для меня была его ценная информация о том, что на нашем пути, в Генуе, встретится армянская церковь, где бережно и с соблюдением всех технологических норм безопасности хранится единственный прижизненный портрет Иисуса Христа. Портрет этот привезли в Геную армяне, и вот уже шестьсот лет он находится в армянской церкви, являясь ее собственностью. Об этом мне говорил и аббайр Егия.

Вторая встреча, о которой нельзя не сказать, — с Ваагном Гурзадяном, который, зная о нашем посещении Левонянской школы, приехал туда с женой и сыном. Я знал, что в Риме в Институте Ферми (точнее, в корпусе университета «Ла сапиенца») работает Ваагн Гурзадян — сын знаменитого академика Григора Гурзадяна. Но знал и то, что довольно часто он бывает в творческих командировках. Каково же было мое удивление, когда у церкви рядом со школой меня встретил Ваагн. Не дав мне даже обнять маленького Арама и жену Эрну, он предложил хотя бы на двадцать минут заглянуть в Институт Ферми, где есть на что посмотреть. Я находился в цейтноте, но отказаться не мог. По дороге Ваагн скороговоркой рассказывал о том, что мне предстоит увидеть. Я едва успевал записывать за ним.

Вот запись: «Университет «Ла сапиенца» («Мудрость») — крупнейший не только в Италии, но и в Европе. Здесь получают образование одновременно около 180 тысяч студентов. Два года назад университету исполнилось ровно восемьсот лет. Основан он папой Бонифацием VIII, и в разное время от него от-

почковывались многочисленные самостоятельные учебные заведения, научные учреждения...» Прерываю запись и перехожу к главному: в 1935 году часть университета была переведена в новый корпус, где и работал Энрико Ферми, один из создателей ядерной и нейтронной физики, основатель многих научных школ в мире. Но не подозревал Гурздян-сын, что дома, просматривая и уточняя записи, я загляну в энциклопедический словарь и добавлю к сказанному им, что Энрико Ферми построил первый ядерный реактор в мире и первым осуществил в нем цепную ядерную реакцию. Это было в разгар Второй мировой войны, 2 декабря 1942 года в Чикаго. Как известно, Ферми эмигрировал из фашистской Италии в США.

Мы гуляли по коридорам, которые помнят Ферми. Заходили в аудитории, где великий физик читал лекции. На одной из стен висит внушительных размеров мраморная доска с табличкой, оповещающей о том, что именно здесь «впервые в мире Ферми открыл для человечества путь к атомной энергии».

Мы вошли в небольшую комнату. Это рабочий кабинет Ваагна. На стене портрет Эйнштейна. На полках среди множества книг есть и авторские. Заношу в блокнот их ужасно мудреные названия: «Хаотическая Вселенная», «Парадигмы крупномасштабной Вселенной», «Эргодические методы звездной динамики».

На обратном пути Ваагн показал мне в коридоре еще одно чудо — маятник Фуко, который без всякого кругосветного плавания доказательно убеждает человечество, что Земля круглая.

Именно потому, что она круглая, нам очень хочется совершить кругосветное плавание на судне под названием «Армения».

* * *

И снова мы в море. Снова я могу беседовать с «Киликийей», могу часами вглядываться в горизонт, думая о своем.

Самвел Карапетян часто произносит вслух морскую истину: «Если уж пребывать на берегу, то только при штормовом предупреждении». И словно в доказательство верности этой истины, каждый раз, как выходим в море, начинается шторм. Вот и сейчас, не успели отойти от устья Тибра, как попали во власть толчеи волн и вихревых потоков ветра. Держим курс на север — на Геную, последний порт Италии. Но до него есть еще остров Эльба, на который высаживались киликийцы задолго до того, как туда сослали Наполеона Бонапарта. А пока традиционный шторм и традиционные мысли на палубе при воющем ветре и качающейся палубе «Киликийи», с которой я наме-

рен поговорить об ответственности за решение, а, стало быть, и о том, как человек, делая какой-либо шаг, продумывает последствия.

— Я не раз чувствовала, что судьба — и моя, и всего экипажа, и всей экспедиции — зависит от решения, принятого за доли секунды. Вот, к примеру, перед Римом. Помнишь, поврвался или развязался конец, которым привязывается рулевое весло в самой верхней его части. Еще минута — и под давлением волны на огромную площадь лопасти весло вырвало бы с корнем. Все знали, что только юный Мушег может в мгновение ока перейти во время сильной качки на внешнюю сторону борта и, стоя на одной ноге, хватаясь за какой-нибудь выступ одной рукой, другой привязать веревку, которую кто-то небрежно, явно не по-морскому привязал. Мушег тотчас же принял решение. И взял на себя ответственность за него. Мне, например, по душе, что капитан в сложнейшей обстановке советуется с многоопытным капитаном-наставником и только после этого принимает решение. Ты правильно сделал, что начал этот разговор. Все ближе день, когда мы выйдем в океан. Там другие параметры волн и течений, там другая ширина полосы циклона и вообще ураганного ветра. Чувство ответственности должно обязать вас ответственно готовиться к выходу из Гибралтара в Атлантику. А там к чувству ответственности прибавится еще и чувство долга, которое тоже является понятием очень личным. Ибо прежде чем побудить кого-либо к действию, надо, засучив рукава, действовать самому...

— Согласен, — перебил я свою собеседницу, — ибо меня раздражает, когда мы подчас чувствуем себя туристами, забывая, что все без исключения члены экипажа каждую минуту несут вахту. У нас малые паруса уже рваные. А ведь они поднимаются намного чаще, чем большой.

— Могу, исходя из своего восьмисотлетнего опыта, сказать, что в океане вы еще реже будете поднимать большой парус.

— Знаю. Об этом мы говорили с капитаном-наставником, который, кстати, давно ставил вопрос о состоянии малых парусов. Их уже не залатаешь. Надо будет их где-то в Марселе заменить. Короче, повторяю, я согласен с тобой...

— Одно могу сказать твердо: я вас в океане не подведу. Все остальное будет зависеть от вас. От каждого из вас, — сказала «Киликия», приняв с левого борта сильный удар, сопровождавшийся грохотом, который мы часто слышим во время изнуряющего душу шторма.

* * *

Семнадцатого июня рано утром подошли к острову Эльба. Я успел сделать несколько набросков в блокноте.

Бросили якорь на рейде Порто Аzzуро. Остров довольно солидный: 223 квадратных километра. Высота самой большой горы 1019 метров. Крохотный Порто Аzzуро с древнейшей крепостной стеной у входа в порт привлек нас, честно говоря, в связи с Наполеоном. Еще в бытность свою студентом медицинского института я часто задумывался над тем, почему все эти македонские, цезари, чингисханы, наполеоны, сталины, гитлеры, истребившие миллионы людей, вошли в историю, о них пишут книги, снимают фильмы, а вот, скажем, Эдуарда Дженнера, благодаря которому миллионы, а то и миллиарды людей за два с лишним последних столетия спаслись и продолжают спасаться от зловешей оспы, сегодня неблагодарное человечество не помнит.

Однако выяснилось, чтобы дойти до того места, где высадили ссыльного злого гения и где он пробыл 1814–1815 годы, нам надо было пристать к противоположному берегу, в Портофрейро. Туда и взяли курс. О такой ссылке на таком острове, конечно, можно только мечтать. Сохранилась мебель и вообще вся обстановка того времени. Личные вещи императора. Но эти подробности куда лучше можно почерпнуть из книг о Наполеоне. У нас другие задачи. К примеру, почему бы не поведать читателю о том, что именно в тот день, 18 июня 2005 года, мы с утра поздравили Арега Назаряна с днем его рождения? Уже во время завтрака выяснилось, что кок готовить ужин не будет. Именинник сам берет на себя все заботы и хлопоты.

Вот об этом, действительно, стоит рассказать. Это ведь не кто-нибудь, а Арег Назарян, без которого трудно представить и «Киликию», и парусный спорт Армении, и проект плавания нашего судна по семи морям, и фильм о «Киликии», и песни о «Киликии». Расскажу всю правду о том, какой он сварганил нам праздничный ужин. В тот день мы, можно сказать, не обедали. Кока попросили, чтобы он дал нам по одной галете с зубчиком чеснока, по одному яблоку, а на десерт улыбнулся каждому из нас. Так и было сделано. Но через час-другой выяснилось, что этого было недостаточно. Страшно хотелось есть.

Чуть ли не всем экипажем (это было впервые за все время плавания) отправились за продуктами, за заказом именинника. Два часа на острове, где томился Бонапарт, мы искали куриные ножки. Там, где готовят гриль, сырых ножек не продавали. В

других магазинах куры продавались целиком. Нам же нужны были только бедра. Да еще пятнадцать штук. Пришлось нам походить по душным улицам Порто Аззура. А ведь в город нас возил с места рейда Гайк Бадалян на «своей» моторке. По четыре человека за рейс. Итого — три рейса. Столько же раз назад по бескрайней бухте — целую милю. К «ножкам Буша» взяли еще другие заказанные продукты: баклажаны, помидоры, перец, специи. И яблоки. Я предложил сделать оригинальнейший подарок имениннику: доставить на борт (незаметно для него) двадцать штук бананов. Такого блюда «Киликия» не видела! Задумано было, чтобы в конце торжественного ужина Арег сам раздал по банану так называемым взрослым и по два — юным Мушегу, Ваагну, Гайку Садоану и, конечно, себе как новорожденному.

В жару, в духоту, оценив, наконец, адский труд кока в условиях «Киликии», Арег возился на камбузе весь день. Он так долго мудрил, так усердно трудился, что переварил куриные ножки до состояния классического хаша. Но удивительно то, что блюдо получилось и впрямь очень вкусным.

В день именин Арега мы выбросили целых пятнадцать бедренных косточек в море, надеясь, что рыбы за это будут благодарны имениннику.

* * *

Мы сытно пообедали, выпили (по рюмочке), вдоволь поохотали. И теперь мне кажется, в самый раз в некоторых деталях рассказать о магазинах, в которых мы побывали. Мы ведь редко бываем в магазинах. Денег нет. Попали мы на огромную городскую площадь, которая напоминала восточный базар, где торговали фруктами, овощами и, конечно, мясными и рыбными продуктами. Из интереса проводил некоторые сравнения цен, переводя их с евро на драмы. Естественно, некорректно вообще проводить любые сравнения с Арменией хотя бы потому, что разнится самый главный показатель — зарплата.

Кстати, по всей Италии одни и те же цены на одни и те же продукты. Абрикосы и персики стоят примерно до 1500 драмов, виноград — 2500, яблоки — 1000, груши — 2000, мясо — 3000–4000 драмов, а вот рыба — на вес золота. Вся страна является полуостровом, кругом снуют рыболовецкие сейнеры — а цены кусачие. Зато все есть. Можно купить туговые ягоды — горсточку в крохотной целлофановой обертке — 1000 драмов. Ежевика — ягоды, кстати, очень крупные, всего штук десять-двенадцать — 2000 драмов.

И последнее — хлеб. Вот это просто невозможно сравнить. И не только потому, что буханка хлеба стоит от тысячи до двух тысяч драмов, а еще потому, что здесь совершенно другая «философия» стола. Мне наша более по душе. Абсолютно уверен, что хлеб — всему голова. Хлеб — легенда. «Мой дед хлеб резал стоя» — так я написал на его могиле в Степанакерте.

Всюду, где бы мы ни бывали, словно сговорившись, люди жалуется. Евро — это беда, ибо все познается в сравнении.

* * *

Одолели на своем пути восьмое море (считая моря средиземноморского бассейна) — Тирренское. Перешли в воды девятого — Лигурийского моря. Первая остановка — в Ливорно. Здесь не раз бросали якоря киликийские купцы, которые наверняка из порта добирались пешком или на лошадях (это не очень далеко) до городка Пиза, где во времена расцвета Киликийского государства (в XIII–XIV вв.) были возведены уникальный соборный комплекс с бронзовыми дверями-шедеврами и знаменитая кампанила (четырёхгранная башня-колокольня, обычно стоящая отдельно от храма), «Падающая башня», известная под названием Пизанской.

Ирония судьбы заключается в том, что соборный комплекс (это храм, церковь, музей) сегодня находится как бы в тени, а будущее Падающей башни уже много веков продолжает волновать человечество. Даже объявлен конкурс на проект выправления кампанилы. А, может, с самого начала архитектор так и задумал, может, это шутка гения? Будет ли Пизанская башня столь же популярной после того, как станет строго вертикальной? Об этом мы говорили с Гайком Бадалян. Ироничный племянник гениального Мгера (Фрунзика) Мкртчяна сказал: «Представьте, если бы Фрунзик оперировал свой нос, чтобы «выпрямить» его?!» И мы рассмеялись на всю соборную площадь Пизы.

* * *

Интересно наблюдать, как во время качки ребята передвигаются по палубе. Кстати, тут есть один секрет: нужно найти момент, когда после серии хаотичных дерганий и резких движений на фоне крена вправо-влево вдруг наступает короткое мгновение относительного покоя. Именно в этот миг можно без труда пройти по палубе. Однако во время подъема и спуска парусов, или смены галса, или каких-то ремонтных работ при шторме практически невозможно уловить тот самый удобный

момент. Тут качка может швырнуть из стороны в сторону лю-бого, даже самого опытного моряка. Во время шторма и осо-бенно бешеной бортовой качки хуже всех передвигаюсь я. Множество раз собирался оперироваться из-за разрывов ме-ниска, но откладывал «на потом», опасаясь, что после опера-ции могу стать на «Киликии» обузой. Так хоть худо-бедно пе-редвигаюсь и делаю все, что мне положено по судовой роли. Подумаешь, качаюсь вместе с палубой с вытянутыми руками, как канатоходец. Главное, каждый раз дохожу до нужного мес-та, как это было совсем недавно, когда я неуклюжими прыжка-ми добрался до стоявшего на корме Карена Балаяна.

— Скоро покажется Генуя, — сказал он.

— Я сейчас изучал карту и про себя подумал, что от Вене-ции мы в основном шли на юг или, точнее, на юго-восток до самой подошвы итальянского «сапога». От Сицилии идем на север, точнее, на северо-запад до самой Генуи. А вот от Генуи до Гибралтара почти целый месяц — только на запад...

— Или, точнее, — передразнил меня Карен, — на юго-запад.

— Тогда, если быть уж совсем-совсем точным, то юго-запад-запад, потому что на этом отрезке маршрута запада больше, чем юга. Я это к тому, что от Генуи начинается финишная прямая до Атлантики. Есть у нас крупные проблемы, которые, пожалуй, придется решать в Марселе. Но есть и не очень крупные.

— Например? — спросил капитан.

— Я уже заказал доставить в Марсель бутылку. Угадай — чего.

— Бутылку севанской воды, — очень быстро, без тени сом-нения сказал он.

Бог мой, что тут произошло! Первым от радости закричал я. Потом вместе захохотали, да так громко, что, перекрыв вой ветра и шум волн, наши голоса дошли до кают-компания, и ре-бята кинулись наверх.

— Ай да молодец! — сказал я, продолжая смеяться. — А те-перь попробуй догадаться, что будет во второй бутылке.

— Ну, это уже тутовая водка явно, — улыбаясь, сказал Карен.

— Нет. Напряги мозги.

— Вода из Арцаха.

Мы обнялись, забыв о качке. То были счастливые минуты. Карен сиял от радости. Было чему радоваться. Ведь совсем не просто догадаться о содержимом бутылок, которые по моей просьбе доставят из Севана и Арцаха. Кажется, я понял, почему он догадался. Ранее я показывал ему журнал «Катера и яхты» 1971 года, в котором был помещен материал о нашем путешествии на

самодельных лодках от Тихого океана до вод Атлантики. До самого океана нас не пустили, но до советской части Атлантического бассейна Балтийского моря мы добрались. «Катера и яхты» сопроводили ту публикацию фотографиями; на одной из них я и мой друг Анатолий Гаврилин выливаем в Балтийское море тихоокеанскую воду, которую везли с собой четыре месяца.

Капитан об этом знал. Думаю, он догадался еще и потому, что и сам подумал о бутылке с севанской водой. Но вот о второй бутылке догадаться было труднее. Незадолго до разговора с Кареном я связался по телефону с Президентом Нагорно-Карабахской Республики Аркадием Гукасяном. Зная о том, что заместитель начальника республиканской полиции Ованес Варян приедет в Марсель, чтобы помочь нам в подготовке судна к выходу в океан, я попросил Аркадия Гукасяна переслать бутылку с водой из родника Вараракн через Варяна.

Так что сразу, как только «Киликия» выйдет из вод Гибралтарского пролива, мы организуем торжественный церемониал. На сей раз я уже не буду бояться примет и сдерживать свои чувства. Я слишком близко подошел к исполнению своей заветной мечты, чтобы чего-то бояться. Ибо она стала нашей общей мечтой — мечтой всего экипажа, мечтой парусного судна «Киликия» и, хочется верить, мечтой наших соотечественников. Если где-то в Ницце или Марселе врачи потребуют, чтобы я сошел на берег, мне придется подчиниться. Но это ничего не изменит.

Главное то, что мечта моя исполнится.

* * *

В Ницце или Марселе все-таки придется обратиться к кардиологу хотя бы для того, чтобы и впрямь не подвести ребят. И если даже мне запретят выйти в океан, я должен сделать все от себя зависящее, чтобы «Киликия» вошла в Гибралтарский пролив в полной готовности и в первую очередь — с новыми малыми парусами. Надеюсь, что в Гибралтар прибудет Серж Саркисян, так много сделавший для реализации нашего проекта. Там надо будет обмозговать все вопросы до конца. Я настоятельно просил второго спикера палаты лордов Великобритании леди Керолайн Кокс, чтобы она тоже нашла время хоть на несколько часов оказаться в Гибралтаре. И это тоже очень важно, если учесть, что Гибралтар — английская территория и что мы решили: зимовать «Киликия» будет не в Амстердаме, как это планировалось ранее, а в Лондоне (Портсмуте). Все это надо будет подготовить заранее. Но у всех есть свои планы, свои проекты,

личная и частная жизнь, своя работа. И если они по объективным причинам не сумеют подъехать к месту встречи, нельзя опускать руки. Все придется сделать самим. Только не ныть, не паниковать. «Киликия» должна не просто выйти в Атлантический океан, неся на борту флаги Армении и Арцаха, она должна успешно преодолеть весь оставшийся до Лондона путь. Буду я к тому времени на борту или нет, не имеет никакого значения. Это важно для всех. Для нашего народа. Для Армении. Я и не помышляю о моем личном участии в будущих проектах под условным названием «Армянская кругосветка», но я сделаю все, чтобы идея эта осуществилась.

* * *

Генуя. Или, как произносят это географическое название армяне, Женова. Киликийские купцы добирались сюда на своих парусниках еще в XI веке. Сам этот факт говорит о том, что наша «Киликия» является аналогом армянских судов не XIII, а XI века. А вот в конце XII и начале XIII веков отношения уже стали более тесными и, как говорится, межгосударственными. Генуя тогда была столицей самостоятельного Генуэзского государства (республики). Указом царя Левона II республика эта получила на территории Киликии статус наибольшего благоприятствования. На добро было отвечено добром. Такой же статус получили киликийские армяне в Генуэзской республике, где вскоре выросла большая армянская община, еще долгое время существовавшая после распада Киликийского государства. Вот один исторический факт, подтверждающий формулу «цена любви — любовь, цена дружбы — дружба». Отношения Киликийской Армении и Генуэзской республики были столь искренними, что даже после падения Киликии генуэзцы создавали для беженцев-армян благоприятные условия. Так, во всех регионах, подвластных Генуе, обосновывались армянские колонии. Созданием многих общин на берегу Черного моря, в частности в знаменитом порту Кафе (Феодосия), родине Айвазовского, армяне были обязаны официальной политике Генуэзской республики.

В самой Генуе армяне не только ремонтировали свои многочисленные корабли, но и строили новые. В 1307 году они возвели храм и церковь. Сам этот факт говорит о количестве и «качестве» армянской общины. В энциклопедическом справочнике «Армянский спорк» отмечается, что там хранились армянские рукописи и исторические ценности. Но вот к 1650 году в Генуе не осталось армян, а осиротевший храм сохранил только свое название

«Армянская церковь святого Варфоломея». Мы планировали посетить армянский храм, посмотреть, что там осталось.

Помнил я и предание о знаменитом Спасе Нерукотворном (прижизненный портрет Иисуса Христа), связанное с именем царя Абгара V, представителя знаменитой царской династии. Об этом имеются упоминания у Мовсеса Хоренаци и других историков. Согласно легенде, когда тяжело заболел царь Абгар V, а это было в начале I века нашей эры, его посланец Анания отправился к Иисусу Христу в Палестину, чтобы сын Божий помог вылечить царя. По одной из версий предания, Христос вытер свое лицо льняным полотенцем, на котором остался отпечаток его образа. По другой — художнику Анании действительно удалось нарисовать портрет Иисуса и, как свидетелям, многочисленным источникам, «именно его мы и почитаем».

Не вдаваясь в дискуссию о реальности и нереальности этих версий, нужно считаться с тем фактом, что весь христианский мир почитает этот «шедевр из шедевров». Когда во время войны «Святой лик» вывезли во Францию, богатые генуэзцы сумели выкупить свою святыню и вернуть ее домой. После этого долгое время ее буквально держали за семью замками, ключи от которых хранились у семи разных людей. Когда нужно было по случаю какого-либо церковного праздника показать лик Христа верующим, эти семеро должны были собраться вместе и открыть замки. Совсем недавно, в связи с 2000-летием рождения Иисуса Христа, были изготовлены две дорогостоящие витрины, чтобы дать возможность выставить «Святой лик» на всеобщее обозрение. И было столпотворение. На следующий день после нашего визита в Армянскую церковь Варфоломея «Святой лик» по распоряжению Папы Римского Бенедикта XVI специальным транспортом повезут в Германию (Кельн), где состоится Праздник всех святых.

История «Святого лика» имеет прямое отношение к армянам. Именно армяне спасли и доставили его в Геную, где последующим поколениям удалось сохранить «шедевр из шедевров» на протяжении шести веков. И именно в Армянской церкви находится в настоящее время «Святой лик». Однако мир сегодня ничего не знает (или почти ничего не знает) о роли наших соотечественников в деле сохранения поистине общечеловеческих ценностей. Не знает об этом, по большому счету, и сам армянский народ. В церкви, к примеру, имеются буклеты «Святой лик и Армянская церковь святого Варфоломея» на десяти языках. Однако нет буклета на армянском. О необходимости иметь буклет на своем языке позаботились русские, гру-

зины и многие другие, но мы почему-то оказались в стороне. Мы так и не научились быть настоящими хозяевами и наследниками нашей собственной истории. Что же, некому заниматься подобного рода вопросами?

Почему бы нам, в Матенадаране ли, в Государственном музее или в Эчмиадзине, не иметь копии «Святого лика» с описанием истории оригинала? Мы говорили об этом с настоятелем монастыря Святого Варфоломея падре Адольфо, который охотно дал свое согласие на снятие копии.

В прекрасном армянском храме в Генуе, по утверждению падре Адольфо, не сохранилось ни одной рукописи. Остались лишь надгробные надписи и письма на камнях. А ведь когда-то здесь хранились рукописи. Их теперь нет. Мы никогда ничего не узнаем о них. Представьте себе хоть на минуту, что сохранились бы их копии...

* * *

В Ереване на каждом углу можно купить цветы, а в Генуе нет. Мы не могли не почтить самого почитаемого жителя города — Христофора Колумба. И вынуждены были в одном из скверов, где по газонам спокойно прогуливаются и дети, и взрослые, нарвать небольшой букетик полевых цветов и возложить к прекрасному памятнику великому мореплавателю, который родился где-то здесь, совсем рядом, в 1451 году. Как мы не раз упоминали, три его каравеллы: «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья», на которых он открывал Америку, — напоминали нашу «Киликию».

После посещения храма Святого Варфоломея я вновь ощутил всю серьезность и важность нашей инициативы, нашей акции «Киликия».

* * *

Трудно не согласиться с «метеорологической поэзией» Эльдара Рязанова: «У природы нет плохой погоды, каждая погода благодать». И все-таки в море мы не раз убеждались в том, что бывают исключения из правил. Если, к примеру, теплая безветренная погода и впрямь для всего человечества — благодать, то для парусного судна и его экипажа — просто пытка.

Идешь-плывешь посреди моря, где не видно берегов. Все четыре стороны света — один сплошной горизонт. И вдруг на твоих глазах тяжело опадают паруса, никнут флаги. Тотчас же тело чувствует на себе жгучие уколы солнца. И некуда от них деться. Спуститься вниз, в так называемые кубрики-камеры, —

значит, попасть в парилку; ходить по палубе туда-сюда — самое нудное занятие. Остается броситься в воду. Конечно, удовольствие неопишное. Но такое удовольствие может длиться час, ну два. А дальше? Все вокруг горит и жжет. Попробуй без тапочек пройтись по палубе. Попробуй писать, когда со лба на бумагу падают соленые капли пота, как будто вокруг судна мало соли.

Однако настоящая пытка не в этом. К горячим лучам солнца мы привыкли. Ожогов не боимся. Последним, кто сменил, как змея, свою кожу, был Гайк Бадалян. Так что ничто вроде бы не страшно. Но вот время! График! Маршрут! Это же путешествие, где главные показатели определяются не только милями, но и днями.

Появление едва заметных порывов ветра ощущается кожей, как та самая рязановская благодать. Сразу же замечаешь, как медленно двигаются полотнища флагов, как тяжело то тут, то там дергаются поникшие паруса, слышишь скрип и скрежет в местах креплений рулевых весел. И вот уже сдвинулось с места судно, которое обычно радо ветрам больше всех. Мы в движении — и все, что было еще совсем недавно, забыто. Теперь надо управлять судном так, чтобы избежать множества зигзагов и успеть к намеченной цели.

О штиле я вспомнил потому, что уже в Генуе с ужасом подумал: Господь не простил бы нам опоздания хотя бы на сутки. Сразу после того как мы вышли из армянской церкви святого Варфоломея, позвонил Сос Саркисян. Это был очередной традиционный звонок мэтра армянского театра, к голосу которого уже привыкли на судне. Я часто передаю трубку не только капитану, но и другим членам экипажа, чтобы Сос поговорил с ними. Но тут говорил я один. Справился о том, почему в двадцатисерийном фильме о Матенадаране не было Генуи. Речь, конечно, идет о «Святом лике» — прижизненном портрете Христа. Сос сказал, что они знали о нем, но считали, что никому его не показывают. И мы ведь могли его не увидеть, опоздай хотя бы на один день. Как я уже говорил, через день «Святой лик» перевезли в Германию на выставку. Так что погода воспринимается нами не только как явление чисто метеорологическое. Если мы заранее знали о неповторимом экспонате в Генуе, то вот в Ницце нас ожидало доселе неведомое. Во дворе армянской церкви святой Марии Богородицы в Ницце стоит очень впечатляющий хачкар, установленный жителями Гюмри. Чуть поодаль — небольшой, я бы сказал, скромный бюст. На пьедестале надпись по-французски: «Тигран Чамкертян».

Сопровождавший нас епископ Нарек сказал, что этот человек в двадцатые-тридцатые годы сделал многое для армянской общины и, в частности, для строительства церкви. Об этом человеке узнал живший тогда во Франции скульптор Акоп Гюрджян и взялся изваять благотворителя.

Возможно, биографы великого скульптора, ученика Огюста Родена, знают об этой работе. Но вот в энциклопедическом справочнике «Армянский спюрк», в котором имеются сведения не только об армянах-беженцах, но и о памятниках истории и культуры, нет упоминания о работах Акопа Гюрджяна. Здесь же, в Ницце, я узнал, что у многих наших соотечественников в свое время хранились древние рукописи, иконы и другие исторические ценности. Но с уходом дедушек и бабушек, как правило, становится невозможным проследить судьбу частных экспонатов. Тоже ведь проблема... И мы верим, что голос «Киликии» услышит руководство Армении.

* * *

Перед тем как «Киликия» взяла курс на Ниццу, я поочередно (отдельно или по два-три человека) приглашал членов экипажа к своему висячему столику. Там удобнее вести «переговоры», ибо тотчас же все переносится в блокнот. Это именно те записи, из которых родится книга. На сей раз — записи особого рода. Кодовое название «Океан». Со всеми нужно было потолковать, в первую очередь, о тех предметах и вещах, которые имеют функциональное значение для плавания. И мне хочется рассказать читателю о списке, который я составил.

Аккумуляторы на 165 ампер — две штуки. Без них мы ночью не могли бы ходить в море. Бортовые огни — это закон.

Промышленный фен — АЖЕ. Вряд ли кто из простых смертных догадается, что это такое. Это нечто вроде фена для сушки волос, но предназначен для конопачения щелей между досками палубы. В щели вбивается специальная смола, которая прогревается феном и полностью заливает все зазоры. Иначе во время дождя все наши вещи оказываются в воде. Конечно, мы и раньше проделывали эту процедуру, но со временем приходится повторять.

Всякий раз, причалив к берегу, подсоединяемся к электросети и набираем пресную воду. И довольно часто выходят из строя электрокабель и водяной шланг. По пятьдесят метров каждый. Вот я и записываю в блокноте: кабель 2,5 квадрата, шланг — 0,5 дюйма.

Многие ребята (Самвел, Армен, Мушег, довольно часто и капитан) в акваланге с кислородным баллоном спускаются под воду для проверки днища судна и проведения работ с корпусом ниже ватерлинии. В список добавляется запись: «Два акваланга с двумя баллонами».

Словом, список занимает целых три-четыре страницы с пояснениями. Я перечислю лишь некоторые предметы: канифоль, олифа, ласты, концы (веревки разных диаметров и длины), блоки, около десятка деталей к электрическим приборам, к мотору. Не говоря уже о дорогостоящих запчастях для фото- и телеаппаратуры. Не забыть бы про заказы кока: от половника, дополнительных ножей, вилок, ложек до электрочайника и электроплиты, без которых не обойтись коку на берегу. В море они, конечно, не нужны. Но самое главное — малые паруса, которые перед выходом в океан нужно полностью заменить. Необходим и спасательный плот.

* * *

Несколько слов о том, когда появились армяне во Франции. Источники, откуда беру подобного рода данные, — это Большая армянская энциклопедия, нужные статьи и страницы которой я заранее ксерокопировал перед началом экспедиции, и тысячу раз упомянутая в первой книге энциклопедия «Армянский спюрк». Слово «спюрк» (от глагола «спрвел» — рассеиваться) прочно вошло в наш обиход. Оно очень точное. Его эквивалент — «диаспора» — слово греческое и хорошо знакомо биологам, ботаникам. «Ди» означает «дважды», «двойной», а «спора» — это часть растения, которая естественным путем отделяется для размножения. Так что в природе этот процесс происходит, как видим, естественным образом.

Термин «диаспора» впервые был применен еврейскими историками при описании последствий Вавилонского плена. В 586 году до нашей эры иудеи были выселены из своей страны, и отпочковавшаяся, находившаяся вне Палестины часть народа называлась «диаспорой». Что же касается слова «спюрк», то, согласно преданию, его впервые употребил Месроп Маштоц. Это было за двадцать лет до создания им алфавита. В 387 году Армения была поделена между Римом-Византией и Персией. Огромные потоки армян-аборигенов покидали родину и рассеивались по белу свету. Обустраивались на чужбине. В первой книге «Моя Киликия» я не раз обращался к этой теме. Сама Киликия возникла благодаря спюрку и, распавшись, рассея-

лась в мировом спюрке. Главы моей книги печатались в газете «Айоц ашхар», и уже тогда я стал получать письма читателей, которые просили и рекомендовали почаще освещать тему спюрка. Я обратил внимание, что ни в письмах, ни в беседах никто не употреблял словосочетание «армянский спюрк», ибо «спюрк» обозначает именно армянскую диаспору. Подобно тому, как слово «холокост» означает именно геноцид евреев.

Однако настало время очередного диалога с «Киликией», и я спешу на встречу с нею.

Так уж получилось, что чаще всего я беседовал с судном, лежа на деревянных нарах. Но нередко слышал голос «Киликии», находясь на палубе, особенно во время длительного и сильного шторма. На сей раз это было у причала в бухте Ниццы. Из опыта я знал, что «Киликия» без труда угадает тему диалога. И она начала первой, чувствуя мою готовность к разговору.

— Мне кажется, что в прежней моей жизни меня звали не «Киликией», а «Арменией». Одно неизменно: я родилась у моря. И всегда на моем борту была слышна армянская речь. И вот что важно: я возила беженцев по морям и океанам задолго до трагедии Киликии.

— Мне, собственно, захотелось сегодня поговорить с тобой именно потому, что необходимо вспомнить, как зародился спюрк. Мы уже говорили о том, что только по замыслу Божьему Месроп Маштоц родился, как говорится, «там и тогда», а точнее — в Хацекаце в 360 (или 361) году. Когда в дом каждого армянина пришла беда, Маштоцу было двадцать семь лет. Ему вовсе не вдруг, не случайно пришла в голову воистину стратегическая мысль, нацеленная на перспективу, на будущее своего народа.

— Месроп Маштоц знал греческий и латинский. Поступил на службу при дворе царя Хосрова III и освоил принятые тогда в царской канцелярии персидский и сирийский языки, изучая, кроме прочего, графику различных алфавитов. И это было не случайно. Как не случайно и то, что он интересовался проблемами государственного управления. Будучи пророком, провидцем, оракулом, провозвестником, он понимал, что козни персидских, римских, византийских царей, которым была невыгодна сильная объединенная Армения, рано или поздно приведут к распаду его страны.

— Насколько я чувствую, — перебила меня «Киликия», — письменность нужна была армянскому народу, чтобы армяне и на чужбине оставались армянами. Ведь они пользовались до этого чужими алфавитами.

— Конечно, без письменности армяне в спюрке переплавились бы и слились с другими народами, подобно различным металлам в огне домны. Маштоц понимал, что теоретически армяне на чужбине могли бы обходиться чужими алфавитами. Но, тщательно изучив иноязычную армянскую историографию, он осознал, что народ, разбросанный по всему миру, не сможет сохраниться без своего уникального языка с его специфической фонетикой и без дальнейшего развития искусства, науки, культуры. А это возможно только при условии, если у народа будет своя письменность.

— А как же обходились до этого? Ведь на протяжении многих веков армяне создавали свою литературу, свое искусство?

— Тогда использовались элементы клинописи, письма на основе армянского и греческого языков. До IV века армяне использовали также элементы письма из сирийского и персидского языков. Так что царская канцелярия подчас вела свое делопроизводство, можно сказать, сразу на четырех языках, точнее, используя четыре алфавита. Более того, по преданию, для армянского языка были созданы так называемые даниловские письмена. Однако ими пользовался лишь узкий круг армянских жрецов для ведения специфических записей. В конце концов, многие народы, в том числе и самые развитые, до сих пор пользуются общими алфавитами, скажем, латинским или арабской вязью. И ничего, создают свою культуру, свою литературу. Пока Армения являлась единой неделимой государственной единицей, армяне были спокойны, ибо в устном народном творчестве, в тех же легендах и песнях жива душа народа, жив материнский язык, хотя в письме используется «общий алфавит». И как тут не вспомнить в тысячный раз о спасительном Божьем персте: в 387-м, трагическом для Армении году, уже жил человек, который заботился о будущем своего народа.

— Я чувствую, что не все справедливо под солнцем. Как много в Армении говорят и пишут о деятелях культуры, искусства, литературы времен Киликийского армянского царства и как мало при этом вспоминают царей, особенно Левона II. А ведь никакого расцвета культуры, не говоря и о морском флоте, не было бы без независимого сильного государства. Сейчас ты мне рассказываешь о Месропе Маштоце и только о нем, но без государственных деятелей невозможно было бы все это и создать, и организовать, и распространять.

— Я согласен с тобой, «Киликия». И не только в данном конкретном случае. Мы совсем недавно отмечали 1700-летие

принятия в Армении христианства как государственной религии, и в центре внимания был в основном первый католикос всех армян Григор Просветитель. Вспоминали, конечно, и царя Трдата Великого, или Трдата III, без которого не было бы у нас этого спасительного исторического события. Более того, Богу было угодно, чтобы Трдат III царствовал после принятия христианства еще тридцать лет. Именно это обстоятельство позволило закрепить духовное завоевание народа, расширить реальные границы христианской Армении. Достаточно сказать, что это при Трдате Великом внуком первого католикоса епископом Григорисом было начато строительство первого в Арцахе христианского храма Амарас. Что же касается Месропа Маштоца, то он сам говорил о роли и царя Врамшапуха Аршакуни и других государственных деятелей. Месроп обрел также самого ревностного единоверца в лице католикоса Саака Партева. Вот только одна историческая деталь: сам царь вместе со своей свитой и католикосом организовали торжественную встречу Месропа Маштоца, который вез в страну готовый алфавит, состоящий из тридцати шести букв-воинов. История сохранила не только имена первых учеников Маштоца Ована Екехецаци и Овсепя Пахнаци, вместе с которыми он осуществил уникальный перевод Библии на армянский, но и самую первую фразу, выведенную месроповыми буквами: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума».

* * *

Познавая мудрость и наставление, постигая изречение разума, армянский народ на протяжении последних семнадцати веков существовал как единый этнос во всех частях света, на всех континентах, сохранив свои традиции, язык, любовь к родителям и детям.

И вот «Киликия» стоит в порту Ницца. Заглянув в энциклопедический словарь, о котором я говорил, мы узнаем о первых армянах, посетивших Францию. Согласно историческим документам, это был епископ Симон, который в 591 году побывал в городе Туре на реке Луара. В городе Тарасконе на реке Рона в церкви святой Марты сохранился уникальный документ — армянский алфавит, в котором отсутствуют буквы «о» (круглая) и «ф», а это значит, что он появился там до XIII века. С годами росло армянское население во Франции, и сегодня в двадцати шести крупных городах страны проживает в общей сложности около полумиллиона наших соотечественников.

Хочу на примере города Ниццы рассказать о том, как вообще создавались очаги спюрка. До конца XIX века в Ницце не было армян. История сохранила имена первых наших соотечественников, обосновавшихся в этом элитном портовом городе Средиземного моря. Купец Наапетян из Джуги, Симон Кайсрян из Полиса, Ваган Хорасанджян и другие в конце XIX и начале XX века построили в Ницце первые виллы. Место это приобретало популярность. Его посещали известные поэты, писатели, композиторы: Ваан Текеян, Аршак Чобанян, Сиаманто, Комитас. Вряд ли сегодняшние армяне, обосновавшиеся в Ницце (большая часть из Полиса, Ливана, Сирии и нынешней Армении), знают, что начало массового переселения армян в Ниццу заложил предприниматель Наапетян из Джуги, который, переехав сюда из Индии, занимался капитальным строительством и создал большое количество рабочих мест, в основном для своих соотечественников. Да так успешно у него пошли дела, что вскоре многие армяне из Марселя хлынули в Ниццу. И никого уже не удивляло, что в этом курортном городе появился целый армянский квартал с армянской школой и даже с армянской футбольной командой, которая вот уже почти целый век существует, передавая эстафету из поколения в поколение.

Здесь, у церкви, расположенной рядом с улицами Арагат, Айастан, Ереван, Севан, благотворитель Арам Парсамян построил целый культурно-просветительский комплекс и ежедневную армянскую школу. Мне довелось увидеть здесь спектакль по сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц», который представили школьники сразу на двух языках — армянском и французском.

* * *

Еще в Генуе мы осязаемо почувствовали гостеприимство Ниццы. К нам приехали Минас Аракелян и Тевос Сафарян. Первое, что они сделали, — загрузили судно фруктами, без конца рассказывая о том, как в Ницце ждут «Киликию».

Сразу же по прибытии в Ниццу Минас повез меня к руководителю армянской общины Григору Адджерханяну (родом из Полиса). Пока добирались до офиса Григора, или, как его все здесь зовут, Коко, я успел записать в блокноте кое-что о самом Минасе и его семье. Вот уже лет двадцать как Минас перебрался из России в Ниццу к родственникам, потом за ним последовали и другие члены большой семьи. Глава огромного рода — его дед по матери Геворг Кехикян. Записал и то, что дед родом

из Эрзурума и мальчишкой вместе с родителями и другими беженцами прошел дорогами ада до Джалалоглу (Степанаван)...

В офисе Аджерханянов — в основном члены семьи. А фамилия его, как я выяснил у Коко, когда-то звучала иначе: Астраханян. По данным Коко, в Ницце проживает около пяти тысяч армян.

* * *

Волей-неволей мне приходится касаться тем, которые вроде бы никак не связаны с нашим путешествием и находятся «за бортом». Я бы хотел дать совет своим молодым коллегам по перу. Главное — с самого начала увидеть зерно темы, которое мы часто называем уже ставшим тривиальным словом «сверхзадача». Узнав еще в машине от Минаса, что дед его проживает в Абовяне, что воевал он на фронте и вся грудь его в наградах, что у него пятеро детей и целая рота внуков и правнуков и, наконец, что ему девяносто восемь лет, я решил непременно встретиться с матерью Минаса, дочерью девяностовосьмилетнего Геворга Кехикяна.

Кроме того, у меня возникла мысль предложить властям — абовянским городским или даже республиканским — отметить через два года столетие этого человека. Судьба его поучительна.

...Спаслись мальчишка и девчонка от турецкой резни. Геворгу было девятнадцать, а Бурастан — четырнадцать, когда состоялась их помолвка. Через год поженились. Родили пятерых детей: Амалию, Альберта, Карлена, Джульетту и Светлану. Я записал имена не только детей, но и внуков и правнуков. И вот что у меня получилось: пятьдесят одна ветка на генеалогическом древе! По моим подсчетам, к столетию женитьбы Геворга и Бурастан число веток дойдет до ста. А теперь представим себе, что было бы, если бы судьбе не было угодно их спасти. И подсчитаем хотя бы примерно, без научно разработанной методологии статистики и прогнозов. Полтора миллиона жертв геноцида. Число их потомков сегодня составило бы примерно сто миллионов. Пусть пятьдесят. Пусть двадцать пять миллионов. Пусть двенадцать с половиной. Пусть население увеличилось бы всего на те же полтора миллиона. Я вовсе не занимаюсь какими-то абстрактными подсчетами. Я исхожу из конкретной арифметики на примере конкретных людей, имеющих конкретные имена и конкретные судьбы. И имею право на том самом страшном суде, который обязательно ждет Турцию, привести в качестве аргумента и улики статистику всего одной семьи — Геворга и Бурастан Кехикян.

* * *

Еще одно небольшое лирическое (вернее, драматическое) отступление. Пример одного из внуков дедушки Геворга под-сказал мне публицистическую тему. Мы часто говорим о том, что в последние годы Советской Армении имели просто-таки рекордную рождаемость — восемьдесят тысяч рождений в год. Сейчас — чуть более тридцати тысяч. Это отнюдь не значит, что просто так, ни с того, ни с сего, резко сократились показатели рождаемости армян. На эту тему я уже выступал в периодике с серией очерков. Я говорил о том, что из Армении эмигрировали не какие-то абстрактные статистические единицы, а конкретные люди, большей частью родители репродуктивного возраста и их маленькие дети. Так что когда мы спорим о том, сколько человек покинули родину — миллион или «всего лишь» восемь-сот тысяч, мы должны не забывать об их возрасте. Такой подход обяжет нас серьезно подумать над решением этой проблемы. Можно, наверное, сказать, что изменилась география рождений и свадеб. Это, скорее, вопрос стратегический, вопрос государственной важности. Огромное количество наших соотечественников улетело не на Луну, не на Марс, а приземлилось на планете с названием «Спюрк». С уверенностью можно сказать, что при желании нетрудно определить их адреса. Сегодня в спюрке, как никогда раньше, рождается большое количество армянских детей. Создаются новые семьи. Правда, есть здесь проблема проблем, о которой тоже много говорилось, в том числе и во время нашего плавания. По известным причинам, большей частью вывозили детей-мальчиков. Вот и получился дисбаланс. Эти мальчики выросли. И вот вам удручающая статистика: в Армении на каждые сто невест (от 18 до 26 лет) приходится шестьдесят пять женихов. Примерно такая же пропорция, но с обратным знаком, наблюдается в спюрке.

...Я не предлагаю государству и церкви стать сватами. Но если не найдется другого выхода, то почему бы и не стать...

* * *

Капитальная, тщательная, нацеленная на выполнение конкретных задач подготовка к выходу в открытый океан началась, по большому счету, уже в Ницце. И должна завершиться во французском Марселе и в испанской Малаге. В основном вопросами этими занимаюсь я, что обязывает меня общаться со многими людьми. Зная о том, что после первого этапа плавания я написал и издал книгу, а сейчас пишу вторую, многие мои собеседники

стараются обозначить проблемы, волнующие спюрк вообще и местную общину в частности. Среди таких собеседников особой активностью выделялся Саак Дашян, который охотно подбрасывал новые темы, иллюстрируя их примерами из собственной жизни. Родился он в селе Зяглик Дашкесанского района. Учился в школе на отлично. Мединститут окончил в Ереване с красным дипломом. Вот так и живет до сих пор: сплошные отличные отметки как результат его неимоверной активности.

— Ты, как у нас принято говорить, съел, наверное, сердце волка, — сказала я ему после того, как узнал, что еще тринадцать лет назад он со всей семьей (жена, две дочери и сын) перебрался во Францию.

— Когда я узнал, что двое моих детей больны сахарным диабетом, я понял, что должен пойти ва-банк. Ситуация, в которой находилась Армения после Сумгаита, Баку, землетрясения и в разгар войны, не способствовала лечению детей. Устроился в Ницце врачом по специальности — я окулист..

* * *

Обладатель школьной золотой медали, а также красного диплома врач Саак Дашян привел на судно своего друга, который представился Жаном Батистом...

— Ламарк? — смеясь, спросил я.

— Какой еще Ламарк? — удивился мой собеседник. — Это меня перекрестили на французский лад. Мое настоящее имя, которое мне дали родители в Ливане, — Ованес Мкртич. Ованес — Жан, а Мкртич — Батист.

Я спросил Жана Батиста Ованеса Мкртича, как называется его бизнес.

Его ответ принес пользу «Киликии». Он сказал всего одно слово «Оптика». А польза для «Киликии» была весомой. Еще две недели назад Самвел разбил очки, которые, кстати, уже не очень устраивали его. И вот благодаря Жану Батисту наш Горный Орел, Самвел стал видеть еще лучше. Подфартило и мне между делом. Жан Батист проверил мое зрение и выяснил, что мои плюс четыре — это слишком много.

Остается добавить, что число друзей «Киликии» в Ницце росло изо дня в день. И все они норовили поведать о своих проблемах. Вот еще одна. Это активная неприязнь старого поколения спюрка по отношению к «новеньким», бывшим советским. Здесь нужно провести работу на государственном уровне. Любой, оказавшись на чужбине (хотя спюрк трудно назвать чужби-

ной, спюрк — это драматическая часть родины), должен находиться под охраной и защитой Армении с ее соответствующими государственными институтами. Так что двойному гражданству нет альтернативы.

* * *

В Марсель по графику мы должны были прибыть тридцатого июня или первого июля. Мне позвонили из Министерства иностранных дел Армении и из нашего посольства в Париже. Несколько раз это был лично посол Эдуард Налбандян. Сообщили, что Шарль Азнавур намерен встретить «Киликию» в Марселе, но у него личная просьба: учесть, что он может туда прибыть только третьего июля в одиннадцать часов утра. Раньше не может. И позже не может.

— Ничего страшного, — сказал Арик Назарян, — будем считать, что нам объявили штормовое предупреждение на два дня.

— А зачем нам придумывать какое-то штормовое предупреждение? — возразил его сын Арег. — Дойдем до Марселя, а там будем ждать, занимаясь нашими делами, которых набралось целый сундук.

Так много людей из Парижа и Еревана звонили по поводу приезда в Марсель Шарля Азнавура, что мне и в голову не приходило подвергнуть предстоящий визит сомнению. И во время очередного телерепортажа я взял да и ляпнул, что, мол, следующий порт — Марсель, где нас ждет сюрприз. Кстати, через час после того, как по «Айдуру» показали этот репортаж, позвонила моя жена, которую за телепатические способности еще в институте будущие врачи прозвали ученицей Вольфа Мессинга, и сказала, что она уверена: никакого сюрприза не будет, ибо не будет Азнавура в Марселе. Мы приближались к Марселю, на траверзе «Киликии» справа виднелись высотки и симпатичные виды знаменитых Канн, столицы знаменитого кинофестиваля, носящего имя этого порта, когда позвонил из Парижа Эдуард Налбандян и сообщил, что Шарль нездоров и его приезд в Марсель под вопросом.

Честно говоря, ребята уже были настроены на то, что известный шансонье поднимется на борт судна, а там, глядишь, с самим Арегом Назаряном под гитару исполнит какую-нибудь песню. Но комментариев не было. А могли быть, если бы не погода. Опять все тот же хорошо знакомый нам смерч. Речь идет об относительно кратковременных порывах ветра, скорость которого достигает двадцати пяти метров в секунду. То

есть скорость практически ураганная. Весь ужас заключался в том, что «Киликия» шла на юго-запад при поднятом большом парусе, и это был абсолютно попутный ветер. Никто не ожидал такого в море, где еще час назад дул приятный бриз и большой парус, вздувшись до предела, тащил судно на максимальной скорости: шесть узлов. Карен Балаян с болью в сердце дает команду о спуске гранд-паруса.

Словом, смерч, как это обычно и бывает, застал нас врасплох, и нужно было срочно принять меры. Мы не забыли, как во время первого шторма в Потти разорвало гранд-парус уже при ветре со скоростью двадцать два метра в секунду. И это, кстати, спасло нас. Разорвало, значит, сквозь прореху проникал воздух, ослабляя вздутие паруса. А наш новый парус из синтетики, его не разорвешь, скорее, он вырвет с корнем мачту. Читатель может спросить: а что тут плохого? Пусть ветер силен, но ведь он попутный — корабль быстрее доберется до цели. Но, увы, не могут «небесный тихоход» У-2 или даже сверхпопулярный в Советском Союзе работяга АН-2 летать со скоростью современных турбовинтовых летательных аппаратов. Нужно менять и всю конструкцию, и всю систему. Никто из нас не знает, что станет с «Киликией», если она поплывет со скоростью, скажем, десять узлов (около двадцати километров в час). Ведь построена она из дерева. Исторические данные свидетельствуют, что деревянные суда до нашей эры двигались со скоростью примерно два узла. Спустя тринадцать веков добились увеличения скорости до трех-четырёх узлов — в средние века это считалось огромной скоростью.

Наступили ответственные минуты для судна и особенно для экипажа. Всей командой рею спустили, плотно обмотав вокруг нее большой парус. Однако не легче было при ураганном ветре поднимать и два средних паруса. Ведь на какое-то время оставшись без паруса, судно становится практически неуправляемым (рулевые весла нужны только тогда, когда судно движется). И в этом промежутке ветер ставит корабль лагом, и начинается чудовищная бортовая качка. Казалось бы, можно в таких случаях завести мотор. Но пока суд да дело, сильные порывы ветра успели бы образовать большие волны. А это значит, каждый раз, когда при сильном волнении поднимается корма, трехлопастной винт, оказавшись в воздухе, вертится с бешеной скоростью. Примерно час такого хода, и можно потерять мотор. Тогда попробуй войти в бухту.

Смерчеподобные явления длились всего два часа, однако это измотало силы не только экипажа, но и судна. А я решил

переписать несколько записей, сделанных еще в Ницце во время посещения карликового государства Монако, которое можно обозреть буквально одним взглядом. При желании любой фотограф может найти такую точку, которая позволит сделать единый снимок всего этого загадочного (по своей специфике, по своим законам, по своим обычаям и нравам) государства. Площадь менее двух квадратных километров. Кстати, в нее входят и отвоеванные у Средиземного моря 0,4 квадратных километра теперь уже бывшего морского дна. Мы были наслышаны об этой крохотной стране, но по большей части о ее, так сказать, ночной жизни. Нам же в первую очередь нужно было осмотреть знаменитый океанографический музей и аквариум. Грех было бы не посетить музей, директором которого долгие годы был сам Жак Ив Кусто.

* * *

До Марселя еще далеко. Смерч, правда, приблизил нас к этому «армянскому» городу Франции, но теперь ветер изменился, и «Киликия» большей частью идет зигзагами, то и дело меняя галс. Так что можно поговорить с нею. Просматриваю последние блокноты, в которых намечены темы моих бесед с «Киликией». На сей раз получается просто винегрет. Если суммировать, речь должна идти о том, каким видится нашему судну «настоящий человек». В свое время это словосочетание талантливо «приватизировал» прекрасный писатель, главный редактор журнала «Юность» Борис Полевой, с которым мне посчастливилось много раз встречаться и писать о нем. Книга его, созданная в дни победы над гитлеровской Германией, так и называется — «Повесть о настоящем человеке». Я лично критически отношусь к определению «настоящий», когда говорят о человеке. Еще понимаю выражения «настоящий армянский коньяк» или «настоящая тутовая карабахская водка». Честно говоря, в природе все «настоящее», если не суррогат, если не вмешалась химия со своими синтетическими материалами. Что же касается человека, то он всегда истинное творение Божье. Нельзя, к примеру, настоящим назвать только того человека, который в годы войны проявил героизм. Шиллер говорил, что настоящий человек всегда отражается в своих поступках, и он свободен. Но свободен лишь тот, кто владеет собой. Именно с этого я начал наш очередной диалог с «Киликией».

— Считаешь ли ты себя свободной? — задал я «Киликии» свой первый вопрос.

— Знаешь, я всегда чувствовала свободу не так, как обычно чувствуют ее люди. Для меня свобода — это, скорее, освобождение.

— Объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду?

— Когда меня поднимают на сушу и я начинаю томиться от собственной тяжести, я старею на глазах. У меня бывает одно желание — освободиться, броситься в воду. Я чувствую, что ты тоже переживаешь, когда на берегу по разным причинам задерживаетесь лишний день, даже лишний час. У тебя портится настроение, выходишь из себя, кричишь.

— Лишний час на берегу — это не только расхолаживание. Это, ты права, ломка порядка. Ты обратила внимание на то, как ведут себя Мушег Барсегян или Самвел Карапетян, когда они в море и когда они на суше? На суше они как рыбы, выброшенные на берег...

— На море, на судне они гордые, — перебила меня «Киликия». — Они, я бы сказала, свободны от суеты. Вот и я перестаю чувствовать свободу, когда меня поднимают на сушу, когда стою, прикованная цепями и канатами к бетонной стене причала. Ну, конечно же, свобода — это прежде всего освобождение.

— Пожалуй, трудно не согласиться с тобой. В освобождении есть некое действие, процесс, движение, борьба, наконец. Кто не находит в себе силы освободиться, тот достоин своих оков. Мы свободны в своем выборе, что само по себе налагает на нас ответственность за его последствия, а также за то, что не сделали выбора или опоздали.

— Я лишена возможности сделать выбор. В этом отношении меня нельзя назвать свободной. Я не выбираю маршрут, я не выбираю команду, от слаженной работы которой зависит моя жизнь. Хотя зависит и от погоды...

— Ты говоришь не просто о слаженной команде. Ты имеешь в виду профессионализм. Не сомневаюсь, что всех нас ты знаешь уже как облупленных. Что можешь сказать о каждом из нас?

— Я не собираюсь давать оценки. Могу говорить о своих чувствах, да и то обобщенно. Когда слышу голоса каждого из вас, то воспринимаю их тоже обобщенно. Я чувствую, что одни уже давно осознали важность крепкой дружбы в море, другие — еще нет. Одни уже осознали, что настоящая дружба правдива и отважна, другие еще не придают этим вещам особого значения. Я не забуду мое ощущение, когда двое из ребят повздорили, и ты обоим сделал замечание. Потом одному из них отдельно дал понять, что он был не прав и предложил изви-

ниться, сказав тихо: «Сильнее всего — прощение. Но мужественнее всего — извиниться, когда ты не прав». И я видел, что произошло, когда он извинился. Оба были счастливы.

— С тобой, «Киликия», опасно иметь дело. Ты все видишь, все чувствуешь. Думаю, надо об этом сказать ребятам, чтобы они всегда вели себя достойно.

— Я знаю, почему ты в последнее время часто выходишь из себя, правда, стараясь никого не обидеть.

— Это интересно. Почему?

— Да ты ведь всегда громко говоришь о причине.

— Я часто ребятам говорю, что каждое потерянное мгновение — это не только потерянное дело, но и упущенная возможность принести пользу, — сказал я, не очень веря в то, что угадал, о чем говорила «Киликия».

— Верно. А еще?

— Готовясь подняться или спуститься по трапу, придержи шаг и пропусти своего товарища. За едой возьми самый маленький кусок. Разделив яблоко пополам, незаметно всмотришь в дольки и отдай соседу ту, что побольше. Оскорбления — это довод неправых.

— Мы вновь начали наш разговор со свободы и закончим ею, — предложила «Киликия».

— Ты сегодня привела один красноречивый пример, говорящий о многом. Ты обратила внимание на то, какими возвышенными становятся в море Самвел Карапетян и Мушег Барсегян и какие они неловкие и робкие на суше. Разве это не от чувства свободы? Один философ, которого звали Гельвецием, определил истинную суть свободы человека. После долгих раздумий он пришел к выводу, что свобода человека состоит в пользовании своим Божьим даром, своим талантом. Это же ужасно: родиться поэтом и быть лишенным возможности писать стихи; родиться, скажем, Айвазовским и не создать «Девятый вал»; родиться Эйнштейном и не вывести формулу теории относительности; родиться моряком и быть вынужденным жить только на суше. Случись такое с Самвелом Карапетяном, Мушегом Барсегяном и, конечно, Кареном Балаяном, они, я думаю, сошли бы с ума. Это как у Нарекаци: не дай Бог, если туча не разольется дождем; если беременная не разродится. И не дай Бог, если после того, как тебя, «Киликия», сотворили, ты не вышла бы в море, не вышла бы в океан.

— Это произошло потому, что на борту моем оказались свободные люди, которые прежде всего надеялись на самих себя...

— Ну что я могу тебе сказать, «Киликия»? Ты настоящий философ. По крайней мере, ты напомнила мне одного известного философа. Я очень люблю этого великого старца. Моего вечного учителя Демокрита. Он не только был основателем античной атомистики, считая, что в мире существуют только неделимые материальные элементы и пустота, но и в философской дисциплине этике развил учение, которое назвал атараксией, что в переводе с древнегреческого означает «невозмутимость». Он считал спокойствие и безмятежность высшей ценностью. Обо всем этом я тебе рассказываю потому, что Демокрит, формулируя понятие атараксии, одно из своих наблюдений сделал на море. Он знал, что наивысшее испытание человек переносит в открытом море. Предание гласит, что философ, что называется, для чистоты эксперимента сам однажды вышел в море и в шторм наблюдал за моряками. И тогда он вывел свою удивительно краткую и емкую формулу: «Свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится».

* * *

Еще на Камчатке я придумал для себя такую поговорку-скороговорку: «Хорошо, когда хорошо, но когда очень хорошо, то — нехорошо». В ней таится некий смысл. Фраза эта пришла мне в голову однажды в тундре. Когда там после жгучего мороза ртутный столбик поднимается хотя бы на пять градусов, то бывает все хорошо. Однако случается, что зимой в тундре температура поднимается до нуля и даже до плюс двух-трех градусов. Это очень плохо. Тает снег. А через два дня очередной циклон пригоняет трескучие морозы. Тундра покрывается твердой, как бетон, коркой льда, и олени не могут добираться своими копытами до спасительного ягеля.

Так что правы философы, назвавшие любую середину золотой. Вот для «Киликии» с ее тяжелой поступью, с ее неповоротливостью попутный ветер при нормальной (до десяти-двенадцати метров в секунду) его скорости — счастье. Но для нас это не очень хорошо. При попутном ветре — большой треугольник паруса с острым углом, направленным книзу, закрывает обзор. Но честно говоря, это «нехорошее», по мне, очень даже «хорошее». Дай Бог, чтобы как можно чаще нам сопутствовало «нехорошее хорошее». Это же наслаждение — идти со скоростью пять-шесть узлов, когда судно преодолевает встречное течение. Но при таком сочетании направлений ветра и волн начинается сильная качка. Для того чтобы видеть, как нос высоко поднимается и в

следующую минуту плугом врезается в глубину образовавшейся впереди ямы, надо пройти на нос и стать впереди паруса. Правда, обычно такая позиция, когда парус под длинной реей висит строго поперек корпуса судна, длится недолго. В зависимости от направления ветра спускается тот или иной конец реи, соответственно поднимается нижний угол паруса вверх, и тотчас же открывается обзор. Кстати, на фотоснимках «Киликия» выглядит особенно красиво при такой позиции паруса, особенно когда он туго наполнен ветром при косо висящей рее.

Больше всего от подобного обзора выгадывал я. В блокноте появилось множество рисунков: сплошные острова, сплошные горы и даже опять-таки сплошные арараты. «Киликия» при сильной килевой качке ныряет носом так глубоко, что можно четко увидеть белые пенистые усы, расходящиеся по обе стороны судна. И тут горизонт закрывается огромной стального цвета стеной, которая, кажется, вот-вот рухнет на нос корабля. Но этого не происходит. Пока валится стальная стена, «Киликия» успевает приподнять нос и медленно подняться по склону на самую верхотуру стены, чтобы плавно скатиться вниз, как горнолыжник. Иногда судно уже не скользит, а грохается на дно глубокой ямы. Это бывает, когда невесть откуда появившаяся шальная волна всей своей массой ударяется о горку, на которую уже успела взобраться «Киликия». Складывается такое впечатление, словно из-под судна выбили опору и, на мгновение повиснув в воздухе, оно плашмя падает в бездну.

Шторм перед Марселем закончился как-то сразу. Самвел Карапетян и Арег Назарян, как египетские оракулы, взахлеб доказывали, что как только оставим за кормой острова и обогнем мыс у порта Тулон, тотчас окажемся в качественно иной ситуации. Если и не тишь да гладь, то во всяком случае и не шторм с толчеей. Мне же нужна была эта самая тишь да гладь, чтобы сделать наброски в блокноте. Кажется, с полным правом могу войти в какую-нибудь из книг Гиннеса как единственный человек, который не только видел собственными глазами около сотни «копий» библейского Арарата, но и зафиксировал контуры нескольких десятков этих двуглавых шедевров природы в своем блокноте. Кстати, много араратов я видел и в моей Армении. Да и сам Масис с разных точек по-разному выглядит. Скажем, из Армавира, из окрестностей Сардарапата виден только Большой Арарат, который прикрывает собой Малый. Или почти прикрывает. Но вот мало кто, наверное, видел его с вертолета, летящего над перевалом, разделяющим Сисиан и Вайк. Я всякий раз вспоминал незабвен-

ного Мартироса Сарьяна, который вряд ли мог поверить, что воспетый им Арарат бывает и таким. Ведь привычный, традиционный, ставший хрестоматийным, образ Арарата — это двуглавая вершина. А тут сквозь ветровое стекло вертолета открывается удивительная панорама: весь Вайоцзор, или вся Арпийская долина, завершается на западе какой-то фантастической скалоуплотной, увенчанной наверху двумя белоголовыми вершинами.

Архипелаг Йерских островов, можно сказать, нашпигован араратами и даже дорогими моему сердцу неповторимыми камчатскими вулканами. Просто тут они миниатюрные, карликовые. С каждой пройденной милей они менялись. Менялись, как меняется Арарат, когда смотришь на него из разных мест. Но все равно они напоминают очертания Армении. И я довольно быстро делаю наброски в блокноте, отчего на душе становится хорошо.

* * *

Марсель. Думаю, поколение мое впервые узнало об этом городе в юности. Тогда не было телевидения. В год показывали с десяток военных или исторических фильмов. Так что мы больше читали. Вот из «Графа Монте-Кристо» и узнали об этом портовом городе, где произошла драма героя романа Александра Дюма. И, конечно, запомнился замок Иф, где долгие годы в каменной «одиночке» томился Эдмон Дантес. Тогда же нам стало известно, что в городе, расположенном в устье реки Рона, родилась французская революционная песня «Марсельеза», ставшая впоследствии государственным гимном Франции. Лишь потом мы узнали, что история этого города тесно связана с историей нашего спюрка, а стало быть, с историей армянского народа.

Ну и, конечно, мы знали, что в Марселе 3 июля в одиннадцать часов ждут нас наши соотечественники, что к тому времени туда прибудет делегация из Парижа во главе с чрезвычайным и полномочным послом Армении во Франции и Ватикане Эдуардом Налбандяном. А я еще знал, что в порту нас встретит генерал Ованес Варян, который должен передать мне две бутылки. В одной — вода из Севана, в другой — из арцахского, точнее, степанакертского родника Вараракн. Пока никто из ребят не знает, для чего нужны эти бутылки с водой.

Обычно перед входом в порт вся команда располагается на палубе. Уже припущены паруса. Группа, которая занимается швартовкой, стоит наготове. Им всем нужно знать лишь, каким бортом станет к стенке «Киликия», но этот вопрос решается пе-

ред самым причаливанием. А пока внимание приковано к легендарному острову, на котором стоит легендарный замок Иф. Мы знали, что уже к вечеру погода испортится. Медленно, но верно ползет с востока циклон. А это значит, что отголоски волнения моря доберутся и до бухты, следовательно, вряд ли катерам удастся перебросить туристов на крохотный остров. Капитан предложил сделать почетный круг вокруг замка Иф. Телеоператор Самвел Бабасян, фотографы Арик Назарян, Гайк Бадалян, Арег Назарян и даже наш знаменитый Паганель — Геворг Григорян — вдоволь снимали крепостные стены, проходы, лестницы. Я же тем временем делал наброски в записной книжке.

Однако к замку, воспетому Дюма, мы подошли не одни. «Киликия» уже в начале марсельской бухты стала флагманом армянской эскадры. Нас сопровождал белый катер с армянским флагом и надувная лодка — тоже с армянским флагом. Арег Назарян, стоя у левого рулевого весла, прокомментировал: «Армянский флот с дружеским визитом входит в порт Марсель».

Так решили приветствовать нас марсельские моряки-армяне. На надувной моторке сидел человек, который без конца фотографировал. Вскоре выяснилось, что это знаменитый Макс, с которым мне довелось встречаться чуть ли не на всех фронтах Арцахской войны. Он и там не расставался с фотоаппаратом. В каждый свой приезд привозил журналы и газеты, в которых печатались его фоторепортажи. А в конце войны он уже выпустил блестящий альбом: фотолетопись Карабахского движения и Карабахской войны. Так что ничего удивительного не было в том, что мы увидели Макса в лодке, ловко подпрыгивающей на шустрых волнах.

Время швартовки было определено еще четыре дня назад по просьбе Шарля Азнавура: одиннадцать часов утра. Но теперь, когда выяснилось, что он не может приехать в Марсель, время определяла сама «Киликия». И мы прибыли намного раньше назначенного посольством Армении в Париже и марсельской армянской общиной мероприятия. Я связался с борта с братом Минаса Аракеляна Арсеном, который должен был повезти меня к известному марсельскому кардиологу Аветису Макиняну.

* * *

Аветис Макинян. В шестнадцатилетнем возрасте вместе с родителями переехал в Марсель из Еревана. Здесь стал врачом. Прошел все необходимые этапы и ступени, чтобы работать кардиологом.

Пятидесятилетний врач, спортивного телосложения, молодой, он следит за всеми новинками кардиологии, довольно часто посещает Армению, сам осматривает больного, сам снимает электрокардиограмму, сам проводит сонографию, ультразвуковое сканирование. И все это сопровождается собственными комментариями.

Чтобы окончательно определиться и высказать свою точку зрения, Аветису нужен был свежий анализ крови. Я отправился в лабораторию Алена Церукяна, к которому направляют своих пациентов чуть ли не из всех клиник Марселя. При этом Аветис сказал примерно следующее: «Я убежден, у вас будут совершенно нормальные показатели крови, кроме холестерина. Если я прав, придется увеличить дозу антихолестериновых препаратов».

Забегаю вперед, скажу, что Аветис оказался пророком. Но к врачам я еще вернусь, как будут готовы все анализы. А пока вернемся на борт «Киликии». И по дороге познакомимся с «армянской» историей Марселя.

* * *

До XVI века Марсель был так называемым узко национальным портом Франции. Но география города и геометрия бухты позволили ему стать крупнейшим торговым центром. Именно тогда армянские купцы хлынули в Марсель. Хотя поначалу местные торговцы приняли в штыки уж больно активных и предприимчивых пришельцев. В 1660 году официальные власти Франции разрешили переехать в Марсель многим армянам из Женевы и Ливорно. К счастью, вскоре Марсель провозгласили свободным портом. Тотчас же были узаконены привилегии для иностранных торговцев и вопросы, связанные с французским гражданством. Это произошло в 1669 году. И именно с той поры армянская община начала процветать. Как это было повсюду, армяне занимались не только торговлей. Уже через три года в Марселе полным ходом действовала армянская типография, которая издавала не только книги, но и учебники. А в 1885 году один из основателей первой (гнчакская) армянской политической партии «Арменакан» Мкртич Португальян начал издавать журнал «Армения». Тогда же была учреждена организация «Армянский патриотический союз». Армянское население Марселя увеличивалось по мере того, как продолжался на протяжении долгих десятилетий геноцид армян. Сегодня в Марселе и его окрестностях — около десяти армянских церквей, действуют школы, общественные и благотворительные

организации. Вот уже тридцать лет наши соотечественники собираются в прекрасном Дворце армянской культуры, где чувствуют себя как дома: армянская библиотека, концерты армянской музыки, песни, танца. Здесь проводятся творческие вечера, встречи с гостями.

Многие армяне обосновались в окрестностях Марселя. Это большей частью те, кто приехал во Францию в двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия. И среди них по численности на первом месте — киликийцы.

* * *

Наверное, стоило пройти все этапы проекта «Киликия», начиная со строительства и кончая преодолением семи морей, чтобы оказаться свидетелем и участником торжественного приема судна с армянским флагом в легендарном марсельском порту. Мы швартовались в самом, пожалуй, почетном месте: в нескольких десятках метров от мэрии, в двухстах метрах от знаменитых марсельских «бродвеев», которые лучами расходятся по сторонам от огромного морского порта.

Экипаж облачился в национальные костюмы. Над причалом качался целый лес армянских флагов. У стенки стояла празднично наряженная «Киликия». Кроме армянского, французского и карабахского государственных флагов, на длиннущем фале развевались восемь пестрых флагов Киликийского армянского государства, киликийских царей, киликийских городов.

Представляясь в экзотическом одеянии перед европейцами, всякий раз испытываю некий психологический дискомфорт. Собственно, мы ни разу не надевали таразы в море. Только на берегу в особо торжественных случаях.

И вот судно наше в праздничном убранстве и экипаж весь в праздничных таразах приветствуют марсельцев, исполняющих легендарную народную песню «Зим Киликия» («Моя Киликия»).

Еще с борта я увидел в пестрой толпе знакомые лица.

В самом центре стоял Эдуард Налбандян, необычайный и полномочный посол Армении во Франции. Рядом расположилась длинная шеренга людей в строгих костюмах и при галстуках. Это, конечно, прибывшие из Парижа армянские дипломаты и руководители армянской общины Марселя. Догадываюсь, что рядом с нашим послом стоит представитель мэрии Марселя, а, может, и сам мэр, который, небось, не без гордости смотрит, как на «Киликии» рядом с символами древней и современной Армении развевается французский флаг.

* * *

Следуя традиции, хочу в двух словах рассказать о нашем после во Франции. С Эдуардом мы впервые встретились в Ливане еще в 1978 году. Это было поздней осенью. Армянская община Бейрута переживала страшную трагедию. Достаточно сказать, что в результате антихристианской и антиармянской вооруженной провокации тогда погибло около ста наших соотечественников, сотни были ранены и более тридцати тысяч человек лишились крова. Это была моя первая зарубежная командировка от «Литературной газеты». Эдик представлял в консульском отделе не Армению, а Советский Союз.

За два года, точнее, за два этапа плавания, я убедился, что большинство наших послов вышло из советской дипломатии. Налбандян — это Институт востоковедения, аспирантура, диссертация («Урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке»), сотрудник управления по Ближнему Востоку и Северной Африке в центральном аппарате Министерства иностранных дел СССР. Долгие годы он — второй секретарь, первый секретарь и советник посла СССР, а затем — Российской Федерации в Египте и с 1993 года — чрезвычайный и полномочный посол Республики Армения. Последние пять лет — посол во Франции и Ватикане.

Марсельский армянский ансамбль песни и пляски выступил с концертом под открытым небом прямо на причале, у самого борта «Киликии». Как и всюду, армянские священники освятили судно и экспедицию. И, как и всюду, на берегу было много местных жителей.

Лишь потом мы узнали, что среди участников торжеств были и наши соотечественники, прибывшие из Лиона, Валенса, Гренобля, Канн, Сен-Рафаэля, Виллербана, Ла Сиоты и Версаля. К концу церемониала подоспел молодой человек из Парижа. Он рассказал, что в прошлом году его сестра посетила в Стамбуле «Киликию» и по возвращении в Париж поделилась с ним своими впечатлениями. И вот, узнав из печати о прибытии армянского судна в Марсель, он направился к нам. Ко мне лично приехали из Парижа братья Галстаняны.

Мы намеревались посетить главную (из десяти) церквей Марсея — Святого Месропа, Святого Саака и Святых переводчиков. Как здорово звучит! «Мать-церковь» на чужбине носит имя основателя армянского алфавита, его великого сподвижника и святых переводчиков. Вот уже тысяча шестьсот лет наш народ празднует День переводчика. Не могу не позволить

себе именно здесь вновь напомнить о подвиге Месропа. Первая книга, написанная в 404–405 годах только что изобретенными Месропом Маштоцом армянскими буквами, была переводной. Сам основатель алфавита вместе с учениками перевел Библию с греческого на армянский.

Поистине провидцами оказались Месроп Маштоц и католикос всех армян Саак Партев, их многочисленные сподвижники и сам армянский царь Врамшапух, которые видели спасение своего народа в создании национальной письменности и организации переводческого искусства. Они словно предвидели, что пронесутся над их родиной, подобно урагану, полчища персов, римлян, арабов, византийцев, турок-сельджуков, монголов, османов и опустошат «один из центров мировой цивилизации». Предвидели и то, что всякий раз армяне будут рассеиваться по свету. К великому несчастью, все так и случилось. И сегодня на всех пяти континентах, как уже говорилось, спюрк сохраняет национальную самобытность благодаря месроповым письмам. В разноязычной пестроте спюрка невозможно представить познание мудрости и наставления, постижение изречения разума без переводческого искусства. Вот почему мы так трепетно относимся к переводчикам, возводя их в ранг святых.

* * *

Одним из первых поднялся на борт «Киликии» Арман Князьян. Узнав о том, что армянское судно прибывает в Марсель, он взял на три дня отпуск, чтобы помочь нам. Арман работает ветеринаром, находится на государственной службе. Точнее, возглавляет ветеринарную инспекцию в муниципалитете. Постоянно разъезжает по городам и весям юга Франции. Я решил упомянуть об этом потому, что Арман поведал об одном случае, который не должен оставить равнодушным ни правительство Армении, ни общественность. Наши соотечественники перевезли из Армении в Марсель сорок тонн меда. Вроде бы дома, в Ереване, оформили все необходимые документы, но выяснилось, что не были учтены те требования, которые предъявляют в таких случаях французские законы. В итоге сорок тонн прекрасного меда, по миллиграмму собранного пчелами в высокогорных лугах Армении, пошли, как говорится, коту под хвост. Неужели, имея такие теплые и тесные государственные отношения с Францией, нельзя вовремя выяснять, какие именно документы требует французская сторона?

А в итоге вместо бочки меда — ложка дегтя...

С Арманом мы отправились в церковь Святого Месропа, святого Саака, Святых переводчиков. Встретил нас священник Затик. После традиционной экскурсии мы рассказали ему об акции «Киликия». Священник показал одну картину знаменитого Гарзу, которая висела в церкви. Согласился сказать перед камерой несколько слов о необходимости претворить в жизнь идею акции «Киликия». Рассказал об одном кладе, который находится в ста километрах от Марселя. Мы диву давались: в небольшом, забытом Богом городке Маноске есть церковь, в которой находится галерея Гарзу; здесь он трудился в течение семи лет и с помощью кисти выразил свое видение Апокалипсиса.

Я прекрасно понимал, что в Марселе нельзя терять ни минуты. Все силы мы должны направить на подготовку к выходу «Киликии» в океан. Ведь до Гибралтара осталось всего два порта — Барселона и Малага, где ожидать помощи не от кого. Там слишком мало наших соотечественников.

Однако то, о чем рассказал нам отец Затик, не могло не позвать нас в дорогу: в рамках акции «Киликия» мы всюду выискивали национальные памятники культуры, особенно если они представляют общечеловеческие ценности, чтобы зафиксировать их и информировать нашу общественность и руководство республики.

Повез нас в Маноск, конечно же, все тот же руководитель ветеринарно-санитарной службы Марселя Арман Князьян. В одной группе оказались оператор Самвел Бабасян, Армен Назарян, который в данном случае выполнял роль фотографа (кстати, большинство снимков, появляющихся в печати — это работы Арика) и я, ведущий программы акции «Киликия».

Маноск — крохотный, уютный, симпатичный городок, весь утопающий в зелени. Арман сам здесь был впервые и потому часто спрашивал у прохожих, где находится церковь. Надо было видеть, как охотно и с каким знанием дела жители Маноска объясняли, как добраться до «Фонда Гарзу». Так называется этот музей, где нас уже ждали. У Армана мать (армянка) родилась и выросла во Франции и, конечно, он блестяще владеет французским. Взяв три дня отпуска, чтобы помочь экипажу, бедняга не ведал, что ему придется попотеть все три дня и три ночи. Вот и здесь четыре часа Самвел Бабасян вел съемку, и все четыре часа Арман легко и бодро переводил интересный рассказ гида.

Несколько просторных залов, в каждом из которых великий мастер кисти решал свои философские задачи с помощью цвета, света и легендарных гарзуевых «шипов», «иголок» и велико-

го множества тонких прямых линий. Вся эта работа стала по сути апофеозом творчества Гарзу, который выполнил ее на склоне лет (начал в семьдесят шесть и завершил в восемьдесят три — с 1984 по 1991 гг.). Общее название всей работы — «Апокалипсис». Есть некая логика в том, что за такую работу взялся именно Гарзу, сам переживший геноцид армян.

Я едва успевал заносить в блокнот четкие фразы, которые произносила гид, стоя у каждого полотна (это была живопись на особом холсте). Оказалось, что армянский художник всю жизнь мечтал именно о таком масштабном философском труде, который должен был прозвучать, как набат. Апокалипсис переводится с греческого как «откровение». В Новом Завете это пророчество о «конце света», о «борьбе между Христом и антихристом», о «страшном суде». Не случайно, по мнению опытного гида (немолодой женщины, прекрасно знающей биографию художника), эту работу сравнивают с «Божественной комедией» Данте.

Прослеживается своеобразная хронология этого довольно сложного живописного произведения. Страшные контуры атомных электростанций, над которыми летят бомбардировщики. На другом полотне — нашествие монголов. Рядом на одном теле с ятаганами в руках возвышаются три головы со звериным оскалом — Талаата, Энвера, Джамаля. Чуть поодаль — такая же фигура, увенчанная головами Гитлера, Сталина и Пол Пота. На обоих полотнах фигуры возвышаются на пирамидах из черепов, напоминающих знаменитое полотно Верещагина «Апофеоз войны». Безнаказанность действительно приводит к «концу света», к Апокалипсису. Огромное полотно, на котором художник раскрывает образ «Вавилонской проститутки», видя в этом словосочетании не женщину как таковую, а общечеловеческий порок. В своем, я бы сказал, атласе-монографии, вбирающем в себя около ста больших полотен, художник показывает почти всю трагическую историю человечества. Это и концентрационные лагеря, и ГУЛАГ, и Варфоломеевская ночь — резня гугенотов католиками, и Содом и Гоморра, жители которых были испепелены огнем за то, что погрязли в распутстве.

Поражают многочисленные витражи, сделанные неким мастером по рисункам Гарзу. Каждый из них освещает залы, но при этом несет на себе повествовательную нагрузку. Автор раскрывает зловещий образ революций, показывая, как гильотина поочередно отрубает головы жертвам, потом их палачам, потом палачам палачей — такая вот чудовищная цепная реакция разрушения рода человеческого. Специальный зал, в котором ви-

сят полотна, возвышающие женщину. При этом для Гарзу, как это было у титанов Ренессанса, обнаженная женщина — это воплощение не только красоты, но и чистоты. А вот проститутку и разврат он показывает через полураздетую женщину. Есть, как заметила гид, специальная полупрозрачная одежда — символ проституции. У Гарзу даже Дева Мария обнажена. Она вырастает из кустов роз и вся светится. На одном из полотен «женского зала» изображена группа обнаженных женщин, оберегающих находящуюся в самом центре беременную, будущую мать. И все это изображено на фоне военных баталий, где льется кровь и слышится смерть. Так художник раскрывает образ Надежды, Веры в то, что Жизнь, несмотря ни на что, продолжается. И не случайно под конец автор этого монументального произведения показывает образ «меча и орала». Орудия смерти можно перековать и использовать в мирных целях. Они должны служить в первую очередь Сеятелю (именно сеятель изображен на полотне).

Можно долго говорить о фонде Гарзу, однако завершу свой рассказ описанием одной картины. Стоит пара — мужчина и женщина. Женщина левой рукой обхватывает спину мужчины, держит его, чтобы он прочнее и увереннее стоял на земле. И от обоих падает на землю одна тень. От двух людей падает одна тень!

Мы не ставим перед собой задачу быть первооткрывателями. Речь идет все о том же: нам нужно все это переснять, создать богато иллюстрированный альбом с описанием всех картин — полотен «Апокалипсиса» — великого мастера кисти. Я бы посоветовал моему другу Генриху Игитяну, автору прекрасных альбомов-монографий о великих художниках, взяться за организацию этой работы. Таков наш общий долг. И еще: мало кто, даже в самом Маноске, знает, что художник, которого они почитают, как святого, — армянин.

* * *

Трудно было расставаться с Марселем и марсельцами. Провожающие понимали, что недели через три «Киликия» окажется в Гибралтаре, где мы забудем все, что осталось за кормой. Ибо все мысли будут нацелены на Атлантику. В Марселе, как мы ни старались, все же не успели выполнить всю программу подготовки к выходу в океан. Новый спасательный плот мы не достали. А срок годности старого давно вышел. Но ведь у наших предков, у киликийских армян, не было никакого спасательного плота. С другой стороны, мы хорошо знали, что не все суда восьмьсот-девятьсот лет назад доходили до Лондона

(Портсмута) или до Амстердама. И, тем не менее, смирились с тем, что спасательного плота у нас не будет.

Перед самым выходом из марсельского порта выяснилось, что хандрит наш мотор, без которого «Киликии» в бухту не войти и из нее не выйти. Не позволят. Тотчас же нашлись те, кто сумели достать необходимую запасную часть. Увы, о многих марсельцах я не имею возможности рассказать, но умолчать о Карписе Артине и его сыне Варужане просто не могу. Начну с фамилии. За многие годы посещения общин спорка я, кажется, в каждом городе встречал человека по фамилии Артин. И всякий раз убеждался, что у их дедов или прадедов второе имя (так в спорке называют фамилию) звучало иначе. Не был исключением и Карпис. Родом из Севастии, точнее, из большого села Гандарос. Отца Карписа звали Сосом. Деда — Арутюном. Фамилия Кеосаян. На бесчисленных перекрестках бесконечных караванов беженцев различные писари посольств и консульств различных стран путались в труднопроизносимых именах армян и записывали их, презрев все правила транскрипции. У меня уже набралась целая коллекция переименованных, перевернутых армянских имен. Вот еще один «экспонат». Писарь в английском консульстве долго не мог произнести фамилию Кеосаян. Спросил Соса о том, как звали его отца. Арутюн. Писарь не смог произнести и это имя. После нескольких вариантов остановился на Артине. Вот с тех пор все Кеосаяны зовутся Артинами. Карпис рассказал, что отец его, кроме прочего, обладал особым талантом архивариуса. Умер он в 1973 году. И до сих пор дома хранятся подшивки всех марсельских (и не только марсельских) армянских газет. Отец составил также список всех 680-ти чудом спасшихся от турецкой резни односельчан. Он тоже хранится дома. У многих из них были переименованы имена и фамилии. Для историка-публициста это хорошая тема, которую можно назвать «Потерявшие в пути свои имена».

* * *

До визита к кардиологу времени оставалось много. День встречи с врачом, который должен был на основании анализов начать лечение, совпал с днем выхода «Киликии» из порта. И я решил, что на катере, который будет сопровождать наше судно до ворот бухты, зафиксирую в блокноте момент выхода из Марселя. Так и было сделано. Попрощавшись с экипажем на условной границе, отделяющей бухту от открытого моря, я пересел на катер и вернулся на берег, где меня уже ждала целая группа наших новых друзей.

В общей сложности меня обследовали, осматривали, лечили семь врачей. Невозможно вести записи, будучи в роли пациента. Ранее зафиксировал имена лишь двух моих соотечественников: Аветиса Матиняна и Алена Церукяна. Врачи признались, что никогда не встречали пациента, который дважды перенес аорто-коронарное шунтирование. Разные они были и по возрасту, и по темпераменту. Но их объединяло то, что они, словно сговорившись, задали мне одинаковый вопрос: «Что, если бы мы запретили вам продолжать плавание?». А один из них добавил: «Тем более что основания для этого имеются».

— Не следует забывать и о психологической стороне дела, — сказал я.

— Вот с этим я согласен. Даже могу найти доводы, которые вас оправдают. Судя по всему, если вы откажетесь, возможно, сердце ваше получит куда бóльшую нагрузку.

Примерно в таком же духе проходили диалоги с другими врачами. Лишь двое были довольно категоричны: «Риск слишком велик». На что я отвечал их же словами: «Риск слишком велик даже в случае, если останусь на берегу. Я очень хорошо себя знаю».

Главное — консультации врачей мне помогли.

* * *

Я знал, что сойду на берег для более обстоятельного обследования сердца. Но не знал, какой именно порт пропущу. Не предполагал, что это окажется Барселона — не город, а просто мечта. Правда, не очень-то переживал, ведь я не сомневаюсь, что совершим кругосветку, а это значит — не обойду Барселону.

Увы, сейчас там нет официально зарегистрированной и признанной горожанами армянской общины. Хотя армяне обосновались здесь еще с киликийских времен. К счастью, барселонские армяне сами нашли «Киликию», о прибытии которой знали из сообщений печати и телевидения.

Честно говоря, я не очень переживал, что у меня с Барселонной так получилось. Не все ведь в наших руках. Я не коллекционирую города. Но вот какво было, скажем, Араику Тамяну, который, с трудом выкроив десять дней, прилетел в Марсель, чтобы на судне добраться до все той же Барселонны?! Жесткий график вынудил его заранее приобрести авиабилет именно из Барселонны в Ереван. Он должен был плыть на борту судна, которое еще «чувствует» тепло его рук. Бедняга никак не мог знать, что в Марселе мы застрянем не только из-за сложностей, связанных с подготовкой к выходу в океан, но и из-за

штормового предупреждения, которое расставило все точки над «і». Араик понял, что не успеет к своему рейсу.

Целую неделю этот, на первый взгляд, хрупкий, но крепкий и жилистый человек трудился на палубе. Практически на все дни стоянки на судне был объявлен аврал. И надо было видеть, как работал Араик даже в последние два дня, когда он твердо знал, что ему не повезло и что он на машине отправится в Барселону, а оттуда — в Ереван. И я пригласил его на традиционную беседу в мою каюту-камеру к висячему столу:

— Так уж получилось, что со всеми ребятами я беседовал непосредственно в море. С тобой мы ведем беседу, зная, что ты не пройдешь на судне ни одного кабельтова. У тебя уже авиабилет в кармане, и завтра ты уедешь в Барселону, чтобы успеть к рейсу. Очень огорчен таким невезением?

— Я реалист. У меня семья, я ее кормилец. Я работаю в туристическом агентстве. Через два-три дня уже прибывает большая группа туристов.

— Некому тебя заменить?

— У нас необычный, я бы сказал, специфический туризм. К нам приезжают для посещения заповедников, ботанического сада, приезжают, скажем, спелеологи, у которых здесь имеются широкие возможности для изучения пещер. В Армении раздолье для ботаников, орнитологов. Так что тут быть просто гидом, экскурсоводом недостаточно. Надо владеть материалом.

— Как ты попал в клуб «Айас»?

— Вообще-то я, по большому счету, кораблестроитель.

— Как?

— Я специалист по стеклопластиковым технологиям, без которых сегодня трудно говорить о современных судах. А в «Айас» пришел, когда у «Киликии» был только скелет: киль, шпангоуты. Я вообще много чем занимался. Был даже водителем, маляром.

— Когда ты осознал, что ты внук великого человека, основателя, точнее, автора современного Еревана?

— С самого детства.

— Помнишь открытие памятника Александру Таманяну?

— Да. Мне было семь лет. Но не согласен, что деда моего можно назвать автором современного Еревана. Он планировал совершенно иной Ереван. Для деда моего образ Еревана был неотъемлем от образа Арарата. Ему стоило долгих поисков и огромных трудов добиться самого важного: со всех улиц, со всех перекрестков, из всех домов Арарат должен был быть ви-

ден. Это, если хотите, была не только архитектурная задача, но и национальная, даже политическая... Ладно, я не хочу продолжать эту тему. Наверное, придет поколение, которое просто снесет некоторые, если не сказать многие, здания. Поговорим о другом. Я успел прочитать первую книгу «Моя Киликия», там вы во время ваших традиционных бесед непременно спрашиваете о судьбе нашего судна...

— Я хочу спросить и тебя, Араик: какой тебе видится судьба «Киликии»?

— Первое: она должна вернуться домой, на Севан. А там, думаю, можно будет использовать ее вначале как «учебное пособие», а затем — как музей. Ну и, конечно, нужно построить новое современное парусное судно...

— Из стеклопластика?

— Естественно.

* * *

Рано утром 18 июля меня ждали в кабинете электрокардиографии. Последний визит.

И вот, когда я лежал на кушетке, неожиданно зазвонил мой сотовый телефон.

Звонил капитан. Он не то кричал, не то плакал, не то смеялся, не то поздравлял меня... Рядом не было армянских врачей. Они должны были подойти с минуты на минуту. И в последний раз со всеми анализами и последней электрокардиограммой на руках должны были вынести вердикт. В шесть часов пятнадцать минут по Гринвичу «Киликия» пересекла нулевой меридиан! Это — условная линия, которая разделяет западное полушарие от восточного. Проходит она от северного полюса через Англию, Францию, Испанию, Алжир, Мали, Буркина Фасо, Того, Гану и в Гвинейском заливе Атлантического океана пересекает экватор. Итак, «Киликия» находится уже в Западном полушарии! Разве может после этого болеть сердце? Разве на гребне мечты человек смеет хандрить? И через два дня я вылетел в испанский город-порт Малагу, который оказался следующим пунктом после Барселоны. Я спешил к «Киликии».

* * *

В самолете я пристроил на колени дипломат с записными книжками и стал наводить в них порядок, то есть разбираться с датами и названиями портов. А то заполнишь блокнот, возьмишь в руки новый, а на старом — никаких пометок. Так что

каждый раз приходится тратить время. Вот еще не обработанные записи о нашем враче Геворге Григоряне. Решил заняться ими прямо в самолете. Я уже говорил о том, что давно знаю Геворга. Даже день встречи держу в памяти: 1 мая 1991 года. Накануне, 30 апреля, спецподразделения внутренних войск МВД СССР начали операцию «Кольцо» в районе древних армянских сел Геташен и Мартунашен. На военном вертолете МИ-8 вместе с Геворгом мы полетели в Шаумяновск. Оттуда Геворг окольными путями добрался до Геташена, чтобы оказать помощь пострадавшим. Как я уже упоминал, вскоре он был взят в плен и переправлен вместе с двумя своими коллегами в Гянджу (Кировоград). С трибуны Верховного Совета СССР мы подняли шум на весь мир и спасли армянских врачей. И вот годы спустя Геворг выполняет на «Киликии» роль судового врача. Правда, больше он матросит, нежели врачует. Однако я решил рассказать читателю о главной судовой роли Геворга, получившего прозвище Паганель. У него страсть к ботанике и бальзамированию рыбьих голов и хвостов. В любом порту он прежде всего ищет ботанический сад. В коллекции Геворга имеются чучела морских ежей, звезд, коньков, тунцов, выловленных Самвелом Карапетяном — нашим неизменным рыбаком.

И все же Геворг больше ботаник, нежели ихтиолог. На борту «Киликии» то и дело появляется «уголок Геворга-Паганеля». В железных банках он выращивает экзотические растения, приобретенные им во всех странах. Так было после первого этапа плавания. Он хочет доказать миру, что в Армении могут произрастать растения, которых там отродясь не было. Дома у него — авокадо, теветия, японская мимоза. Мечтает вырастить манго, ананас. По просьбе руководителя конгрегации мхитаристов аббайра Егия Геворг доставил из Еревана саженцы разных сортов винограда, абрикоса, персика, и они все прижились на острове святого Лазаря.

И вот Паганель решил посадить большую плоскую косточку манго. Но не мог знать, что капитан-наставник, к которому он обращался ежечасно с прорвой вопросов, каждый раз получая развернутые ответы, буквально на следующий день посадил в ту же банку еще кое-что.

Прошел день. Второй. Третий. Геворг каждое утро перед тем, как набрать ведро забортной воды, чтобы помыться, сначала становился на колени перед манго. И однажды рано утром, над Средиземноморьем раздался ликующий крик Паганеля: «Росток! Листок! Манго! Боже мой! Ура!»

С Паганелем невозможно было говорить ни о чем, кроме его успешного эксперимента. Он даже задался вопросом, мол, интересно, удался бы его эксперимент в космосе.

Каждый раз, когда Геворг с нескрываемым восторгом говорил о своем манго, я едва сдерживал себя: ведь Самвел признался мне, что он посадил фасоль, лоби, или как он говорит на грузинский манер «лобио». На следующий день очередной шторм в очередной раз превратил всех нас в мокрых куриц. Намокли и постели, и вся одежда. Пострадал ботанический уголок Геворга. Погибли цветы, розы, какие-то черенки, но самое главное — его легендарное манго. Соль все проела, все уничтожила. Нужно было видеть большие добрые глаза Геворга, который готов был разрыдаться. И только взглядевшись и увидев, что рядом с плоской косточкой манго, похожей на гладкую речную гальку, есть следы от зернышка фасоли, из которой пророс зеленоватый стебель, все понял и громко рассмеялся. Потом подошел к Самвелу, который, как всегда, стоял на корме и, обняв его, сказал: «Спасибо тебе за добрую шутку».

* * *

Неделю я не видел ребят. Первым на судне меня встретил Геворг и с ходу выпалил:

— Вы даже не знаете, как я счастлив, как мне здорово повезло! Вы представить себе не можете, где я сегодня был! Наверное, не без помощи самого Господа Бога...

— Ты попал в очередной ботанический сад?

— Ничего подобного! Я посетил музей Пикассо. Понимаете, Пикассо!

— Вот теперь понимаю, — сказал я, и мы обнялись. Такой он у нас, доктор Паганель, врач и матрос «Киликии».

Среди черных, смахивающих на негров «киликийцев» выделялся свежим красноватым загаром Ованес Оганян, который поднялся на борт в Марселе и собирается сойти на берег в Лиссабоне. На судне он сразу стал рекордсменом по личному весу. До этого первенствовал Самвел Карапетян — чуть более ста килограммов. А Овик весит намного больше центнера. Судовая роль его — матрос, хотя еще с прошлого года я поднял шум на все Армянское нагорье, рассказывая о нем, как о заправском коке, который изучал блюда народов Средиземноморья. Как и многие основоположники клуба «Айас» и строители «Киликии», Овик обуреваем чувством ответственности перед семьей и перед своей работой. И он не позволил себе нарушить график работы

в прошлом году. А в этом году он смог выкроить время только до Лиссабона. Словом, в нашем полку прибыло. И я безмерно рад увидеть на борту человека, который так много сделал для реализации проекта ««Киликия»: плавание по семи морям». Чувствую, что «Киликия» соскучилась по нашим диалогам. Вроде бы ничего страшного, что я пропустил один порт. Но, зная о ее теплелепатических способностях, уверен, что она думала обо мне в момент перехода из Восточного полушария в Западное. Жду момента, когда останусь один. Потом задергиваю солдатское одеяло, включаю двенадцативольтовую лампочку. И «Киликия» чувствует, что я — весь внимание. На сей раз она начинает первой:

— Я тебе не раз говорила, что не люблю стоянки. Я спешу. Спешу встретиться с океаном, как в свое время спешила встретиться с морем, как спешила на встречу с Севаном. Спешить — значит находиться в пути. Ждать, быть в состоянии покоя — значит отдалить время встречи с мечтой. Но я знаю, что до цели добиваются, преодолевая долгую и трудную дорогу. Мой путь к океану начался не в прошлом году, не с июля две тысячи четвертого года, а восемьсот лет назад. И вот что я наблюдаю и сравниваю — порты, а точнее, людей, живущих в них. Мне ведь с берега отчетливо видно все. И восемь веков назад практически были те же порты, с теми же названиями. Бухты были другие, волнорезов не было.

— Не было высотных зданий...

— Вот именно. Речь, можно сказать, идет о том, что с каждым прожитым веком на земле становится все многолюднее. Чувствую, что в обозримом будущем люди окажутся перед страшной бедой. Их число растет и растет.

— Восемьсот лет назад на земном шаре проживало менее полумиллиарда человек. В самом начале XIX века, по данным Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного планирования Российской академии наук, насчитывалось около миллиарда человек. Показатель этот сохранялся очень долго. Это я подчеркиваю, чтобы сказать о главном. О том, что в XX веке наблюдалось фантастическое увеличение численности населения на фоне опять же фантастического снижения смертности, несмотря на две мировые войны, геноциды, резню... Представь себе, человечество выросло с одного миллиарда до двух за 121 год. Это произошло с 1805 по 1926 годы. Ты, «Киликия», не удивляйся тому, что я так запросто привожу цифры и даты. Последние четверть века я изучал и собирал подобного рода материалы для своей публицистики. Данные, которые я сейчас привел, взяты из публикаций документов ООН

и, в частности, из трудов видного российского социолога Анатолия Вишневского. Итак, за 121 год население выросло на миллиард. А спустя всего 34 года на Земле родился трехмиллиардный житель. Это же, действительно, страшно. За всю историю человечества население земного шара выросло до одного миллиарда — к началу XIX века. А в 1960 году нас стало уже три миллиарда. Дальше еще страшнее — четвертый миллиард появился за четырнадцать лет, пятый — за тринадцать. Шести миллиардов достигли за последующие двенадцать лет, то есть в 1999 году. А за последние пять лет прибавилось еще полмиллиарда.

— Я чувствую, что в обозримом будущем это может привести к беде.

— Во времена Киликийской Армении на Земле проживало гораздо меньше людей, нежели их родилось за последние пять лет.

— И что же будет дальше? Ведь такое количество людей невозможно кормить, поить, одевать...

— А знаешь, «Киликия», я признателен тебе за то, что ты завела этот разговор. Дело в том, что нынче с человечеством происходят кошмарные вещи. С каждым годом все больше грамотных и все меньше читающих. А телевидение в основном зарабатывает и тратит деньги лишь в погоне за зрелищностью. Если и появляются на экране аналитические передачи с элементами научного прогнозирования, то абсолютное большинство зрителей переключает телевизор на канал, где показывают какие-нибудь страсти-мордасти. Люди не ведают о том, что их ожидает, как ты говоришь, в обозримом будущем. XX век считается веком нефтяной цивилизации. Человечество, занятое блокбастерами, страстями-мордастями, вовсе и не подозревает, что давно уже питается ... нефтью.

— Как это понимать?

— Ежегодно миллиарды, если не триллионы тонн химических удобрений смешиваются с гумусом почвы. Без этого может начаться вселенский мор. Ибо ни хлеба, ни овощей, ни фруктов, ни корма для скота мы не получим в том «минимально-оптимальном» количестве, которого хватило бы, чтобы едва сводить концы с концами. Ученые подсчитали: для того, чтобы каждый из шести с половиной миллиардов землян получал в день необходимые пищевые калории, мировому сельскому хозяйству нужно израсходовать в десять раз больше нефтяных калорий. Достаточно, скажем, в два раза уменьшить количество нефти, используемой в пищевой промышленности, и количество пищевых калорий сократится в двадцать раз. При этом

сегодня, несмотря на огромное количество добываемой нефти, треть человечества голодает.

— А на какое время хватит человечеству нефти?

— Человечеству и сегодня не хватает нефти. Из трех миллиардов тонн, которые добываются ежегодно, один миллиард достается США. Вопрос нужно ставить, исходя из оптимального объема промышленной добычи в мире. Это, повторяю, — три миллиарда тонн. Мировых запасов на сегодня остается чуть больше 100 миллиардов тонн. Теоретически выходит, что запасов хватит на тридцать-сорок лет. Но так называемый «кризис истощения запасов нефти» наступит намного раньше, примерно через двадцать-двадцать пять лет. Еще раньше человечество окажется перед «кризисом истощения запасов леса», что в свою очередь приведет не только к дефициту тепла в домах, но и к недостатку кислорода в атмосфере. Ибо начнется и без того варварская вырубка лесов, являющихся источником кислорода, особенно тропических лесов.

А теперь вернемся к сути твоего вопроса о том, что за восемьсот лет на твоих глазах безудержно выросли портовые города и в ширину, и в длину, и в высоту. Ты все видишь только с моря. А ведь то же самое творится и в глубине материка. Все столицы, все промышленные центры — это сплошные мегаполисы или, точнее, мегалополисы, агломерации. Пусть тебя не смущают эти вызывающие страх и ужас термины. Речь идет, мягко говоря, о ненормальном, неестественном явлении, когда в одном населенном пункте, наштампованном небоскребами, живет около двадцати миллионов человек, то есть больше, чем в той же России при Екатерине Второй.

— Наверное, так удобнее жить. Удобнее и легче...

— Наверное, — ответил я «Киликии», подумав о том, что она во всем этом увидела, почувствовала то ли своего рода логику, то ли некую закономерность, — ты права, конечно. Достаточно заработать деньги, и тогда все остальное будет зависеть от каких-то кнопок. Нажал на кнопку — и включился телевизор, повернул кран — и пошла вода, позвонил — и тебе доставили на дом молоко и все такое прочее.

— Это же и впрямь удобно, легко.

— Да, и удобно, и легко. Это и называется цивилизацией. Повторяю, двадцатый век назвали веком нефтяной цивилизации. Двадцать первый, возможно, назовут термоядерным. Речь идет о термоядерной энергии, точнее, об управляемом термоядерном синтезе. Но это не заменит «многогранность и универ-

сальность феномена нефти», которая является не только теплом и энергетикой, но и планетарной кухней, не говоря уже об одежде и прогрессе вообще. Запасы нефти кончаются. А количество людей, особенно в городах, будет расти и расти. Уже можно назвать и примерное время начала Апокалипсиса: повторяю, через двадцать-двадцать пять лет. Об этом я подробно писал в книге «Бездна» (фрагменты из книги «Бездна» опубликованы в третьем томе Собрания сочинений). Сейчас скажу лишь о том, к какому кошмару может привести урбанизация. Ты, «Киликия», почувствовала огромную разницу во внешнем виде портовых городов за восемьсот-девятьсот лет. Но ты мало что знаешь о самой Армении, о Ереване. Сегодня больше половины населения республики проживает в одном мегаполисе, каковым является Ереван, двенадцатая по счету столица Армении. Большой Ереван, мегаполис, агломерации, вмещающая в себя чуть ли не две трети населения всей Армении. Легко представить, что нас ждет в обозримом будущем, если мы будем продолжать застраивать все сады, парки, очень нужные для детей, так называемые пустыри в Ереване и окрест. Это только кажется, что в таких монстрах-мегаполисах жить удобно и легко. Недалек тот час, когда начнется агония — от бесконечных пробок, от отравляющего смога, от оглушительного шума, от адинамии, от убивающего наповал стресса, от патологически возрастающего числа так называемого обслуживающего персонала...

— О ком конкретно идет речь? — спросила «Киликия».

— Ты поймешь, о ком, если я скажу, что сразу после распада СССР в Армении произошли разрушительные процессы — и не только по объективным причинам. К примеру, вместо разоренных фабрик, заводов, научно-исследовательских институтов, филиалов союзных научно-производственных комплексов и много другого вдруг, как грибы после дождя, появились гостиницы, рестораны, кафе и еще множество подобных заведений. Я, конечно, не против развития сферы услуг. Но речь идет о нарушении разумного процентного соотношения. Когда начинает расти число «услужливых» граждан страны за счет показателей в сфере промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, общество начинает страдать неизлечимой социальной болезнью. Начинается деградация армянина.

Хочу тебе признаться, может, впервые за все время плавания: я на склоне лет отправился в это путешествие, прекрасно понимая его опасности, зная, что здоровье может сыграть со мной злую шутку. Отсюда моя любовь к тебе, «Киликия», мое уважение к

Карену Балаяну и его соратникам, ибо я получил реальную возможность поведать миру, что предки наши, кроме всего прочего, были и романтиками тоже. Ты начала этот разговор, сравнивая сегодняшние морские порты с теми, что были тысячу лет назад. А заметила ли ты, что сегодня практически каждый порт — это лакей, улыбающийся за деньги? Это очень опасно для будущих поколений. Вот еще почему так важно плавание «Киликии» по семи морям — это и путешествие в завтрашний день Армении.

* * *

Запись в блокноте: «Не знаю, когда мы прибудем в Гибралтар. Знаю только, что осталось восемнадцать миль». Можно, конечно, восемнадцать миль разделить на три узла (скорость три мили в час) и получить шесть часов. Но опыт показывает, что расчеты на бумаге редко совпадают с реалиями жизни. Да и кому нужны расчеты?! На море, где практически с утра до вечера приходится воевать со штормом, с самим собой, поневоле осознаешь, что главное в жизни — это действие. Только действовать, только делать дело — словом, реализовывать знаменитую формулу «Иметь, делать и быть», которую выдвинул Жан Поль Сартр. И уж коль скоро речь зашла о Сартре, пора выполнить обещание, которое я дал еще в Марселе. Тогда среди приехавших в этот «армянский» порт на встречу с «Киликией» были братья Галстаняны — Наири и Зорий. Молодые ребята — одному двадцать шесть, другому двадцать три. Совершенно не похожие друг на друга братья. Один — философ, считающий своим учителем Сартра, другой — реалист до мозга костей, практик, считающий своим учителем отца, Рубена Галстаняна.

Семья Рубика репатриировала из Ирана в Армению, когда ему было четырнадцать лет. Родители запутались в призваниях юноши: отличное знание персидского и армянского, божий дар музыканта. Но главным для него самого была математика. Окончил музыкальное училище, поступил в Политехнический институт, затем — на факультет востоковедения (ирановедение) Ереванского государственного университета. Еще в школе полюбил он девушку из Кировакана, которую звали Зоей. Первая любовь оказалась единственной. Зоя родила ему двух сыновей. Обладающий даром предвидения, Рубен уже в разгар перестройки понял, что «так называемые реформы так называемого социализма приведут к так называемой демократии, которая в свою очередь приведет к так называемым рыночным отношениям, что непременно приведет к так называемому капитализму и рас-

паду СССР». И в девяностом году прошлого столетия семья оказалась в Париже, где и родился третий сын Галстанянов Давид.

Патриотично настроенная семья уехала из... Армении. Уехала тогда, когда уже началось Карабахское движение. Однако при этом трудно переоценить роль Рубена в деле оказания помощи Арцаху. Я встречался с ним в разных кабинетах и в Армении, и в Арцахе. Встречи всегда были теплыми. Он и сына назвал моим именем. Сын родился в те дни, когда вышла в свет моя книга «Между двух огней» — о поездке во фронтовой Бейрут (Книга «Между двух огней» опубликована в четвертом томе Собрания сочинений). И все же не поэтому я рассказываю о семье Галстанянов именно в этой книге. Накануне старта второго этапа «Киликии» я посетил Париж, чтобы договориться с послом Армении во Франции о решении многих вопросов, которые, я знал, встанут перед экспедицией на втором этапе. Там же, в Париже, познакомился уже поближе с семьей Рубена и не раз ощущал, что жизнь моя в чем-то могла бы оказаться обкраденной, если бы не встреча с этими удивительными людьми. Больше всего привлек мое внимание Наири, который еще юношей без помощи и подсказки с чьей-либо стороны ударился в философию. Отец, мать, два брата — трезвые реалисты — судя по всему, не очень-то понимали и разделяли мысли старшего сына, который, можно сказать, пребывал в системе идей и взглядов на мир, на место человека в этом мире. Так, кажется, толкуют энциклопедисты суть и смысл философии. Их, философов, часто не понимают. Великий Гегель как-то после долгой беседы с одним земледельцем воскликнул: «Только один человек меня понял, да и тот меня, по правде сказать, не понял». Тема «непонимания» философов своими корнями уходит вглубь веков. Рассказывают, что Еврипид дал Сократу сочинение Гераклита и попросил, чтобы тот, прочитав, высказал свое мнение. Сократ внимательно прочитал и при встрече с Еврипидом сказал: «То, что я понял, — прекрасно, из этого я заключаю, что и остальное, чего я не понял, — тоже прекрасно».

Судя по всему, молодого армянского философа Наири Галстаняна в знаменитом Сорбоннском университете понимают и ценят. Маститые профессора дают ему задания и подолгу обсуждают тему. Один из институтов пригласил его читать лекции на русском языке.

И вот братья Галстаняны прибыли из Парижа в Марсель, чтобы подняться на борт «Киликии». При этом Наири, как выяснилось, приехал не с пустыми руками. Он привез мне монографию Анатолия Зотова «Современная западная философия». В ней простран-

ная глава о Жане Поле Сартре с подзаголовком «“Иметь”, “делать” и “быть” как базис категории человеческой реальности». Наири дает разъяснение этой триаде, о которой я не раз писал в первой книге. Связывая «свою» философию с проектом «Киликии», который ему, Наири, видится несколько иначе, чем нам, он утверждает: «иметь», по Сартру, означает «владеть», «обладать знаниями», «обладать навыками». Добиваться цели тоже значит «иметь». И все это сводится к «быть кем-то». Обладать мировым рекордом. Добиваться своего во что бы то ни стало. Не бояться «комплекса Актеона». Наири открыл увесистый том «Современной западной философии», полистал секунду-другую и начал читать: «В одном из греческих мифов рассказывалось об Актеоне, юноше-охотнике, который подсматривал за богиней Дианой, купавшейся в обнаженном виде. За это, между прочим, он был жестоко наказан. Диана превратила его в оленя и затравила собаками».

— Не богиня, а просто какая-то ведьма, — сказал я.

— Речь у Сартра не о Диане, а об Актеоне, который, можно сказать, сидит в каждом человеке, а тем более — в юноше. Дело в том, что в основе любого знания лежит любопытство. Сартр полагает, что, изучая какой-то объект, ученый стремится «подсмотреть» его в «первозданном» виде, в природе. Вот почему научную работу философ сравнивает с охотой. Не случайно ученых часто называют или открывателями тайн природы, или охотниками за знаниями. Остается добавить, что этим, по существу, прекрасным комплексом любопытства страдают заядлые путешественники, которые чаще других оказывались первооткрывателями, первопроходцами. И не случайно я принес вам именно эту книгу. Ибо то, о чем говорит Сартр в своем «иметь», «делать» и «быть», мы видим на примере проекта «Киликии».

— Наири-джан, в штормовом море нет времени задумываться над комплексами, которыми мы, оказывается, страдаем. Хотя, честно говоря, я подозревал, что эта дерзкая, как ты говоришь, идея не могла возникнуть случайно...

— Я уверен, — перебил меня Наири, — что теперь вы не сможете остановиться на полпути. Это тоже можно пояснить философией Сартра. Вот у вас были трудности, и вы знали заранее, что они у вас будут. Однако ни перед чем не остановились, ибо это нужно не только вам, но и народу. Сартр называет это «началом действия». Философ считает «начало действия» самым главным. Все, что уже сделано на «Киликии», — это начало действия. Вы или кто-то другой обязательно продолжат его. Это тоже концепция Сартра.

— Знаешь, Наири-джан, мне кажется, я сам теперь буду относиться к проекту «Киликии» несколько иначе, чем было до встречи с тобой.

— Скорее, с Сартром.

— Именно о Сартре я и хочу сказать. Мне накрепко запало в душу отношение мудрого де Голля к философу, который был кумиром студенческой молодежи и который принимал активное участие в молодежных демонстрациях в Париже, был, по сути, в оппозиции к правительству. И вот...

— И вот, — подхватил Наири, — когда министр внутренних дел Франции после одной из таких, далеко не мирных, студенческих демонстраций обратился к президенту страны генералу де Голлю за разрешением арестовать Сартра как вдохновителя бунтов, де Голль ответил: «Во Франции Вольтеров не сажают!»

* * *

За два с половиной месяца, преодолевая милю за милей маршрут, начертанный нашими предками, «Киликия» дошла до Гибралтарского пролива, или, как говорили в старину, до Геркулесовых столбов, что в переносном смысле означает «дойти до предела», «дойти до конца света». Нет сомнения, что именно в этом месте, в бухте у подножия Гибралтарской скалы, киликийские моряки отдавали якоря с тем, чтобы остановиться-оглянуться, перевести дух и поразмыслить над тем, что еще предстоит сделать, чтобы потом в открытом океане не бить себя по голове. И я глубоко убежден, что они находили какие-то упущения и устраняли их. Говорю об этом исходя из нашего опыта.

Многие из нас беспокоились по поводу того, что спасательный плот, который мы везем с собой из Поти, в самый ответственный момент может подвести. По нашей просьбе в Марселе его пытались проверить специалисты. Но дело в том, что плот этот, что называется, одноразовый. Раскроется — его уже не соберешь... А новый мы достать не могли — слишком дорогое удовольствие. Решили уповать на Бога.

* * *

Незадолго до старта в Гибралтар прибыла второй спикер палаты лордов Великобритании баронесса Керолайн Кокс, чтобы не только повидаться со своими двумя сыновьями, невестками и восемью внуками, которые давно живут здесь, но и встретиться с экипажем «Киликии», готовящимся к выходу в океан. Она внимательно следила за ходом экспедиции на обоих

этапах, хорошо знала об отношении спюрка к нашему походу и, познакомившись с ребятами и нашими планами, сказала в своем интервью первому каналу Армянского телевидения (привожу текст ее выступления полностью):

«Когда в прошлом году мой брат (она назвала мое имя — З.Б.) сообщил мне по телефону, что он и его друзья начали длительное плавание с выходом в Атлантический океан, я не поверила. Ибо я знала, что речь идет о самодельной парусной ладье, построенной в Армении молодыми ребятами по миниатюрам примерно восьмисотлетней давности. Мало того, брат, зная, что мои сыновья с их семьями живут в Гибралтаре, где кончается Средиземное море и начинается Атлантический океан, пригласил меня приехать в Гибралтар и самой убедиться в этом. Уже пятнадцатый год, как моя жизнь тесно связана с Арцахом и Арменией, и я привыкла верить в чудеса. И вот я здесь. Стою на палубе восьмисотлетней «Киликии».

За эти два года я много читала и слышала об удивительном и опасном походе на утлой лодке и пришла к выводу, что сегодня «Киликия», являясь детищем не только рук ее строителей, но всего Карабахского движения и в первую очередь тех, кто боролся за свою свободу и за свободное будущее, выполняет очень важные задачи. Эти мужественные ребята и их легендарный корабль, кроме всего прочего, решают, на мой взгляд, очень важную для Армении и армянского народа задачу: сделать ее еще более узнаваемой. Все страны, все народы мира испокон веков через науку, через искусство, через спорт, через проявление воли, через романтические и авантурные предприятия, в которых человек побеждает не только океан, но и себя самого, добивались именно узнаваемости, уважения к себе. Это ведь впрямь очень здорово, когда горстка парней борется с волнами, с милями, со штормом, добивается своей цели, неся на борту флаг своей страны, за которую проливали кровь многие и многие сыновья Армении. Я видела этих людей своими глазами.

Я выражаю свое искреннее восхищение и уважение этим ребятам и даю слово, что обязательно встречу их в Портсмуте, то есть в Лондоне. Счастливого им плавания и успешного завершения второго этапа экспедиции!»

* * *

Ночь с 27 на 28 июля. Навсегда запомнился мне этот маленький отрезок моей жизни. Я провел его вместе с экипажем и «Киликией» в проливе, соединяющем Средиземное море с Атланти-

ческим океаном. Естественно, было не до сна. Длина пролива 35 миль, или около 65 километров. Ширина в самом узком месте 14 километров, в самом широком — 44. На севере — Испания, юг Пиренейского полуострова, на юге — Марокко, север Африканского континента. Двигаюсь на деревянной ладье со скоростью от двух до четырех миль в час. Плыву навстречу океану. То поднимаюсь на палубу, устраиваясь на своем месте у подножия мачты, то вновь спускаюсь вниз, чтобы включить двенадцативольтовую лампочку и сделать записи. Иногда подолгу засиживаюсь у висячего столика, копаясь в записных книжках. Выискиваю страницы, на которых написано «Гибралтар» или «Мечта». Эти два слова стали для меня синонимами. Кажется, я уже смог бы написать целый опус о мечте и Гибралтаре. С каждой милей мне чудится, что я вот-вот потрогаю рукой саму мечту. И мне ужасно захотелось поговорить с «Киликией».

— Ты хоть подозреваешь, что со мной сейчас происходит, «Киликия»? — спросил я.

— Я чувствую, — ответила она коротко.

— Сейчас ночь. Время, когда мечтают...

— Мечтают и днем, и ночью, и вечером, и утром.

— Согласен. Но вот ты чаще всего произносишь глагол «чувствовать». Всегда говоришь «я чувствую». Вот ты чувствуешь, что через несколько часов, если погода не подведет, ты встретишь свою мечту?

— Чувствую, что моя мечта резко отличается от твоей...

— Чем же? — спросил я.

— Дело в том, что я с каждой милей чувствую приближение момента, после которого просто невозможно мечтать ни о чем.

— Я тебя не очень понимаю. Извини за тугодумие, — сказал я.

— Все очень просто. Для тебя и других членов экипажа мечта — не уход от действительности, а средство приблизиться к ней, чтобы идти дальше. Идти к новой мечте. А у меня другое ощущение. Я хорошо чувствую, что недалек тот час, когда стану для вас проблемой...

— Я все еще тебя не понимаю.

— Пока вы будете плыть океаном и морем, я и экипаж будем единым целым. Когда же вы вынуждены будете продолжить маршрут по рекам и внутренним водным дорогам России, я для вас стану и проблемой, и обузой. Уже сейчас чувствую, что настанет час, когда я сама стану грузом. Не я буду тащить, а меня будут тащить.

— «Киликия», да что с тобой? Ведь впереди такой долгий путь! Это я во все горло кричу о мечте, которая сегодня ассоциируется с океаном. И книгу будущую, наверное, назову «“Киликия”: путь к океану». Но ведь такой огромный путь нам предстоит пройти вместе и после океана. До дома, до Севана, до твоего последнего пристанища...

— Не я, а ты произнес «последнее пристанище». Это означает, что там и кончатся все мои мечты.

— «Киликия», ты ли это? В конце концов, всему в природе, да и во всей Вселенной, приходит конец. Но никто никогда, мечтая, не думает о том, что сам он лично где-то остановится, найдет свое пристанище. Да мы не взялись бы за фантастическое, неожиданное для нашего народа плавание, если бы в каждом из нас не теплилась память о предках, которые завещали нам свою стратегическую мысль о том, что ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. А вот для почитаемого мной Виктора Гюго эта стратегическая мысль завершилась формулой: «Сегодня — утопия, завтра — плоть и кровь». А ты, «Киликия», почему-то вдруг задумалась о последнем пристанище как об окончании мечты.

— Я чувствую, почему ты так возбужденно говоришь, словно у тебя лихорадка. Через несколько часов я войду в воды Атлантического океана. Ты волнуешься.

— Это, кроме всего прочего, от чувства ответственности. Я согласен с философами, которые считают, что находиться на расстоянии крохотного шага от цели или же совсем не приближаться к ней — это, по существу, одно и то же.

— Ты боишься, что мы не сумеем достичь цели, находясь на расстоянии шага от нее? — лукаво спросила «Киликия».

— Нет, этого я не боюсь. Остался такой пустяк, что мы и вплавь сможем добраться до цели. Я прекрасно знаю: как только мы окажемся в океанских водах, я тотчас же обмякну, как продырявленный воздушный шарик. Так всегда бывает, когда сдашь трудный экзамен.

— Но зато через некоторое время, когда осознаешь, что добился главного, появляется желание добиться чего-то нового...

— Ты права, «Киликия», человек сам вырастает по мере того, как растут его цели. Еще в бытность мою на Камчатке, а это было около сорока лет назад, я записал в блокноте одну фразу Ивана Сергеевича Тургенева. Она стала своеобразным девизом моей жизни: «Кто стремится к высокой цели, уже не должен думать о себе».

Атлантический океан. Раннее утро 28 июля. Мы решили идти на запад, благо ветер попутный, восточный. С каждым кабельтовым «Киликия» углубляется в Атлантику. Вообще-то нам следовало бы повернуть направо, то есть на север. Но мы давно уже договорились, что сразу после Гибралтара направимся на запад — до тех пор, пока вокруг не будет простираться Атлантика. Только вода со всех сторон, на все триста шестьдесят градусов. Такое, правда, не раз бывало как в Черном море, так и в Средиземном. Но это — Атлантика площадью в девяносто три миллиона квадратных километров, со средней глубиной около четырех тысяч метров. Тут еще и легендарная Атлантида, которая, по Платону, некогда в виде огромного острова существовала именно западнее Гибралтара, там, где мы сейчас находимся или там, куда мы сейчас направляемся.

Плтемся с черепашей скоростью. Ветер попутный, хотя совсем тихий. И, тем не менее, мы чувствуем некую разницу между океаном и морем. Представьте, что вы следите за тем, как вздымается во сне грудь у Геркулеса и у крохотного малыша. На Камчатке часто можно было слышать слова «дыхание океана». Помнится, на девятом году моего пребывания на Камчатке я вез свою молодую жену Нелли к себе домой в Петропавловск-Камчатский. В Москве встретились с моим близким другом Анатолием Сальниковым. Зашел разговор о том, что Петропавловск-Камчатский — это не Камчатка. Скажем, на севере, в материковой части, температура может опускаться до минус пятидесяти и ниже, а в столице полуострова Петропавловске-Камчатском термометр редко когда показывает ниже двадцати. На вопрос Нелли, почему такая разница, Толя ответил не сразу. Он сначала глубоко вздохнул, потом приподнял плечи, потом медленно выдохнул и с нескрываемой гордостью произнес: «Дыхание океана». Так что немудрено, что в штиль при гладкой, если не сказать глянцевои поверхности океана «Киликия» идет вразвалку, качаясь из стороны в сторону. Это и есть то самое дыхание океана. А теперь — о самом главном. Мы ведь не просто идем на запад, а преследуем самую что ни на есть конкретную цель.

Еще несколько часов назад, ночью, торопя время, я ждал рассвета, чтобы не только почувствовать океан, но и увидеть его. И вспомнил о том, как ровно тридцать пять лет назад 7 июля 1970 года, когда мне было тридцать пять (половина моего сегодняшнего возраста) мы с Сальниковым и Гаврилиным находились в Балтийском море. Я и Толя Гаврилин в тот мо-

мент были на «Гейзере», а Сальников — на «Вулкане». Кстати, мы регулярно менялись местами. Это делалось для того, чтобы во время непрерывного плавания один из нас мог поспать. В то утро начальник заставы порта Клайпеда сделал запись в нашем бортовом журнале: «...Разрешен переход до порта Риги с удалением от берега до 200 м». И вот, отходя от берега, мы приступили к церемонии выливания воды, о которой мечтали еще до старта похода. Сохранилась фотография: я и Гаврилин, наклонившись над правым бортом крохотной плоскодонки, выливаем из бутылки в плетеной корзине воду, привезенную из Тихого океана, точнее, из Авачинской бухты.

Это древняя традиция. Суть ее в том, что путешественники носят в своих, скажем по-современному, рюкзаках горсть родной земли. И высыпают ее там, где была обозначена на карте «точка мечты». Согласно легенде, Христофор Колумб носил с собой мешочек с португальской землей, которую намеревался высыпать где-то на берегу Индии.

Здесь я просто обязан сделать небольшое лирическое отступление. Когда-то я собирал материалы о путешествиях и путешественниках. И не раз размышлял о том, что наверняка Колумб, что называется, перевернулся в гробу, когда в 1507 году, то есть спустя год после его смерти, весь материк в Западном полушарии назвали именем человека, который добрался до этих мест после него. Как же так случилось, что материк назван не именем первооткрывателя? Судя по всему, Колумб не был человеком тщеславным. Он, как говорится, делал дело: без конца сновал между Новым и Старым Светом, открывая все новые земли: Багамские острова, Кубу, Гаити... И, наконец, остров Сан-Сальвадор, куда он добрался 12 октября 1492 года. Именно этот день стал официальной датой открытия Америки. За двенадцать лет Колумб четырежды переплыл Атлантический океан. Он открыл Большие Антильские острова, часть Малых Антильских островов, побережья Южной и Центральной Америки. А Америго Веспуччи больше описывал эти новые земли, в частности, побережье Южной Америки. Он мыслил как ученый-географ и геолог. Первым высказал предположение, что речь идет не просто о каких-то землях, а о части света, о материке. И писал об этом. Опубликовал свои соображения, мысли, предположения. А история, как известно, любит тех, кто оставляет документальный след. И лотарингский картограф Вальдземюллер в 1507 году по описаниям Веспуччи начертил первую карту земель, открытых в Западном полушарии, и в честь Веспуччи назвал их Америкой.

Что же касается горсточки португальской земли, то, скорее всего, Колумб высыпал ее на острове Сан-Сальвадор. Однако традиция связана с горстью не только родной земли, но и родной воды — в тех случаях, когда географической «точкой мечты» является не земля, а вода.

Вот и сейчас, когда нам уже доставили бесценный груз — две бутылки родной воды из родника Вараракн и из Севана, предстоит торжественная церемония.

Я попросил Карена Балаяна дать команду экипажу одеться в белую форму. Еще с прошлого года у нас были белые, точнее, очень светлые шорты, которые привез нам на финише первого этапа московский айасовец Армен Ерицян. Что же касается белого верха, то еще в Ницце, где Тевос решил всей команде сделать презент, по его словам, «в виде единой формы, чтобы осталась память», я предложил приобрести майки белого цвета.

Пятнадцать человек экипажа «Киликии» были облачены в белую форму. Корабль несколько преобразился. Загорелые до шоколадного цвета лица, руки, ноги. Белые майки, белые шорты. Это было трогательно красиво.

* * *

День тот, 28 июля, обещал быть душным. Пахло переменной погоды. Какая-то тревожная тишина. «Киликия» двигалась с трудом, порой резко дергаясь от редких порывов попутного ветра. Она тоже, как мы знаем, мечтала об океане. И она не меньше, чем мы, чувствовала необычность предстоящего праздника, связанного с церемонией выливания «воды Родины» в Атлантику.

Я попросил боцмана Григора Бегларяна поднять вверх глиняный кувшин. Карен Балаян стал осторожно переливать в него севанскую воду. То же самое проделал я, опорожнив бутылку с родниковой вараракнской водой. К этому моменту были спущены флаги Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики. В открытом океане прозвучали гимны Армении и Арцаха. Мы с Кареном уже подошли к борту, но в это время Самвел Карапетян предложил, чтобы мы вылили лишь половину смешанной воды. Вторую половину, по его мнению, должны вылить в океан два уроженца Севана — Мушег Барсегиан и Ваагн Матевосян. Предложение опытного морского волка понравилось всем и было принято безоговорочно.

Потом я достал из кармана заготовленный текст обращения членов экипажа «Киликии», предназначенного средствам массовой информации Армении. Капитан предложил в конце об-

ращения отметить, что следующим портом, который мы посетим, пройдя океан, будет город Кадис, откуда отправился в свое историческое плавание Христофор Колумб. Приведу текст нашего обращения:

«Мы, экипаж парусного судна «Киликия», пройдя через Черное, Мраморное, а также Эгейское, Ионическое, Критское, Киликийское, Тирренское, Адриатическое, Лигурийское, Балеарское и Альборанское моря Средиземноморского бассейна, вышли из порта Гибралтар 27 июля 2005 года в 20 часов 30 минут по средневропейскому времени в Гибралтарский пролив. При попутном ветре, преодолевая встречное течение, дошли до условной линии, разделяющей Средиземное море и Атлантический океан у мыса Трафальгар в 6 часов 15 минут 28 июля 2005 года.

Спустя пять часов хода в открытом океане в географической точке 36 градусов 25 минут северной широты и 06 градусов 18 минут западной долготы, смешав в глиняном кувшине воду, привезенную в бутылках из озера Севан и карабахского родника Вараракн, мы вылили ее в Атлантический океан. Это — традиционный морской церемониал, символизирующий свершившийся факт осуществленной мечты, чего наш народ ждал восемь столетий.

Первым океанским портом, в котором «Киликия» бросит якорь, будет легендарный Кадис, где в 1492 году Христофор Колумб взял на борт одной из своих каравелл выдающегося армянского путешественника Мартироса Ерзнкаци. В Кадисе экипаж «Киликии» склонит голову перед светлой памятью всех первопроходцев человечества».

Далее следуют подписи членов экипажа. Я попросил всех ребят, без исключения, расположиться на корме. Мне хотелось сделать общий снимок. Гайк Бадалян передал мне свой аппарат, показал, что нужно делать, куда нужно нажать. Это был первый снимок в моей жизни. Конечно, я и его тоже помещу в будущей книге. Первый мой снимок — и уже исторический.

* * *

Приближаясь к Кадису, видим белые барашки, опоясывающие береговую линию. Это пена прибоя. Причем волны пенятся не у самого берега, а задолго до него. Всезнающий Самвел Карапетян тотчас же поставил свой диагноз: все побережье в подводных камнях и сплошные мели.

— Ты бывал в этих местах? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — я по цвету воды сужу. Там, где зеленовато-желтоватый цвет, — мелко. А вот рядом — участок с

синевато-свинцовой окраской — там глубоко. Так что надо быть повнимательнее.

— А не лучше было бы пригласить, как это часто практикуется, местного лоцмана, чтобы он указывал нам фарватер? — то ли спросил, то ли предложил кок Самвел Саркисян.

— Мы не пойдем друг друга, — ответил Карен Балаян. — Испанцы, как и итальянцы, упорно не говорят по-английски. Так что...

— Так что, — перебил капитана капитан-наставник, — придется нам самим определить фарватер. Главное помнить: увидел вежу — знай, что она говорит тебе: «Обойди меня справа».

* * *

Кадис. Административный центр одной из восьми провинций, входивших в Андалуссию (Испания). Читатель помнит имя армянского путешественника и летописца Мартироса Ерзнкаци, который в конце XV века обошел всю материковую и прибрежную часть Европы. Будучи в Генуе, он услышал о том, что Христофор Колумб готовится к большому плаванию, цель которого — найти самый короткий путь в Индию. Знаменитый генуэзец собирался взять старт на трех каравеллах из Кадиса, где еще с XIII века обосновались киликийские мореплаватели и купцы. И Ерзнкаци отправился в Кадис, чтобы принять участие в историческом плавании. Предание гласит, что Колумб, познакомившись с биографией армянского путешественника, владевшего несколькими языками, охотно взял его в экспедицию.

Сегодня в Кадисе проживают около двухсот тысяч человек, в том числе около десятка армянских семей. Об этом мы знали еще до входа в Кадисский залив и не сомневались, что встретим там кого-либо из соотечественников. Задача у нас была одна — непременно посетить город, основанный в IX веке до нашей эры, который был, пожалуй, первой верфью, где начали строить океанские суда. Имеются также сведения о том, что он был основан финикийцами за двенадцать веков до нашей эры. Греки называли его Гадиа. Затем римляне переименовали в Гадес. А дальше, как это часто бывает, сработала фонетика транскрипций. И еще: для «Киликии» это первый город, где нам придется швартоваться при отливе, когда край причала кажется на шесть-восемь метров выше обычного. Это значит, нам придется подниматься на причал по канатам, по вантам.

Так и получилось, как мы предвидели. Конечно, приходилось совершать акробатические трюки, чтобы подниматься на причал и спускаться на борт, но мы не очень-то переживали. Решили, что походим-побродим по историческому городу, где некогда ступала нога Колумба и его спутников, в том числе и Ерзнкаци. Обязательно посмотрим памятник Христу, о котором нам говорили в армянской церкви в Генуе. Существуют тысячи, если не миллионы; живописных и иконописных изображений Христа. Есть в нашем восприятии еще и некий хрестоматийный образ сына Божьего — с прекрасным лицом, добрыми светлыми глазами, ниспадающими волосами, аккуратной бородкой. Чаще всего лицо (или лик) его изображается в жанровых полотнах на кресте, в вариациях «Тайной вечери» и так далее. Но чтобы в городе, где обычно на пьедестале стоят конкретные исторические личности, чаще всего полководцы или поэты, стоял сам Бог! Я сделал секундный набросок, чтобы потом рассказать о памятнике. Сын Божий стоит на высоком постаменте в длинном облачении, держа согнутыми руками накидку, и складывается такое ощущение, что смотрит он прямо на тебя, куда бы ты ни отходил. Не знаю, может, так и надо. Раз уж было пришествие Христа и ожидается очередное его пришествие, и раз уж он время от времени на земле будет выглядеть простым смертным землянином, то почему бы не поставить памятник, какие испокон веку ставятся конкретным людям? В том же Кадисе мы видели в старом соборе Санта-Крус памятник Христу, установленный на огромном глобусе. И другой памятник (именно памятник) — Христос после снятия с креста. Недалеко от входа в кафедральный собор можно увидеть серию скульптур Мадонны с младенцем. И я невольно задумался над сарьяновским философским триптихом — автопортретом, изобразившим три возраста жизни художника. Когда-то в «Литературной газете» я написал о том, как Уильям Сароян толковал эту, и впрямь философскую, работу великого мастера. В разное время по-разному выглядит человек, и разница эта подчас столь велика, точно это разные люди. Но человек всегда остается самим собой благодаря своей памяти. Обо всем этом я думал в Кадисе, разглядывая изображения (скульптурные, живописные) Христа в разные периоды жизни.

Однажды, теперь уже не припомню, где и когда, я прочитал на армянском красно-сине-оранжевом флаге фразу, написанную от руки фломастером: «Христос был Христом и до креста; дважды Христос на кресте; снятый с креста — он велик, он Бог».

На борту «Киликии» мы создаем, что являемся сыновьями армянской апостольской церкви, но при этом вера эта не мешает нам чувствовать себя язычниками, как Уильям Сароян, который считал, что в процессе работы ему покровительствуют сразу три бога — Правда, Искренность, Ирония.

В разное время у меня тоже были свои боги. Они могут показаться странными. Но я себя к этому приучил — не бояться странностей. К примеру, разве чувство беспокойства за завтрашний день твоего Отечества и твоей Семьи — не божественное чувство? Разве Память о предках, История нашего народа, Ай-дат, Аварайр, Сардарapat, Карабахское движение — не Боги? Разве Независимая Армения — не божественна? Разве не божественна «Киликия», на которой развевается государственный флаг Родины и которая для многих соотечественников во всем мире является символом Армении? А какие еще звуки во всей Вселенной могут быть божественнее крика новорожденного?!

* * *

Выйдя из Кадисского залива, еще раз убедились в том, что океанские волны не похожи ни на какие другие. Я хорошо помню формы и даже характер волн, скажем, Тихого океана. Несколько месяцев мне довелось плавать судовым врачом на БМРТ (большой морозильный рыболовецкий траулер), и мы десятки раз попадали в шторм в открытом Тихом, или Великом, океане. Возможно, с борта огромного современного судна-завода все тогда виделось иначе, чем сейчас, когда крохотную деревянную ладью, неожиданно оказавшуюся на дне невероятной по своей глубине ямы, тотчас же окутывает тьма. Правда, в следующее мгновение судно стремительно взбирается по пологому склону волны к свету. Уже на вершине можно увидеть, как с другой стороны грохнулась на дно ямы целая водная гора. Я определил: всего доли секунд «Киликия» находилась на дне глубокого «оврага».

Честно говоря, в такие моменты особого страха не испытываешь. Опытный моряк знает, что пока плавательное средство (в том числе любое бревно, любая щепка) не взлетит со дна ямы на верхотуру, подоспевшая волна не наполнит собой фантастический котел. Но моряк знает и другое. Во время зловещей толчеи, когда имеешь дело уже не с закономерностью, а со случайностью или с исключением, может навалиться «чужая», шальная волна. Записи, сделанные в сильный шторм, потом практически невозможно расшифровать. Вот и сейчас: что значат слова

«цвет», «радуга», «китовая спина» и «ртуть»? Вспомнил! Во время непрекращавшегося на протяжении четырех суток шторма меня поражали удивительные цвета, точнее, переливы красок океана. По привычке беру «на мушку» одну огромную волну, ползущую навстречу судну, переваливаясь и содрогаясь, как шарик ртути, которые медленно текут по покато́й поверхности. Сначала поднимается нос «Киликии», потом на какое-то мгновение судно будто замирает, приликая днищем к пику водяной горы. И в этот самый момент отчетливо вижу, как по обеим сторонам огромные белые барашки сползают, оставляя за собой зеленовато-фиолетовый след. Иногда встречаются другие цвета радуги. Неожиданно девятый вал всей своей массой поворачивает судно, ставя его бортом к движению волн, и тогда они напоминают стаю китов или подводные лодки, которые то ныряют в воду, то всплывают на поверхность. Во время бортовой качки в утренние и вечерние часы океан видится совершенно разным справа и слева, в зависимости от положения солнца.

После Кадиса мы шли прямо на север. Значит, по утрам солнце светило только справа. И океан с левой стороны весь переливался радужными огнями. Однажды на появившейся слева поверхности вздыбленной горы мне довелось увидеть отражения черного силуэта «Киликии» и большого белого паруса. Такого я прежде никогда и нигде не видел.

* * *

Скорость ветра — восемнадцать метров в секунду. Иногда «ветромер» показывает цифру 20. Невольно думаешь о том, что достаточно прибавить два, и это будет сигналом к объявлению штормового предупреждения, или прибавить восемь — и это классический ураган. Да, мы пережили ураганы и в Черном, и в Средиземном морях. И убедились, что «Киликия» — надежный друг. Что экипаж — молодцы. Но то было в море. А здесь все по-другому. Одно пугает больше всего — когда большой парус гнет мачту. В тот день слишком отчетливо слышали скрежет даже сквозь ураганный ветер.

— Взбесился океан, — сказал самому себе влюбленный по уши в свою невесту Анну Гайк Бадалян.

— Вот это да! — заорал Мушег Барсемян, для которого высокогорный Севан некогда был единственным авторитетом.

— Эдак мы не доберемся до Лиссабона в срок, и у меня пропадет билет, — волновался Овик Оганян.

— Не доберемся. Явно не доберемся, — сказал я.

— Ничего страшного, — пришел на помощь Овику капитан и добавил: — придется вне графика зайти в порт Синеш, а оттуда добираться до Лиссабона на автобусе.

— В такой шторм мы и в Синеш не сможем зайти. — Это уже Карен Даниелян испортил настроение самому тяжеловесному матросу «Киликии» Ованесу Оганяну, у которого срывались какие-то контракты по работе.

— И все-таки я прав. Взбесился океан, о котором все так мечтали, — повторил свой диагноз Гайк Бадалян, находившийся на вахте в качестве начальника.

— А кто сказал, что Атлантический океан взбесился? — Это уже кок, который, как правило, редко поднимается наверх. — Никто из вас не знает, что произошло с бедным океаном. Навивные люди! И вы поверили, что из Карабаха нам прислали в бутылке простую родниковую воду?..

— И что же было в бутылке? — спросил Арег Назарян.

— Карабахцы, естественно, прислали нам тутовую водку, — разразился хохотом кок, — вот Атлантический океан, который за всю свою жизнь ни разу не пробовал такого крепкого напитка, и окосел.

Шутка шуткой, но, увы, Самвел, который, как это часто бывало, рассмешил весь экипаж, оказался прав. Белая горячка синего океана длилась целых четверо суток, с короткими перерывами «протрезвления».

* * *

Долго еще мы вспоминали развеселившую нас лукавую шутку долговязого кока. Я даже пересказал ее позвонившему мне из Арцаха архиепископу Паркеву. Предводитель арцахской паствы сказал, что любой океан может запросто опьянеть от тутовой водки, и решил подарить нам еще один короткий анекдот: гаишник останавливает апаранца (жители города Апаран, герои многочисленных анекдотов, как в Болгарии габровцы) и спрашивает: «Почему на машине нет номеров?» Удивленный апаранец отвечает: «А зачем нужны номера на машине, если я их хорошо помню?»

— Какой следующий порт? — спросил под конец архиепископ.

— Если не считать вынужденной остановки в Синеше, то Лиссабон.

— Синеш?! — переспросил мой телефонный собеседник. — Это же родина Васко да Гамы!

И еще добавил, что в Лиссабоне мы, без сомнения, посетим фонд Галуста Гюльбенкяна.

* * *

Кадис и Синеш находятся рядом. Схожи и биографии этих портов и их современная жизнь. И вот что интересно. В 1492 году Христофор Колумб оставил за кормой Кадис и направился в... Индию. Однако мы часто забываем о том, что путь к Индии так и не был открыт. Ибо все свои последующие экспедиции Колумб совершал опять же строго на запад — в «свою» Америку. Через пять лет синешец Васко да Гама, который, конечно же, хорошо знал, что Колумб не сумел добраться до Индии, выходит из Лиссабона и идет уже не на запад, а на юг. За два года экспедиции Васко да Гама успел обогнуть Африку, оставив за кормой мыс Доброй Надежды и мыс Игольный, впервые из Атлантического вошел в Индийский и добрался до Индии. Таким образом, он первым проложил морской путь из Европы в Южную Азию. Но на этом великий португалец не остановился. В самом начале XVI века он совершил второй переход в Индию, а в конце жизни, в 1524 году, осуществил третье плавание по проторенному пути, делая все новые и новые открытия.

* * *

Всякий раз, когда скорость ветра достигала двадцати метров в секунду и его непрерывный вой раздавался над поверхностью океана, заглушая все остальные звуки, мы поневоле задавались вопросом: а что, если он еще усилится? В конце концов, двадцать — не предел. Скорость ветра доходит и до сорока метров в секунду, и больше. Не исключено, что какая-нибудь мощная и огромная, как небоскреб, волна накроет наш крохотный деревянный парусник. Такими вопросами мы задавались и прежде, но тогда были иные параметры — морские. Напомню, что в Марселе у нас ничего не получилось: ни починить наш спасательный плот, ни достать новый мы не смогли. За рубежом русские изделия, оборудование, аппаратуру чинить не могут. И в самый разгар шторма, когда «Киликию» швыряло из стороны в сторону, когда без передышки по два человека налегали на рычаги помп, откачивая воду из трюма, у меня собрались «старики»: Армен Назарян, Карен Балаян, Самвел Карапетян. Разговор шел о наших действиях «в случае чего». Точнее, о спасательном плоту. Дай Бог, пронесет, и мы выкарабкаемся. Но ведь впереди у нас Бискайский залив, где, как отмечают все энциклопедические словари мира, бывают «частые штормы». Надо — кровь из носу! — достать в Лиссабоне спасательный плот. И я взялся за телефон. Позвонил руководителю армянского отделения фонда Галуста Гюльбенкяна Завену Еквянцу.

— Завен-джан, — сказал я громко, поскольку слышимость была плохая, — тут вот какой вопрос. У нас на борту есть спасательный плот... Но, увы, подобно лекарственному препарату, плот имеет срок годности. Кончится он — и не сработает сжатый воздух.

— Хорошо, я понял, — сказал Завен по-русски, без всякого акцента.

— Ничего себе! — удивился я тоже по-русски.

— А как ты думал? — не без гордости закончил он разговор.

* * *

Утро первого августа 2005 года. До столицы Португалии осталось сорок миль. С утра на горизонте ни облачка, только синь неба и свинцовая поверхность океана. Воздух холодный, хотя солнечные лучи жгут щеки. Неожиданно холодное солнце становится горячим. Только через сутки мы узнаем, что у нас «сгорели» лица, словно нас обдали кипятком. И произошло это в течение всего-то часа-полтора, когда солнце вдруг прорвало тучи и стало жечь изо всех сил.

В ночь перед Лиссабоном я решил пригласить «Киликию» на беседу. Все равно писать, а тем более печатать на машинке физически невозможно, как невозможно и спать. Я не знал, о чем у нас пойдет разговор. Но не сомневался, что сама «Киликия» задаст много вопросов. Она не может не видеть, как часто мы с доктором Григоряном беседуем о медицине, о врачах. Однажды даже спросила меня о моей первой профессии, о том, чувствую ли я себя врачом или нет. Так что можно, наверное, начать беседу именно с этой темы, не забывая о том, что для нас сейчас важнее всего здоровье самой «Киликии».

— В самом деле, — начал я с места в карьер, — всё и вся с каждым мгновением, с каждым шагом, каждым кабельтовым изнашивается, начиная со Вселенной и кончая солнцем, землей, амёбой и нами с тобой.

— Ты однажды сказал, что даже сталь устает, так что же говорить о дереве. Ты меня имел в виду?

— Нет. Я имел в виду нашу общую ответственность. Вот погляди-ка. Мы беспокоимся, что у нас, кажется, вышел срок годности нашего спасательного плота. Значит, мы не исключаем того, что может случиться беда и надо быть к ней готовыми. Говоря о беде, говоря о том, что нам придется пересечь на спасательный плот, я имею в виду и другое: в чудовищный шторм может что-то случиться и с тобой, «Киликия».

— Я спокойно отношусь к подобному варианту моей кончины. Абсолютно уверена, что и восемьсот лет назад, и тысячу лет назад случались в открытом штормовом море аварии, катастрофы, и тонули корабли. На эту тему мы с тобой много говорили. И тогда делалось все, чтобы в первую очередь спасти экипаж. Ведь я чувствую, как чувствовали мои предки, что всегда можно построить новые суда. Но человек неповторим. Его надо спасать — даже ценой жизни судна.

— Понимаешь, «Киликия», говоря об ответственности, я имею в виду и то, что, если мы спасемся, а тебя потеряем, то это в любом случае будет наш позор. Я хочу тебе признаться, что сам презираю себя за чувство усталости, которая сродни бездеятельности. Еще Леонардо да Винчи заметил, что лучше смерть, чем усталость.

— А я чувствую, что вы на борту устааете не от того, что много работаете, а от того, что плохо работаете.

— Все мы делаем на своих местах то, что нам положено. Это называется судовой ролью. Осознаю тот факт, что у тебя за сотни лет накопился огромный опыт восприятия всего, что происходит в тебе самой. Но вот выходит, что ты чувствуешь наличие способностей у членов экипажа. Один умеет трудиться, другой это делает плохо.

— Я ведь никого не виню. Если кто-то свою работу делает плохо, то это не вина, а беда. Я чувствую другое. Я чувствую лучше вас всех, ради чего преодолеваю тысячи и тысячи миль и что нужно, чтобы вернуться домой.

— И что же нужно? — спросил я.

— Нужно изучать науку спасения. За всю мою многовековую жизнь я пришла к выводу, что люди не просто трудятся, чтобы трудиться. На моей исторической родине, в древней Киликии, армяне считали, что есть три вида знаний. Первый — знания ради господства или ради достижения намеченной цели. Второй — образовательные знания. Но самое главное — знания ради спасения. Разве мы не спасаем день и ночь друг друга?

— Я согласен с тобой, «Киликия». — Эту беседу я не планировал. Разговор шел тяжело из-за страшной качки. Чувствую, как пальцы мои онемели от того, что я вцепился в край верхнего яруса. — Но продолжим. Знаешь, по данным Организации Объединенных Наций, одним из наиболее читаемых писателей в мире является Федор Михайлович Достоевский. Он считал, что в идеале общественная совесть должна сказать: пусть погибнем все мы, если ценой нашего спасения будет жизнь хотя бы одного

замученного ребенка. Извини за высокий слог, но для нас ты являешься тем самым ребенком, о котором говорил Достоевский.

— Я спокойна, ибо глубоко чувствую, что спасти можно тех, кто не хочет погибнуть. Вы именно такие. И все-таки вам непременно нужно приобрести новый спасательный плот хотя бы для вящего спокойствия души.

* * *

И впрямь человек привыкает ко всему, даже к непрекращающемуся шторму. Непривычно лишь то, что в самом начале августа, когда обычно вся Европа задыхается и стонет от жары, мы не только не снимаем с себя штормовок, но и достали из вещмешков свитера, которые в прошлом году не понадобились даже до конца октября. Как говорится, год на год не приходится. И как бы ни было муторно на душе от бесконечной качки, от невозможности стучать на машинке, все-таки надо работать. Рулевые должны стоять на вахте, крепко сжимая румпели рулевых весел. Сварливый и ужасно строгий Арег Назарян должен без конца ворчать на подчиненных ему рулевых, которые в шторм, как правило, часто допускают ошибки, и «Киликия» идет зигзагами. Наблюдая за этим, я радуюсь тому, что никто не перечит Арегу. Правда, иногда Геворг не выдерживает и громко дает понять, делая это вежливо, если не сказать интеллигентно (как-никак «земский врач»), что с замечанием согласен. Но при этом намекает, что замечание надо делать в уважительной форме.

Скорее бы выглянуло солнышко где-то на юго-востоке, на юге, или на юго-западе, и тогда, глядишь, ветер малость поутихнет, крутые волны станут пологими. Тогда и на душе повеселеет, и пальцы будут без промаха попадать на клавиши пишущей машинки. Но пока наступит относительное затишье, я должен выполнять работу, которая выпала на мою долю. Надо позвонить в Лиссабон Завену Екавяну, подготовить его к встрече с нами.

Назвав примерное оперативное время, я напомнил Завену о нашей проблеме. О спасательном плоту.

Завен объяснил, как у них решаются вопросы. Надо обосновать просьбу о содействии и предоставить соответствующие документы...

...Точно в назначенный час мы были у стенки пирса Лиссабона. Нас встретил Завен Екавян. Немного о нем. Он родился в Алеппо в 1943 году. Мать из Египта, отец из Арабкира. Я познакомился с его так называемым досье и сделал короткие записи.

У него прямо-таки невероятная биография. В пять лет родители Завена повезли его в Париж. Уже к тому времени он писал на армянском, говорил на французском и арабском. Окончил в Париже знаменитый Сорбоннский университет (филология, литература, языковедение). Преподавал в школе. Окончил Ереванский государственный университет (арменоведение). Преподавал в Институте иностранных языков имени Брюсова французский язык и литературу. В Сорбонне защитил докторскую диссертацию по лексикографии и лексикологии.

Вот уже четверть века Завен работает в фонде Гюльбенкяна. Фонд помогает спорку в областях здравоохранения, образования, науки, искусства, книгоиздания. Ежегодно около трех тысяч пятисот студентов находятся на его содержании. В основном это жители Ближнего Востока. Но помогает Фонд и Армении — Ереванскому государственному университету, Академии наук Армении, Союзу писателей, больницам, школам. Речь идет, как признается Завен, о скромных суммах, ибо доля армянского отделения Фонда не такая уж и большая. К тому же сфера деятельности армянского отделения юридически не определена.

* * *

Третье августа 2005 года. Волнуюсь и радуюсь одновременно. Шутка ли, сегодня нам предстоит познакомиться с овеянным легендами Фондом Гюльбенкяна, с его музеем. При этом я ни на минуту не забываю об акции «Киликия». Мы в ходе плавания, посещая армянские музеи и библиотеки (матенадараны), всего лишь позволяем себе поднимать проблему, не претендуя на роль специалистов. И если они заявят, что нет такой проблемы, что все исторические ценности, находящиеся за рубежом, сохранятся еще тысячу лет и ничего с ними не случится, мы только будем рады. И обещаем впредь обходить стороной «надуманную» проблему. Однако, используя чисто публицистический прием, хотелось бы напомнить нашим читателям, к примеру, о трагедии Александрийской библиотеки. Со школьной скамьи мы знаем, что речь идет о крупнейшем собрании рукописных книг. Библиотека эта была основана в начале III века до нашей эры. За два с половиной века в Александрийской библиотеке было собрано около семисот тысяч книг. В 47 году до нашей эры мир узнал о страшном пожаре в знаменитой библиотеке, в результате сгорели сотни тысяч книг. В 391 году сгорели еще сотни тысяч шедевров. А в VII веке сразу после того, как арабы захватили Александрию, пере-

именовав ее в Аль-Искандарию, были сожжены остатки знаменитой библиотеки — до последней книги.

Аристотель, учитель Александра Македонского, был против того, чтобы его ученик основал на далекой чужбине город, призванный стать культурным центром Греции. Был против именно потому, что хорошо знал: накопленные в нем национальные культурные ценности рано или поздно погибнут. Эпикур и Архимед считали, что многие книги Александрийской библиотеки нужно непременно переписать и перевезти на родину. Собственно, зачем так далеко ходить за примерами, когда великий армянский царь Киликии Левон II своим царским указом повелел переписать все книги, которые были спасены беженцами. Он был уверен, что армяне вернуться на свою историческую родину, и оригиналы спасенных рукописных книг вернуться вместе с ними.

Так что мы, члены экипажа «Киликии», не очень-то оригинальны в своем стремлении сохранить духовные ценности нации. Просто нам, пятнадцати армянским морякам-путешественникам, посчастливилось за короткий промежуток времени посетить многие места, где испокон веку проживают армяне, которые всегда и везде создавали и собирали культурные ценности, в том числе и имеющие мировое значение. Между прочим, поднимая эту, на мой взгляд, важную проблему, я не предполагал, что работа в рамках акции «Киликия» будет столь широко поддержана не только общественностью Армении, но и спюрком, который внимательно следит за экспедицией по первой программе Армянского телевидения. На местах нам рассказывали о частных коллекциях национальных исторических ценностей. Нашлись добровольцы, которые возили нас в места, где сохранились забытые современниками национальные памятники. В капитальном энциклопедическом издании «Армянский спюрк», в котором упоминаются все страны, где компактно проживают армяне, нет ни слова о Португалии. В этой стране просто нет армян. Но исключения подтверждают правило. И мы с ним, с этим исключением, познакомились в гюльбенкяновском Фонде.

Завен не только организовал нам посещение знаменитого музея Гюльбенкяна, но и выделил гида, и тот во всех подробностях рассказал об уникальных экспонатах коллекции, которую Галуст Гюльбенкян собирал на протяжении своей долгой жизни. И я решил подробнее рассказать о нашем легендарном соотечественнике.

Целый день экипаж путешествовал по залам музея, каждый бесценный экспонат которого бывший хозяин хранил как зени-

цу ока. Расскажу, хотя бы вкратце, о самом коллекционере. Где-то я вычитал, что о Галусте Саркисе Гюльбенкяне почти ничего не известно, особенно в Армении. Известно только, что был он очень богат, что в среде нефтяных магнатов его называли «Господин Пять Процентов». Рассказывали о нем легенды и небывицы. Якобы некогда бедный юноша Галуст купил за один цент яблоко, выжал из него сок. Продал сок за два цента. Купил два яблока. И так в геометрической прогрессии нажил себе первоначальный капитал, который и принес ему впоследствии миллиарды.

Родился Галуст в Стамбуле в 1869 году. Учился во французской семинарии. Затем родители отправили его в Марсель. Оттуда он вскоре переехал в Лондон, где продолжил учебу. Знакомясь с биографией этого человека, я пришел к выводу, что у него был особый нюх на деньги. Думаю, он был не согласен с древней формулой «деньги не пахнут». Двадцатидвухлетним юношей он из Лондона отправился в Баку и стал изучать все, что связано с нефтью. Написал серию статей, на которые тотчас же обратили внимание не только нефтепромышленники, но и политические деятели. Турецкий министр экономического развития предложил армянскому юноше стать советником по вопросам экономики в посольствах Турции в Париже и Лондоне.

Гюльбенкян одним из первых понял роль и значение нефтедобычи на Ближнем Востоке. Он единственный подписывал на правах самостоятельного пайщика крупные договоры сразу с несколькими компаниями и концернами.

С началом Второй мировой войны Гюльбенкян почувствовал, что старый мир рушится, и искал покоя. Волею случая всего на недельку решил поехать погостить к другу в Лиссабон, а провёл там в гостинице последние тринадцать лет своей жизни.

За два года до смерти, в 1953 году, тяжело больной некогда могущественный старец написал завещание, согласно которому все его богатство передавалось в дар Португалии. Предварительно соответствующим распоряжением обеспечил наследством свою родню. Попечителями назначил трех человек (англичанин, португалец и армянин — его зять, Геворг Есяян, муж дочери Галуста, Риты Гюльбенкян). В завещании Армения и армяне не упоминались. Наверное, он был уверен, что попечители и само португальское государство учтут тот факт, что он является сыном армянского народа, что он построил армянские церкви, школы и медицинские центры, что он был руководителем Всеармянского благотворительного союза сразу после смерти Нубара-паши, что он создал армянский матенадаран в Иерусалиме,

передал на хранение бесценные армянские рукописи в архив церкви святого Тороса. А, возможно, официально назначив зятя одним из полноправных попечителей своего наследства, он тем самым давал понять, что благотворительность будет направлена и на развитие искусства, образования, науки родного народа тоже. Не случайно совет Фонда по предложению Геворга Есяяна принял постановление (некий подзаконный акт) об учреждении специального отделения по оказанию помощи армянским общинам в вопросах гуманитарных: искусства, образования и науки. Ежегодно около пяти процентов (символично, если вспомнить, как звали самого Галуста) выделяются на эти цели.

Решая с телеоператором «Киликии» Самвелом Бабасяном, на каком фоне мне сказать несколько слов, мы долго и скрупулезно осматривали бесчисленные реликвии. И именно здесь я невольно задумался, что в рамки акции «Киликия», по сути, логически входит все духовное наследство выдающегося коллекционера и великого ценителя искусства Галуста Саркиса Гюльбенкяна. Ведь все экспонаты собраны руками нашего соотечественника. Все систематизировано им: и Рембрандт, и английский живописец Уильям Тернер, и великие импрессионисты Моне, Мане, Ренуар, Дега, и ближневосточные скульптуры IX века до нашей эры, и египетские работы V века до нашей эры, и самая, быть может, большая частная нумизматическая коллекция, которую Гюльбенкян собирал на протяжении семидесяти лет во многих странах мира и в которую входит знаменитая монета с изображением Тиграна Великого. Словом, если бы наш соотечественник не сделал в жизни ничего другого, он и тогда шагнул бы в бессмертие. Но ведь он, кроме всего этого, собрал богатейшую библиотеку, в том числе и древние армянские рукописи. Их тысячи и тысячи. В музее лиссабонского Фонда хранится всего лишь несколько экземпляров. Все остальное он в свое время вывез в Иерусалим, куда мы непременно направимся после окончания плавания, чтобы в рамках акции «Киликия» произвести съемки экспонатов. Построенный им в Иерусалиме матенадаран является органичным продолжением лиссабонского музея. Так что, по логике вещей, наследие Гюльбенкяна представляет собой как армянскую национальную, так и общечеловеческую ценность.

Когда за кормой «Киликии» в туманной дымке скрылся Лиссабон, я подумал о том, что если уже никогда не вернусь в этот город, то непременно вернусь к светлому образу человека, который всегда был своим среди чужих и чужим среди своих.

* * *

Существует некая традиция прощания с морским портом, который ты успел полюбить. Если при встрече доминирует чувство открытия «новой земли», то при расставании оно уступает место грусти. Перелистывая страницы записной книжки, я понял, что кроме Завена Екавяна запомню и Астхик Чамкертян, и Ваагна Мхитаряна, и Армена Амирханяна, племянника Роберта Амирханяна, помощь которых трудно переоценить. Надо было видеть, как они искренне радовались тому, что нам удалось, наконец, приобрести за счет Фонда Гюльбенкяна спасательный плот. Уж кто-кто, а армяне в Португалии, западное побережье которой омывают воды Атлантики и «отголоски» Бискайского залива, хорошо понимают роль и значение обязательного на всех судах мира спасательного плота. Из инструкции мы узнали, что на борту нового спасательного плота имеется шестнадцать комплектов питьевой воды (по одному литру) и сухого пайка (по одному килограмму), а также фонарь, удочка, зеркало, дымовая шашка.

Лиссабон, с которым мы грустно расстались, примечателен и интересен многим. Я, например, знал, что здешний Университет является одним из самых древних в мире, что он почти ровесник Гладзорскому университету в Сюнике, основанному в 1282 году. В древности в Лиссабонском университете занимались не только изучением многих предметов, но и, как это было в Гладзоре и других армянских учебных заведениях, осуществляли переводы и переписку научных трудов. Примечательно, что в обоих университетах были школы миниатюр.

Есть еще одна памятная дата, связанная с Лиссабоном. Четыре месяца кряду я чуть ли не ежедневно ездил из Еревана в Ширак, Лори, словом, в зону бедствия после спитакского землетрясения. Ездил, как на работу. Собственно, это и была работа: писал, врачевал, помогал спасателям извлекать из-под завалов живых и мертвых, возил бесконечное множество гостей в районы, которые вскоре в официальных документах получили название «зоны бедствия». Напечатал десятки очерков и статей. Выпустил книгу «Противостояние» на армянском, русском и английском языках и спустя десять лет — «Уроки Спитака» на армянском и русском. И в процессе этой работы я изучал историю землетрясений в мире. Читал подробности о самом страшном за всю историю человечества Лиссабонском землетрясении. Во всех энциклопедиях перечень городов, переживших это стихийное бедствие, возглавляет Лиссабон 1755 года. И вот спустя двести пятьдесят лет я гулял по городу, где кипит жизнь,

звучит бодрая музыка, веселится молодежь, гудят пестрые машины. У небольшого книжного магазина обратил внимание на юношу, который, стоя у прилавка, медленно перелистывал сборник стихов. Я вспомнил историю, связанную с лиссабонским землетрясением, как некий молодой поэт в мертвом городе читал свои стихи, стараясь перекричать стон умирающих сограждан. Он был уверен, что поэзия сумеет облегчить им муки.

* * *

Итак, Ованес Оганян сошел на берег, пройдя с экипажем путь от Марселя до Лиссабона. Однако, по моим расчетам, отсутствие Овика никак не повлияет на водоизмещение «Киликии». Ибо Овик почти в два раза тяжелее, чем прибывшие в Лиссабон «килийцы» Тигран Алаян и Александр Маркарян. Увы, с Овиком мы не смогли провести традиционную беседу у висячего столика. Виной тому непрекращающийся шторм. Могу лишь сказать, что когда-нибудь я вернусь к этому доброму богатырю.

Саша Маркарян сошел с дистанции на первом этапе в Афинах. Это значит, он не прошел с нами конечную часть пути. А теперь он сумел выкроить время именно для финишной прямой второго этапа. Что же касается Тиграна, то он вместе с сыном принимал активное участие в подготовке «Киликии» к выходу в море из Поты. Новички привезли на борт письма и свежие армянские газеты.

У меня справа от наспах сколоченных полок для книг и рукописей висит географическая карта двух полушарий Земли. Часто смотрю на контуры восточного побережья Атлантического океана, или, можно сказать, самой западной границы Европы. Такой общий взгляд на всю линию финишной прямой второго этапа «Киликии» впечатляет больше, чем когда смотришь отдельно, скажем, на побережье Пиренейского полуострова и Франции. Взгляд надолго задерживается на Бискайском заливе. Естественная осторожность диктует линию маршрута вдоль берега — от северо-западной точки Испании порта Ла-Корунья на восток до Сан-Себастьяна, затем прямо на север через порт Ларуш к французскому Бресту. Так, вроде, безопаснее: в случае чего берег рядом. Но душа моряка в подобных случаях требует иного: идти напрямиком, по гипотенузе, и от Ла-Коруньи до Бреста по прямой линии, а это более чем в два раза короче. Хотя нас волновала и искушала не только экономия времени и мильей.

Еще на пути к Ла-Коруньи у моего висячего столика четверка «политбюро» (Карен Балаян, Самвел Карапетян, Армен На-

зарян и я) собралась на «качающееся» совещание. По составленному ранее капитаном маршруту «Киликия» должна была пройти длинным прибрежным путем и остановиться в Ларуше. На повестке дня совещания стоял вопрос об изменении маршрута. Никаких обсуждений, дебатов и споров не было. Все совещание длилось считанные секунды. Карен показал начертанный его рукой новый маршрут — жирную прямую линию от Ла-Коруньи к Бресту. Раздался веселый хохот, означавший полное одобрение. Однако до Бреста еще далеко. Надо было медленно пробираться к северу при довольно мрачном прогнозе погоды на весь август, в котором чаще всего повторялись такие словосочетания, как «усиление ветра», «понижение температуры», не говоря уже о «грозах» и «ливневых дождях».

* * *

Выход из бухты дарит морякам неповторимые мгновения. Как правило, в это время в напряжении находятся лишь начальник вахты и двое рулевых. Дело в том, что в любой бухте «Киликия» до самого мола, до волнореза идет исключительно на моторе. Так что паруса в это время свернуты, как парашют, и экипажу остается лишь молча обозревать береговые кварталы портовых городов. Полблокнота я разрисовал эскизами, которые можно назвать «вид с моря». Конечно, куда романтичнее звучит «вид на море». Но, пожалуй, не всем известно, какой и впрямь неповторимый вид открывается перед глазами, когда смотришь на архитектуру портового города с моря, а тем более из гавани. Если посчастливилось посетить сто портов, ты увидишь сто совершенно разных живых «неведомых шедевров» (Бальзак), не похожих ни на что другое. Бродя по Лиссабону, можно было с разных точек увидеть величественный памятник Христу. Но поглядеть на этот шедевр с моря — это уже другое дело и другое впечатление.

Вот запись в блокноте об одном из других творений рук человеческих: «Огромное здание в виде носа большого корабля. Вдоль по обоим шкафутам (левая и правая части палубы) замерли моряки. А на кончике носа стоит сам Генрих Мореплаватель. Те, кто интересуются морем и морскими путешествиями, знают это имя. Каким же надо быть моряком, чтобы в морской державе, прославленной прославленными мореплавателями, войти в историю как «Генрих Мореплаватель»! Один из самых почитаемых в Португалии соотечественников, Генрих Мореплаватель осуществлял многочисленные морские экспедиции задолго до Колумба. По правде говоря, в отличие от Христофора Колумба

или Фернана Магеллана, ему, Генриху Мореплавателю, нетрудно было организовывать свои экспедиции. Как-никак он был принцем, сыном короля Португалии Жуана I. В XIV–XV веках Генрих Мореплаватель освоил практически всю северо-западную часть Африки. Он же был инициатором вывоза африканских рабов в Португалию. В американском Бостоне мой соотечественник Миран Минасян показал исторический, по его словам, камень на берегу океана. На камень этот впервые ступила нога европейца. Здесь же рядом отмечено то место, куда высаживали первых чернокожих рабов, которых потом раскупали и развозили по всей Америке. Сегодня в США проживает уже около тридцати пяти миллионов африканцев. Психологи, занимающиеся футурологией и социальным прогнозированием, считают, что сохранившийся на геномном уровне «синдром раба» когда-нибудь даст о себе знать. Речь идет не только о бывших рабах. По большому счету, гастарбайтеры — это тоже своего рода рабы. Достаточно их количеству перейти в качество, как происходит демографический взрыв. Эту страшную тему я попытался раскрыть в футурологическом очерке «Война философий», который поместил в книге «Бездна».

Однако вернемся на борт «Киликии», которая пятого августа 2005 года в шесть часов пополудни вышла из Лиссабонской бухты и взяла курс на север — на Ла-Корунью.

* * *

В 1971 году на легендарном полярном «кузнечике» АН-2 я добрался до центра Чукотского национального округа Анадыря. Командировку мне организовал заведующий отделом здравоохранения Камчатского облисполкома Николай Семенович Колесников. Обмен опытом между соседними областями, краями, районами был в ту пору в моде. Но главной целью моей командировки было не это. Конечно, с окружными коллегами-врачами мы посетили все объекты здравоохранения, но я от них не скрывал, что готовлюсь через год совершить многомесячный переход на собаках и оленях по камчатской и чукотской тундре до берегов Чукотского моря, являющегося составной частью Северного Ледовитого океана. Мне нужно было изучить карту будущего похода, что называется, вживую. Это значит, следовало посетить знаменитые мыс Провидения и мыс Дежнева, не менее знаменитую полярную станцию, мало кому известную скалу — мыс Уэлен. Таким образом, мне довелось побродить по самым восточным участкам Азии. Тогда же, помнится, я, как всегда, не расставаясь

с карманным «Атласом мира», искал и находил самые западные участки Европы, которая, как известно, существует не самостоятельным материковым образованием, а совместно с Азией. Поэтому их часто объединяют одним географическим названием — Евразия. Тогда мне и в голову не могло придти, что спустя три с половиной десятилетия я отмечу у себя в блокноте самую западную точку Европы — Мыс Рока. И вот в девятнадцать часов по Гринвичу я сделал запись в блокноте: «Это мыс Рока — самая западная точка Европы». На той же странице набросок: линия океанского горизонта и острый угол мыса, на котором возвышается огромная скала, перерастающая в большой холм. Через несколько минут рисунок меняется до неузнаваемости. Из туманности вырисовываются уже более четкие изображения, и на вершине скалы-холма медленно проявляется, как на фотобумаге, огромный крест. А еще через полчаса — другой рисунок. Крест возвышается над строением. А через полтора часа за острым углом мыса контрастно вырисовывается гряда нескольких скал, за которыми открывается горизонт. Горизонт переливается всеми цветами радуги. Но есть нечто стендалевское в этом пожарище — преобладание красного и черного. Небо огромным черным тентом висит над головой. А горизонт виден ясно и ярко, при этом огромный красный шар солнца, переливаясь пурпурным многоцветьем, медленно опускается к линии горизонта, как едва заметно падающий парашют с легким грузом. Над горящим шаром проходят черные-пречерные живописные мазки, чуть выше которых виднеются черно-серые фигуры различных животных и рыб. В какой-то момент ровная и прямая, как линейка, черная полоса разрезает пополам пурпурный шар. Кажется, вот-вот линейка эта, подобно обручу, крепко обхватив по диаметру солнце, начнет сжимать и разрежет его на две части. Неожиданно гигантский коричневый занавес, сползая вниз, закрывает собой солнце, и буквально через мгновение все цвета сливаются воедино. Так бывает, когда в акварель добавляется несколько капель прозрачной воды, и тотчас же цвета меняются. От черных прямых линий не остается и следа. Все вокруг солнца розовеет, и появляется яркая контрастная дуга темно-красного цвета, которая с каждой секундой становится все ярче и все массивнее. Нижний край солнца касается линии горизонта, и вскоре можно не шурясь, спокойно смотреть на медленно заходящее солнце, которое тащит за собой край черного неба.

Все это таинство происходило слева по ходу «Киликии», которая шла строго на север. И по всему было видно, что обычного за-

рева на месте захода солнца, то есть на западе, мы не увидим. Слишком уж темным оказался занавес, опускающийся за солнцем.

Как только солнце ушло за горизонт, вахтенные, не дожидаясь команды капитана, начали привычный спуск государственных флагов Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики. Необычным было то, что капитан так рано дал команду: «Включить бортовые огни». И впрямь, буквально через минуту-другую «Киликию» окутала мгла. Как и обещали синоптики, усилился ветер. К счастью, попутный.

* * *

Восемь часов вечера (по местному времени). Тьма. Еще до захода солнца наш кок Самвел Саркисян успел накормить команду ужином. В океане к обычному классическому шторму прибавляются еще и так называемые штормовые приливы. Известно, что приливы и отливы в основном связаны с Луной. Вращаясь вокруг Земли, Луна силой своего притяжения поднимает уровень воды. Конечно, влияние такое имеет и Солнце, однако оно находится слишком далеко, а посему роль его в приливах и отливах значительно меньше роли Луны. Один оборот Луны по своей орбите длится более суток — 24 часа 40 минут. За это время происходят по два прилива и отлива. Мы об этом хорошо знаем. Но морякам положено знать более того, что нам преподают в школе. Дело в том, что, плавая вблизи океанского берега, необходимо учитывать такие детали, как время полнолуния и новолуния. И не только это, но и время, когда Луна и Солнце выстраиваются в одну линию. В такую пору складываются силы притяжения Луны и Солнца и вызывают — особенно при полнолунии и новолунии — самые высокие приливы. И если к этому сочетанию прибавляется еще и шторм, то происходит самое ужасное: «штормовой прилив».

Думаю, вовсе не случайно в тот вечер мгла настигла нас в такую рань. Каждый из нас до глубокой ночи всматривался в сторону океана, в сторону Американского материка. А когда ребята, словно сговорившись, молча уставятся в одну точку, я часто задаю им один и тот же довольно банальный вопрос: «О чем думаешь?». Именно об этом я спросил в кромешной тьме Арика Назаряна.

— В такой холод, при такой качке, о чем еще можно думать? Узнайте лучше, в какую сторону я сейчас все больше смотрю?..

— И в какую же?

— Налево. На запад... Потому что и беда, и спасение придут только с левой стороны, со стороны океана.

— А к чему тебе эти мысли? Ты же все равно не изменишь ситуацию. Направление ветра может изменить только смена атмосферного давления и температуры.

— Я бы предложил пойти мористее, точнее, океанистее. То есть держаться максимально дальше от берега...

— А знаешь, утром я тебе покажу записи в моем блокноте именно о штормовых приливах, которых на большом расстоянии от берега не бывает. Там ведь, собственно, приливы и отливы не ощущаются. Я читал вчера о штормовых приливах. Это когда прилив совпадает со штормом.

— Вот и нужно отойти подальше от беды...

— А тебе не кажется, что следует поговорить об этом с капитаном или Самвелом? — спросил я.

— У капитана свет горит. Самвел сейчас как раз там. Так что можем пойти к ним.

— А зачем идти? Не надо быть оракулом, чтобы предсказать: они сами вот-вот поднимутся на палубу.

Вскоре в темноте едва заметно осветилась самая верхняя ступенька трапа от жалкого пучка света мобильного аппарата Самвела Карапетяна. Он первым поднялся на палубу. За ним последовал капитан.

— Самвел, — негромко сказал я, — есть с тобой и Кареном Балаяном разговор. Мы тут с Ариком...

— Сейчас мы с Кареном дадим задание начальнику вахты и потом поговорим.

Начальник вахты Гайк Бадалян стоял на самой корме, крепко держась за флагшток, когда к нему подошли капитан и капитан-наставник. У левого рулевого весла находился Тигран Алаян, у правого — Пуш (Мушег Барсемян). Мы с Ариком, качаясь и подпрыгивая, тоже подались на корму. Капитан вплотную прижался к Гайку слева, чтобы освободить место для Самвела.

— Карен, давай разъяснение, — сказал Самвел, обращаясь к капитану.

— Гайк-джан, слушай внимательно, — начал Карен, — курс — северо-запад, примерно к концу вахты повернете уже на северо-северо-запад. Идем вглубь океана. Примерно на триста миль должны отойти от суши. Кстати, следующий порт — Виана-Ду-Каштелу, у самой границы Португалии и Испании. Этот участок издавна называется Берегом Смерти, думаю, не случайно. Но дело не только в этом. Дело в штормовых приливах, поведение которых трудно предугадать.

Когда Карен завершил свою тираду, Арик громко засмеялся:

— А мы тут судили-рядили, как бы вам, капитанам, преподнести наши соображения по поводу того, что надо резко сменить курс на северо-запад. Даже придумали термин «океанистее». И вдруг оказывается, вы в это время занимаетесь тем же самым, но уже на профессиональном уровне.

За беседой мы не сразу заметили, как килевая качка постепенно перешла в бортовую. И немудрено. Поменяли курс с севера на северо-запад, на целых сорок пять градусов, и попутный ветер стал боковым. Дул уже не в корму, а в левый борт. Еще недавно два стакселя бодро тащили «Киликию», а теперь, не слушаясь малых парусов, она переваливается с правого бока на левый. Те, кто были в трюме и ничего не знали о смене курса, небось удивились такой неожиданной перемене.

Как только отойдем от берега миль на двести вглубь океана, ветер снова станет попутным, ибо «Киликия» будет держать курс строго на север, к Ла-Корунье.

* * *

Шестое августа 2005 года. Полдень. Горизонта не видно, густой туман. В прошлом году в этот день мы находились в Черном море, в территориальных водах Румынии. Я хорошо это помню, потому что в тот день отправил моей внучке Риточке поздравление с днем рождения, что называется, по телевизионной почте. Еще в начале 2004 года я не был уверен, что приму участие в плавании на «Киликии» от начала до конца. И как-то во время разговора с внучкой сказал, что мы обязательно отметим ее день рождения, ее юбилей. Как-никак — пять лет. И она серьезным тоном спросила: «Даешь слово?» И я сказал «клянусь». Может, если бы я дал слово другим внукам, я бы так не переживал. У других внуков живы отцы. Никогда не забыть мне, как однажды Рита вместо «дед» назвала меня «папой» и как-то по-взрослому смутившись, спросила: «Ничего, что я ошиблась?»

Мы тогда всем экипажем поздравили именинницу. Отснятые кадры отправили в «Айлур». Я объяснил нашим друзьям-телевизионщикам причину такого шага. Легко представить состояние пятилетней внучки, когда вдруг с борта «Киликии» дед обратится к ней со словами: «Видишь, я сдержал свое слово!»

И вот прошел целый год. В день рождения внучки мы находимся в Атлантическом океане. Скорость ветра перевалила за двадцать метров в секунду. Волнение океана — шесть баллов. Густой туман. Моросит дождь. Спутниковая связь — это сплошные помехи в эфире. Словом, внучке позвонить невоз-

можно. Хорошо еще, что накануне я успел связаться с хозяином «Брабион флора сервис», с моим, я бы сказал, заочным другом Аршалуйсом Чобаняном и заказал цветы для Риты.

Нас в тот день на «Киликии» было шестнадцать человек. Мне захотелось записать имена всех детей и внуков моих коллег. Это очень надо моей Рите, моим друзьям и их семьям. Это очень нужно мне самому.

Стою у «персональной» тумбы, рядом с которой находится основание мачты. Качаюсь влево-вправо, вверх-вниз вместе с палубой и все-таки успеваю не только записывать имена, но даже переводить взгляд со странички блокнота на поверхность бурлящего океана. На глаз прикидываю высоту волн. Кто-то может сказать: разве это не странно — думать о детях и внуках своих друзей и в то же время измерять в уме высоту и длину волны?

Почему мне вдруг захотелось заняться перечнем имен тех, кто денно и ночью думает о нас? Мы на «Киликии» никогда не ведем разговоры о том, что с нами может случиться беда, и никто никогда не узнает, о чем думали ребята в свои последние минуты. Конечно, я никому не говорил, что решил этот блокнот вместе с последними сорока страницами готового и отпечатанного на машинке текста завернуть в три слоя целлофановых пакетов. Сама идея эта вполне нормальная: сделать все, чтобы сохранился блокнот, в котором упоминаются имена самых дорогих нашему сердцу существ.

Прогноз погоды на ближайшие два дня неутешителен. Обещают, что скорость ветра не снизится. Напротив, временами пойдет до ураганной. А нам через какое-то время надо двигаться к береговой линии, где ко всему прибавится еще и непредсказуемость прилива и отлива. У прилива есть две крайности. Первая — это так называемый квадратурный прилив, то есть самый низкий, когда Солнце и Луна расположены под прямым углом друг к другу. Ничего страшного это обычно не сулит. Вторая крайность — так называемый сигизийный прилив. Он пострашнее, чем незаслуженно популярный Бермудский треугольник. Дело в том, что практически невозможно предупредить беду, связанную с сигизийным приливом, когда не только Солнце и Луна, но и Земля располагаются на одной линии, и происходит самый большой прилив. Если вдобавок бывает шторм, да еще ветер дует с океана на материк, спасения не жди.

Легче всего мне общаться с Мушегом Барсегином и Ваагном Матевосяном. С этими ребятами вообще все легко и просто. Два севанца на борту «Киликии» — это и логично, и закономерно. Оба

очень молоды. Вместе им сорок один год. Оба пока не женаты. Весь экипаж знает, что мать Мушега зовут Парандзем, а мать Ваагна — Анаит. К этим ребятам прибавил бы Гайка Садояна, такого же молодого и неженатого (служит в армии), мать его зовут Шушаник. Я сегодня следил за тем, как все трое на борту несколько раз кряду спускали и поднимали паруса при штормовом ветре. Конечно, делали они это не одни, но, как всегда, были самыми активными и юркими. А чего, собственно, удивляться, если знаменитый мореплаватель Михаил Лазарев, прежде чем вместе с Фаддеем Беллинсгаузеном покорить Антарктиду, успел в двадцать пять завершить трехлетнее кругосветное плавание?! А Николай Миклухо-Маклай в двадцать четыре года на корвете «Витязь» совершил свое первое плавание к берегам Гвинеи.

Наверное, не случайно, беседуя с тремя нашими юнгами, я больше обращал внимание не на волнение океана, а на скорость ветра. Все-таки все беды на море начинаются с ветра, без которого, конечно же, не было бы на земле большинства открытий. При скорости ветра десять метров в секунду можно не думать ни о чем, при скорости в двадцать метров можно, наверное, подумать и о детях, и о внуках, и о жене, а вот при двадцати девяти, я уже не говорю о тридцати шести метрах, ты будешь думать только о судне.

* * *

В «Моей Киликии» я рассказывал, как на острове Кипр достали из воды два судна, которые были почти точными копиями «Киликии».

С этого и началась наша очередная беседа с нею.

— В последний раз мы с тобой говорили во время шторма. И разговор касался темы экстремальной ситуации. Сегодня я успел переговорить практически со всеми ребятами, хотел узнать, о чем они думают во время шторма...

— Я следила за твоим экспериментом, — перебила меня «Киликия», — и должна сказать, что чувствовала состояние ребят. Они специально не хотели говорить о шторме, о страхе. Но они ничуть не хорохорились. В своем мужестве они были искренни.

— Знаешь, «Киликия», в последнее десятилетие чрезвычайно популярным стало слово «клон». На древнегреческом оно означает «ветвь», «отпрыск». Это когда из одной исходной особи или клетки появляется наследственно однородное потомство. По большому счету, тебя тоже можно назвать клонированным судном. В тебе не одна, а миллионы клеток. Достаточно напомнить, что огромный тяжеленный ствол, являющийся со-

ставной частью твоего корпуса, взят из киликийского дуба. Так что ты унаследовала память предков. И об этом мы с тобой много раз говорили. Именно это обстоятельство делает тебя уникальной по части памяти. Следовательно, ты должна помнить и трагические моменты...

— Особенно трагические. Ибо трагическое запоминается крепче, — сказала «Киликия».

— Вот тебе и карты в руки. Я где-то вычитал, что треть киликийских судов не возвращалась в родные порты из дальних плаваний. Какова, по-твоему, их судьба и каковы главные причины их исчезновения?

— Я бы поставила вопрос иначе. Две трети судов («целых» две трети!) все-таки возвращались. Правда, не всегда со всеми членами экипажа. Это сегодня вы обходитесь пятнадцатью, а то и двенадцатью моряками. А тогда на такой же площади находилось до пятидесяти человек. Физическая сила нужна была не только для работы с парусами, но и во время причаливания и отчаливания. Это сегодня удобно и даже красиво спустить паруса и включить мотор. А тогда, сотни лет назад, надо было на парусах подходить не к каменистому, а к каменному берегу, где прибойные волны хлестали по борту куда сильнее, чем в открытом море. И десятки матросов должны были броситься в воду, чтобы с помощью канатов тащить нас на берег. Чаще всего становились на парусе и на тяжелых лодках гребли к берегу.

— Я не хочу сравнивать с парусниками крохотные плоскодонки, на которых мы с друзьями плавали по рекам и морям. Но скажу тебе, «Киликия»: в момент, когда тащишь лодку на берег, самое страшное — это откат волн. Так мы называли движение волны от берега. Так что хорошо представляю себе, каково приходилось киликийским морякам, когда они вытаскивали суда на берег. Ведь ты вовсе не плоскодонка, и, значит, стоять на суше ты (как и твои предки) не можешь. Словом, я согласен, что куда важнее говорить о тех судах, которые в целостности и сохранности возвращались домой с наименьшим количеством людских потерь. Но от чего конкретно чаще всего погибали корабли и люди?

— От ветра и шторма, — спокойно ответила «Киликия». «Киликия» не мудрствует лукаво, не усложняет вопросы и ответы. Спокойствие ее впечатляло еще и потому, что диалог наш проходил именно во время «ветра и шторма».

— Но ведь во время многомесячного плавания все суда оказываются в таких ситуациях, но лишь некоторые из них терпят кораблекрушение, — ответил я на реплику «Киликии».

— Суда ведь как люди. Внешне похожи друг на друга, но такие разные! Это первое. А второе — экипаж. Начну с того, что не каждый человек может стать моряком. Во всех делах, которые должны в основном выполнять мужчины, бывает необходимо мужество. А вот на море даже мужество должно быть особым.

— Каким?

— Истинно мужественный человек просто обязан соблюдать разумную осторожность, когда он решается на нечто ответственное и опасное, когда взвешивает любую вероятность. Но когда приходит время исполнения, необходимо быть мужественным. Об этом писали наши киликийские философы.

— Что же нужно для того, чтобы быть мужественным? Или нужно родиться таковым? — спросил я, едва держась на нарах.

— Ничего подобного. История хранит имена мужественных людей, которые завоевывали города и страны, но при этом находились под пятой у женщины.

— Еще Демокрит говорил, что некоторые царствуют над городами и в то же время являются рабами женщин.

— Значит, я права, раз уж мои мысли совпадают с мыслями Демокрита. В человеке не заложена способность господствовать над своими страстями. Он должен научиться это делать в процессе жизни. Никто не станет мужественным, если не научится подавлять искушения, слабости, страсти. Я спокойна потому, что на моем борту много людей, которые не родились матросами, а стали ими, сотворив самих себя. Так бывало всегда. Отсюда и моя вера в то, что все у нас будет хорошо.

— И все-таки, «Киликия», жизнь показывает, что ты у нас самая мужественная.

В это время у правого борта раздался очередной «волновой» взрыв.

* * *

Три часа разницы с Ереваном. На борту «Киликии» шесть часов вечера. В Ереване — девять. Самое время моим внукам укладываться спать. Я так и не сумел связаться с родными, хотя бы по телефону, в отличие от прошлого года. Если бы Рита моя знала, как далеки мы от берега! Бедный Арик, отвечающий за электронную спутниковую связь, на холодном ветру вспотел от бесконечных попыток связаться с Ереваном по спутниковому телефону. (Как тут не вспомнить Рафика Богояна, руководителя армянской сельскохозяйственной кооперации. Это ему экипаж обязан спутниковой связью, без которой нам пришлось бы нелегко в открытом море.) Вдруг Арик заорал, да так, что пере-

кричал общий шум, свист, гул: «Есть связь! Есть связь!» Говорить можно было только на палубе, где хлестал дождь. Так что трубка была завернута в целлофан. И без того сплошные помехи, а тут еще и целлофан шуршит. И все же я слышал голос моей внучки. Более того, она тоже довольно хорошо слышала меня.

— Как у тебя прошел день, Ритулик?

— Хорошо. Нам принесли много цветов, много игрушек. Но я хочу тебе сказать самое главное. Помнишь, ты всегда говорил, чтобы мы не ябедничали. Вот сегодня Зорик разбил чашку Неник (так внуки зовут свою бабушку Нелли), и я вину взяла на себя. Я Неник сказала, что это я разбила.

— Умница! Умереть мне за тебя, Рита-джан!

Дождь продолжал лить, как из ведра. Мне вспомнились вечные камчатские метели и пурги, когда трудно бывало определить направление ветра. В какую сторону ни повернешься — снег иголками колет лицо. И здесь, на борту, то же самое. Дождь хлещет по лицу, какую бы позицию ты ни занял. Весь день 7 августа стоял, висел, лежал, обволакивая все и вся, густой туман.

В два часа пополудни позвонил из Еревана Эдуард Поладов, которого все близкие ему люди называют Грек-Эдиком. Он родом из карабахского села Мехмана, где издревле жили в основном греки. Один из активистов общества греко-армянской дружбы. Он сообщил печальную весть. Скончался Дереник Петросян. Летом 1992 года в штабе арцахской армии самообороны я получил телефонограмму, в которой сообщалось, что под Лачинском погиб сын Дереника Петросяна Арцвин Петросян. Для отца это была страшная трагедия. Тогда я весь день места себе не находил. Думал о моем друге Деренике, который недавно потерял брата, а два месяца назад потерял и свою малую родину — Шаумянский район, точнее, Гюлистанский край. И Дереник, один из лидеров Гюлистанского края, правая рука командира шаумянского боевого отряда Шагена Мегряна, начал издавать газету «Колокола Мрава» (Мрав — это главная гора-символ Гюлистанского края). Зная о том, что его земляки, став беженцами, рассеялись по Армении и странам СНГ, он решил с помощью газеты хоть как-то объединить их, печатать информацию о шаумянцах, чтобы они не растеряли друг друга. Вот строки, написанные Дереником: «Мы живем без нашего мальчика. Без погибшего брата живем. Но вот без Родины — не можем».

Правильно сделал добрый Грек-Эдик, что позвонил. По крайней мере, душа Дереника почувствует на небесах, что где-то далеко-далеко в бушующем океане я думаю о нем.

* * *

Лишь спустя полчаса после телефонного звонка Эдика Поладова я вдруг произнес вслух: «А ведь он позвонил мне по сотовому телефону». Значит, мы уже вплотную подошли к берегу. И словно в подтверждение моим мыслям на верхушку ахтерштевня (продолжение киля в кормовой или ютовой части судна) села черноголовая чайка. Когда-нибудь я буду испытывать ностальгию, рассматривая страницы, на которых в жутких условиях делал зарисовки. Между прочим, в этот момент произошло нечто удивительное. После очередного дергания судна черноголовая красавица сорвалась с места, в мгновение ока обогнув края парусов перелетела на нос и села на верхушку форштевня, который является продолжением киля с другой, боковой, стороны корабля. Я не поленился и шатающейся походкой, хватаясь то за борт, то за рею, которая завернута большим парусом во время сильного шторма и лежит на палубе вдоль судна, добрался до носа только для того, чтобы дорисовать живое существо, напоминающее, что берег не очень далек. Кстати, судя по времени и координатам, речь шла не о «простом смертном» берегу, а о том самом Коста де ля Мorte — Береге Смерти, о котором я уже говорил. Это значит, мы должны спустить португальский флаг и поднять испанский.

Симпатичная чайка улетела. Я закрыл блокнот, положил его в карман и пошел к трапу, чтобы спуститься к себе. Здесь и встретил Тиграна, поднимавшегося наверх. Подумал: а что если я успею переговорить с ним?

Устроились мы на моих нарах, каждый держась за край верхнего яруса.

— Где ты родился? — был мой первый вопрос.

— В Сызрани. В 1962 году.

— Так далеко от Армении?

— Отец преподавал в Сызранском высшем военно-воздушном училище. Моя биография и биография моих братьев начиналась с мест работы отца. Старший родился в Кировакане, средний — в Торжке. Мы оказались в Ереване лишь в 1976 году после демобилизации отца. Пошел в шестой класс русской школы. Дома же всегда старались говорить по-армянски. Правда, есть еще одна уникальная школа по изучению армянского языка — это двор.

— Что ты окончил? Какой вуз?

— Киевский институт инженеров гражданской авиации. Семнадцать лет работал в системе управления воздушным движением.

— Как попал в клуб «Айас»?

— Еще до рождения «Айаса» я занимался яхтингом. В 1982 году впервые оказался на Севане, где был яхтклуб, принадлежащий «Звартноцу». Само название говорит о том, что хозяином яхтклуба была гражданская авиация. Охотно ходил матросом на яхтах разных типов. Через два года у меня уже была своя — «Конкорд-25». Это прекрасная, очень маневренная яхта длиной семь с половиной метров. А в «Айас» попал через Амаяка Тарахчяна.

— А как сложились твои отношения с «Киликией»?

— Я включился в работу, когда уже был готов киль и стали видны контуры будущего судна.

— Я всех ребят спрашиваю о том, каким видится им будущее и самой «Киликии», и экспедиции.

— Уверен, «Киликия» должна вернуться домой. А что касается самой экспедиции, нашего общего дела, то практика и жизнь показали: начало положено. Нужна не просто кругосветка, а свои, «армянские» кругосветки. Я читал об этом в вашей книге «Моя Киликия» и согласен с тем, что легенда должна постоянно подпитываться и продолжаться.

— Почему ты не принял участие в плавании с самого начала?

— Многие оказывались в моей ситуации. Представьте себе, я менеджер, и нас всего два человека. Если я отлучусь на весь этап плавания, то подведу своего напарника. Есть еще и семейные трудности.

— Как здоровье дочурки? Я слышал, она болеет.

— Все никак не можем разобраться с диагнозом. Жена, зная о моей страсти к яхте, сама настояла на моем плавании. И вот я здесь. Однако все двадцать четыре часа в сутки думаю о дочери.

— Сложная штука — жизнь.

— Я пришел к выводу, что жизнь — это не сплошные экзамены, — не без грусти произнес Тигран, — а сплошные испытания.

— Знаешь, Тико-джан, отвергнутый советской идеологией Фридрих Ницше как-то в горестную для себя минуту сказал: «От всего сердца люблю я только одну жизнь, и поистине, больше всего тогда, когда ненавижу ее!»

— Какой чудовищный парадокс, — тихо сказал Тигран.

— Я на этот счет думаю несколько иначе. Тема эта когда-то меня очень привлекала. Тогда же я пришел к выводу, что жизнь — это не только вечная борьба с чем-то и с кем-то, а сплошные «преодоления себя», сплошные раздумья над тем, что, находясь в нокдауне на ринге, надо сделать все, чтобы встать до счета «девять».

На севере Камчатки, где огромный полуостров соединяется с северо-западной частью Азиатского материка, протекает река Парень. Потому и вся долина называется Пареньской. А все, что окрест, называется Пенжинской тундрой. Зимой (в конце января 1973 г.) во время нашего многомесячного похода на собаках здесь была зафиксирована температура ниже шестидесяти градусов. Вот запись, сделанная мною тогда в блокноте: «Мы знали, что в такой лютый мороз ни вертолеты, ни вездеходы не работают. Собственно, они не заводятся. Несколько дней подряд при таком морозе мы не только задыхались оттого, что трудно было дышать, но и чувствовали неизвестный доселе страх».

В исключительно экстремальных условиях, к примеру, при очень низких температурах, нарушается система рефлексов. Скажем, вместо того, чтобы из рюкзака достать теплую одежду и надеть на себя, человек, наоборот, снимает с себя кухлянку и отбрасывает в сторону.

Если человеку удавалось, как говорится, взять себя в руки, преодолеть себя, победить свой страх, тогда все завершалось удачно. Через неделю столбик термометра поднялся на пятнадцать градусов. И произошло чудо. Еще недавно пережив в тундре шестидесятиградусный мороз, мы почувствовали, что при минус сорока пяти можно уже снять с себя кухлянку, так как в ней становится жарко. После «полюса холода» такая температура нам показалась просто-таки пляжной. Это интересное состояние. Вспомнил об этом вовсе не случайно. Приближаясь к Ла-Корунье, мы измерили скорость ветра анемометром (часто называю его ветромером). Вроде бы довольно внушительная цифра — 18 метров в секунду. Но на подступах к Бискайскому заливу 18 метров в секунду пережитых 27–28 метров нам показались просто штилем.

Сквозь туман едва проникает свет от зарева Ла-Коруньи, где, кроме прочего, нам предстоит тщательно подготовиться к встрече с самим Бискайским заливом.

Однако прежде нужно еще освоить Ла-Корунью. Город небольшой, хотя он часто упоминается в биографиях многих знаменитых мореплавателей и путешественников. Хочу остановиться на одном моем наблюдении. Я обратил внимание, что практически во всех морских (а тем более океанских) портах развиты нефтепереработка и нефтехимия. Это естественно. Нефть перевозится в гигантских танкерах, и удобнее всего переработкой «черного золота» заниматься непосредственно в портах. Однако здесь мне придется вновь сделать отступление

от летописи путешествия — отступление не столько лирическое, сколько футурологическое. Я думаю о недалеком будущем, когда прекратится промышленная добыча нефти на мировом уровне. Почему-то прежде всего в голову приходят мысли о судьбах многочисленных портов, которые первыми почувствуют надвигающуюся беду. Тема эта волнует меня постоянно. Как уже говорилось, из оставшихся в мировых запасах примерно 100 миллиардов тонн нефти, которая не воспроизводится и в отличие от воды не подвергается «круговороту в природе», ежегодно добывается три миллиарда тонн. Дабы читатель не сомневался в точности этого показателя, скажу, что каждый баррель с ювелирной точностью фиксируется канцелярией ОПЕК и мировой статистикой.

Вот и посчитайте, когда кончится нефть, и подумайте о том, что станет с портовыми городами и «нефтяной цивилизацией» вообще. Понимаю, что подобного рода отступления могут утомить читателя, которому нужны страницы более романтические, приключенческие. Однако ничего не могу с собой поделать. Как знать, может в не очень далеком будущем, когда меня уже на свете не будет и когда случится, без сомнения, связанная с нефтью планетарная беда, кто-нибудь прочтет именно эти строки и не без укора подумает о тех, кто по глупости своей, если не сказать, по варварству своему, считал, что нефть дороже человеческой крови.

А пока мне следует избавиться от тревожных и грустных мыслей, чтобы с улыбкой ступить на причал Ла-Коруньи, где ждет «Киликию» горсточка армян — всего семь семей.

* * *

Приближаясь к очередному порту, я обычно связываюсь с кем-нибудь из местных армян. Это, как правило, бывает либо руководитель армянской общины, либо человек почтенный, хорошо известный не только соотечественникам, но и властям. Лишь потом, к моменту отчаливания, большая группа уже ставших близкими людей воспринимается как часть твоего народа. В Ла-Корунье встретил нас Валерий Варданян, который пятьдесят процентов своего рабочего времени уделяет общине, и Феликс Погосян, который на волне последней эмиграции подался в Европу и теперь произнес драматичную фразу: «Как в Армении я был безработный, так и здесь, в Испании. Так что ничего в моей жизни не изменилось». У него, кстати, два малолетних сына выступают с концертами: Тигран — пианист, Карен — альтист.

В первый же вечер нас познакомили с популярной в Ла-Корунье поэтессой Бланкой Андреу, вдовой известного в Испании писателя и публициста Хуана Бенета. Она унаследовала от покойного мужа любовь и уважение к армянам. Вот и дружит уже немолодая, но все еще сохранившая красоту и обаяние поэтесса со всеми семью армянскими семьями Ла-Коруньи.

В Ла-Корунье мне не так уж часто приходилось доставать записную книжку. Больше думалось, нежели писалось. Бланка подарила нам свой поэтический сборник «Белла Ангелия», и я попросил ее подстрочно пересказать некоторые стихи. В ответ она попросила меня прежде пересказать хотя бы одну строфу из хотя бы одного армянского поэта. Я вспомнил удивительное четверостишие Аветика Исаакяна. Надо было видеть, как внимательно слушали меня — не только поэтесса, но и наши ребята. Сначала я прочитал текст на армянском, а потом пересказал своими словами: «Держитесь за меня, тонущие люди, я, как скала, крепко стою. Крепите якорь к моим ногам, я, как скала, крепко стою».

Бланка открыла сборник, однако, не глядя на страницу, прочитала стихотворение. Валерий переводил, сознавая, как трудно передать словами то, что сотворено образами. В стихах этих было море, была любовь. Был и шторм, который, оказывается, нужен влюбленным всего лишь для испытания.

Бланка Андреу, как выяснилось, неплохо знала и трагические легенды, связанные с Бискайским заливом. Она говорила, что почти все поэты пишут о кораблекрушениях и что на эту тему в Испании есть богатая литература. Повела и о том, что у мыса Коста ла Мorte с высокого утеса люди всегда бросают в пенистую волну прибоя цветы, символизирующие память о родных и близких.

В Ла-Корунье у «Киликии» с первого часа друзьями оказались не только армяне. Другом нам стал и Королевский яхт-клуб. Капитан клуба Аудили устроил нам прощальный обед, на котором асы-яхтсмены, бывалые морские волки, рассказывали в деталях о том, как следует вести себя в Бискайском заливе. Чувствовалось, что они и впрямь болеют за нас, особенно за ветхозаветную «Киликию», которую успели очень полюбить. Капитан Королевского клуба как-то заметил: «Это суденышко пробуждает в нас память о предках. А для моряков память о предках — сама святость».

За столом завязался разговор о недавних террористических актах в Испании. Вспомнили, конечно, и другие теракты в других странах. Приводили ужасные эпизоды, в которые трудно было поверить нормальному человеку. Бланка с бокалом в руке попросила слова. Она призналась, что мысли, которыми она

хотела поделиться, — это запись из блокнота ее Хуана. Суть ее в том, что беду, зло, трагедию, насильственную смерть, где бы все это ни случилось, нужно предупредить еще до рождения преступника. Иначе нам не избежать Апокалипсиса. Рождается человек — и становится зверем. Неужели никто не виноват в том, что человек, родившись человеком, становится общечеловеческим злом? И Бланка заключила: «В основе всего этого лежит некая агрессивная идеология. Я уверена в этом».

* * *

Десятого августа после торжественного прощального обеда капитан Королевского яхт-клуба Аурили, члены клуба вместе со всем армянским населением порта, стоя на причале, провожали «Киликию», которая взяла курс строго на север. По сути, мы уже на старте были в водах Бискайского залива. Сразу после выхода из бухты Ла-Коруньи «Киликию» стало трясти и дергать. Белые барашки резко выделялись на свинцово-темно-синем фоне поверхности моря. Вокруг ни одной плавательной единицы. Неожиданно Арег закричал: «Слева по корме белый катер!» Капитан уточнил: «Это наша Бланка с нашими армянами. Она ведь обещала, что будет провожать нас до волнореза».

Катер, сделав крутой разворот, повернул назад и вскоре скрылся в дымке за белыми барашками, а я размышлял над укоризненными словами испанской поэтессы, которая давеча во время прощального обеда произнесла тост. Она ведь адресовала свой укор не абстрактному человечеству, а конкретным людям, конечно же, мужчинам, которые не ведают, что творят. Именно мужчины, извлекая уроки из истории, должны сделать все, чтобы предупредить уже не просто локальную беду или трагедию, а конец света.

Там, за столом Королевского яхтенного клуба, эту тему развивали и другие. К примеру, были такие предложения: на планетарном уровне нужно заниматься не уточнением текстов национальных конституций, а предотвращением откровенных призывов к насилию, заложенных в священных писаниях разных религий, в программах политических партий и других организаций, а также фанатичных сект и сомнительных клубов разного толка. А ведь все это очень серьезно. «Киликия» — явление уникальное, кроме всего прочего, еще и потому, что на ее борту посещают мысли не только о семье, о детях, которые объясняются разлукой. В голову лезут мысли, которые, с уверенностью можно сказать, волнуют все человечество. Находясь один на один с морем, а тем более с океаном, невольно размышляешь о

судьбе всей планеты. И пока мы еще не вышли в открытый Бискайский залив, я решил на эту тему поговорить с «Киликией».

— «Киликия», — начал я довольно бодро, — не знаю, как-то будет тебе, а, стало быть, и нам всем в Бискайском заливе. Прогноз погоды неутешительный, так что вряд ли нам удастся там поговорить. А диалог, мне кажется, нужен. Ты, конечно, находишься в более выгодном положении. Ты всегда в курсе всего, что происходит не только со мной, но и с каждым из нас. Ты знаешь, о чем мы думаем, что мы делаем. Ты, как сама выражаешься, очень даже чувствуешь, кто в нарушение слова, данного всем, втихаря закурит, пропустит чарку водки и все такое прочее. А посему я уверен: тебе очень хорошо известны суть и смысл темы, которая овладела мной, проникла в мою душу после застолья, организованного Королевским яхтенным клубом.

— Ты прав, — согласилась со мной «Киликия». — Более того, тема эта всегда волновала многих. Я более восьмисот лет чувствовала своими клетками запах крови, если где-нибудь случалась беда. Чувствовала не только в море, когда бывали кораблекрушения. Я чувствовала этот запах, донесившийся с суши. Конечно, речь у тебя конкретно идет не только о том, что человек убивает человека и проливается кровь, но и о том, что человек убивает саму природу.

— Вот именно. Человек своим воинственным интеллектом, алчностью, агрессией, ксенофобией, своими собственными руками и оружием, созданным им же самим, может сначала угробить всю природу, а затем и все человечество. К твоему сведению, подобное случалось на нашей планете. За все время существования Земли, то есть за пять миллиардов лет, дважды происходил своего рода Апокалипсис, конец света. В первый раз это было двести шестьдесят миллионов лет назад...

— Как это удалось высчитать?

— Наука в состоянии определить возраст любого явления. Так вот, двести шестьдесят миллионов лет назад произошло Первое массовое вымирание животного и растительного мира нашей планеты.

— И что же такое случилось? — спросила «Киликия».

— Ничего особенного. Самая «малость». Произошли на дне океана, или океанов, чудовищной силы взрывы, в результате которых в атмосферу земли был выброшен в невероятном количестве бесцветный газ метан. Раз метан с воздухом образует взрывы, значит, горит кислород. Тогда, двести шестьдесят миллионов лет

назад, в атмосфере планеты Земля оказалось тридцать процентов кислорода и примерно семьдесят процентов азота.

— Если кислорода тридцать, то почему тогда азота не «ровно», а «примерно семьдесят»? — довольная собой, спросила «Киликия».

— Нас еще в школе учили, что в атмосфере, кроме кислорода и азота, есть еще кое-что по «мелочам». Это инертный, или благородный, газ аргон и «чуть-чуть» углекислого газа. Но ведь не это главное. Я вполне могу ошибаться в цифрах. В конце концов, можно все проверить, заглянув в специальные справочники. Действительно важно то, что тогда девяносто процентов всего животного и растительного мира было уничтожено только вследствие трехкратного уменьшения содержания кислорода в воздухе. Это значит, погибли тысячи и тысячи видов флоры и фауны, о которых мы никогда уже не узнаем. Но, кроме этого, потребовались миллионы и миллионы лет, чтобы возобновилась жизнь.

— Следовательно, если бы не было этого Первого массового вымирания, то люди и, скажем, деревья, сегодня выглядели бы иначе?

— Разумеется. Те пять процентов оставшегося живого и растительного мира, которые сохранились, наверное, должны были претерпеть изменения и в своей анатомии, и в своей физиологии, и в своей биохимии, и так далее, и тому подобное. Достаточно сказать, что должны были в обязательном порядке измениться дыхательная система и состав крови. Тогда, кстати, и зародились динозавры. Однако после Первого массового вымирания (это научный термин) последовало и Второе массовое вымирание, которое произошло спустя сто семьдесят миллионов лет. Причина здесь уже была иная. На землю упал огромный метеорит диаметром более десяти километров. И на сей раз произошли другие изменения. Возможно, такого рода чудовищное сотрясение земли привело к многочисленным извержениям вулканов. Следует заметить, что и в этот раз изменился состав воздуха. На сей раз кислорода стало больше. Десять процентов превратились в двадцать. И соответственно уменьшилось содержание азота в воздухе.

— И что же стало с живыми существами и растительным миром?

— Второе массовое вымирание привело к исчезновению динозавров. Интересно, что увеличился в объеме мозг предшественников современного человека. И вот как это объясняют ученые. Вес мозга человека составляет всего два процента от общего веса его тела. Но при этом он нуждается в кислороде в двадцать раз

больше, чем все другие клетки, органы, системы организма. А тут вдруг общий кислород в воздухе увеличился на сто процентов, в два раза. Все то, о чем я тебе рассказываю, для меня представляет интерес исключительно потому, что эти примеры позволяют проводить параллели с сегодняшним днем. Два известных истории и науке массовых вымирания произошли по вселенским причинам. Они не зависели от чьей-то воли. Занимаясь также проблемами экологии, я не раз убеждался, что мы уже сейчас вплотную подошли к черте, за которой может начаться Третье массовое вымирание. И причиной тому — человек. Миллиарды тонн нефти сгорают, и тепло вместе с ядами поднимается в атмосферу. Это происходит каждую секунду, непрерывно, на протяжении более века. Миллиарды тонн ядохимикатов смешиваются с гумусом земли и с проточными водами, попадают в реки, моря и океаны. Миллиарды кубометров леса вырубаются, и практически ничего не предпринимается для его восстановления. Да и невозможно восстановить то, что растет столетиями. Все это и многое другое в общей сложности напоминает начало Первого массового вымирания на земле. Но ведь есть и нечто похожее на причину Второго массового вымирания — не землетрясение, а сотрясение, похожее на удар огромного метеорита. Речь о рукотворном кошмаре. Это может произойти в разгар атомной войны, от которой нынешний однополярный мир не очень-то застрахован. Наличие ядерного оружия у десяти стран не может быть сдерживающим фактором, пока мир однополярен. Ибо всегда, презрев аргументы демократии и гласности, к власти может придти Ирод или Сулла, Аттила или Гитлер. И тогда в начавшейся войне суммарный взрыв окажется страшнее удара десятикилометрового метеорита. Не говоря уже о последствиях радиации и отравления планетарной земли, мирового океана, где сейчас плывем мы, «Киликия».

— Кто, кроме меня, может услышать тебя? — спросила «Киликия», переворачиваясь с боку на бок.

— Если с нами ничего не случится здесь, в Бискайском заливе, где мы плывем целых два часа, а это значит, уже прошли восемь миль, то я постараюсь, чтобы меня услышали минимум пять тысяч человек.

— Кто они такие, эти пять тысяч человек?

— Это — мои читатели. Такой будет тираж второй книги, над которой я в эти самые минуты работаю.

— Это много или мало — пять тысяч человек?

— Если сравнить с шестью с половиной миллиардами жителей планеты, то это мизер. Но если перевести на другие языки,

то из интереса к тебе, «Киликия», цифра эта может возрасти во много раз. Ладно, разговор наш мы продолжим потом. Может, уже на другую тему. Я ведь вовсе не планировал сейчас беседовать с тобой на тему, столь далекую от твоей сущности...

— Ничего подобного, — не согласилась со мной «Киликия», — она близка даже утонувшему восемьсот лет назад судну, останки которого покоятся на дне океана. Ты часто мне говоришь о моих клетках как производных от клеток моих предков. Так вот, я чувствую, что вся Земля с ее океанами и морями, лесами и горами состоит из практически одинаковых клеток. Человек может умереть, судно может утонуть и тоже умереть, но их клетки остаются, как составные части природы. Но на сей раз речь идет о возможной гибели всех клеток, а значит, — всего того, что сотворено Богом.

...Все труднее и труднее становится писать, а, стало быть, все труднее и труднее будет мне самому разбираться в собственных записях. Вся надежда на то, что после прекращения семибалльного шторма возьмусь за перо и блокнот и тогда стану восстанавливать какие-то детали по памяти.

И все же короткие записи помогли мне после шторма подготовить целый репортаж для газет. Я решил этот репортаж с небольшими поправками и дополнениями поместить в книге.

* * *

Бискайский залив с юга берет свое условное начало именно с Ла-Коруны. Так что, отойдя на каких-нибудь пару кабельтовых от этого вполне уютного порта, мы уже оказались в печально известном заливе, о коварстве которого знают не только моряки. Даже великий ученый и знаток архивных дел директор Матенадарана Сен Аревшатян в телефонном разговоре по-отечески предупреждал, чтобы мы были осторожнее с этим страшным чудовищем, которое ставят в один ряд с такими «кладбищами», как район острова (и мыса) Горн в архипелаге Огненная Земля и «Бермудский треугольник», образованный Бермудскими, Пуэрториканскими островами и полуостровом Флорида.

Киликийские моряки восемьсот-тысячу лет тому назад преодолевали Бискайский залив, проходя вдоль западного берега Франции. Об этом свидетельствуют названия портов, которые встречаются в исторических документах: Сан-Себастьян, Бордо, Нант. Нетрудно представить, каково было судам пробираться по этому маршруту, тем более что тогда не было совершенных навигационных карт с четким указанием глубин и расположения под-

водных рифов. Сложности и опасности и тогда, и сейчас были связаны с приливами и отливами, когда обнажается каменистое дно океана. Однако армянские купцы, в отличие от нас, имели возможность терпеливо дожидаться идеальной для парусника погоды, когда можно было осторожно и спокойно добираться от одного порта к другому, где они вели торговлю. Мы же зависим от нашего жесткого графика. Вот и выбрали, пожалуй, довольно дерзкий маршрут: от самой крайней северо-западной точки Испании, то есть от мыса Финистерре Пиренейского полуострова до самой западной точки, мыса Сен-Матье Франции. Глядишь, за пять, а то и за четверо суток доберемся до конечного порта на Бискайском заливе — до Бреста.

...Пишу эти строки на финише четвертого дня. От последних двух дней почти ничего не осталось в блокноте. Так что буду надеяться только на память. Не знаю, какое расстояние осталось за кормой. По карте — почти четыреста миль. Но зато точно знаю, что до Бреста не более 30 миль. Уже не боясь нарушить принцип морских примет, скажу, что мы добились своего. Пережили такие четыре дня и четыре ночи, с которыми не сравнить то, что с нами случалось ранее. Деревянная ладья не знала ни мгновения покоя. Ниже пятнадцати метров в секунду не падал показатель скорости ветра. Впервые улавливали новые звуки (скрипы, скрежеты) в знакомых мотивах, исходящих во время штормов из «суставов» судна. Помнится, сразу после того, как мы из Гибралтарского пролива вышли в Атлантику, заметили, что волны океана отличаются от морских своей «поступью». Я бы сказал, шаг у них другой. Наверняка эту разницу на своей шкуре почувствовала наша «Киликия». Но вот абсолютно другими волны оказались в Бискайском заливе. Стоит оглядеться — обнаружишь, что они разные на разных участках поверхности воды. Ибо на обозримом пространстве могут прижиться разные морские течения. Но есть и невидимая тайна Бискаия — его дно. Точнее, рельеф дна. Геометрическая фигура Бискайского сосуда напоминает нечто похожее на казан, внутри которого и размещается гигантское нагорье со своими «араратами» и «арагацами». И, естественно, поверхность воды своим «поведением» отражает впадины и вершины горной гряды. К этому остается прибавить то, что присуще морю, — циклоны, вихри, порывы ветров, смерчи.

Самым изнуряющим было не прекращающееся ни на минуту волнение океана. Каждый из нас сотни раз наблюдал воочию нечто, отдаленно похожее на феномен, известный во всем мире как «девятый вал». Наша ладья, кряхтя, взбирается

на вершину океанской горы и довольно спокойно скользит по ее склону с обратной стороны. И вот тут самое впечатляющее, — «Киликия» оказывается в наиболее глубокой точке. Вокруг с четырех сторон вода. И в это мгновение хочется увидеть только одно — только и только — горизонт.

Эти четыре дня и четыре ночи нас успокаивала не только надежность судна, не только наработанный опыт уже «сыгранной» команды, но и мужество и мастерство отдельных членов экипажа. Среди ночи погасли бортовые и вообще ходовые огни, без которых беды не миновать. В кромешной тьме Гайк Бадалян молча, без оханья и аханья, возился целый час, а в это время почти вся команда оказалась в роли впередсмотрящих, чтобы и впрямь не случилось беды. В разгар самого высокого волнения, как это часто бывает (никуда от этого не денешься — сопротивление материалов дает о себе знать), разорвался конец, которым крепится рулевое весло. Я уже говорил о том, что в таких ситуациях вся надежда на юного матроса Мушега Барсеяна. Тут он незаменим. При этом всю работу он выполняет, находясь по ту сторону борта. Это значит, при резких и частых взлетах и падениях судна он должен одной рукой держаться за край борта, другой — работать. Именно здесь, в Бискае, эту картину успел отснять на пленку поистине бесстрашный Самвел Бабасян, который сам должен был с тяжелой камерой то свешиваться за борт, то с трудом удерживаться на ногах на пляшущей палубе. Не знаю, что получится на пленке, но это уже в руках Божьих.

Трудно в такие моменты, часы, дни, ночи представить «Киликию» без двух капитанов — Карена Балаяна и морского волка Самвела Карапетяна, который всегда не только видит море лучше всех, но и как никто чувствует надвигающуюся беду.

Мы уже прошли через самую опасную линию — вершину хребта, напоминающего, как говорят специалисты, китайскую стену.

...Кажется, кто-то уже заметил свет первого маяка в океане. Значит, скоро на горизонте покажется зарево Бреста.

* * *

Я всегда в долгу перед Родиной. Об этом я думаю и тогда, когда, вроде, нужно думать совершенно о другом: о шторме, о «Киликии», о ребятах, которые, едва передвигаясь по качающейся палубе, норовят удержать в руках фалы, шкерты, канаты, веревки, дабы сохранить нужную по отношению к ветру позицию. Я ни на минуту не забываю о Родине, о Карабахе, о том, что без конца Арик выуживает из Интернета сообщения, судя

по которым чуть ли не весь мир заиклился на маленьком Карабахе. Незабвенный Леонид Гурунц, певец этого замечательного уголка Армении, писал: «Мал Карабах. Соловей тоже мал, но когда он поет, то голосу его внемлет весь мир». В то же время я думаю и о ком-нибудь из матросов «Киликии», который в эту минуту оказывался в поле моего зрения. И вот теперь, пристроив блокнот в широком кармане штормовки, я обратил внимание на стоящего у левого рулевого весла Сашу Маркаряна. Черный капюшон его штормовки закрывал пол-лица. Широко расставив ноги, чтобы удержаться на шатающейся скользкой поверхности палубы, Саша время от времени переводил взгляд на компас и соответственно — опять же время от времени — двумя руками налегал на румпель руля, чтобы выправить курс.

Накануне я пригласил его к моему висячему столику, чтобы отдать свой старый должок. Сейчас в самый раз обнародовать наш небольшой диалог, где имеются мысли и о патриотизме тоже.

— Саша, ты единственный, с кем я не беседовал в традиционном моем жанре — «диалог». Напомни, почему ты в прошлом году из Афин вылетел домой. Назови хотя бы главную причину.

— Назову две: работа и семья. Я не предполагал, что мы, по объективному, конечно, причинам, так поздно выйдем в море, и нарушенный график плавания нарушит график моей работы. Кроме того, я понимал, как трудно моей жене с тремя маленькими детьми.

— Ты знаешь, я во время этих бесед, как магнитная лента, записываю все, что мне говорят, и включаю в книгу без изменений. Боюсь, прочитает моя жена и скажет лукаво: «Видишь, какие бывают мужья. Думают о своих женах. А ты при трех детях и целом детском саде внуков оставляешь нас одних». Я шучу. Твои дети маленькие. А мои дети уже сами родители. Хотя, честно признаюсь, что, и когда мои дети были еще в детсадовском возрасте, я месяцами кряду путешествовал. Скажи, что ты чувствовал, когда в Афинах оставил судно?

— Сказать правду?

— Конечно.

— А, черт с ним, скажу. Я два дня плакал.

— А чего скрывать! Чего стесняться! Радоваться надо. Ты ведь на «Киликии» находишься на особом счету. Ты — сама история. Догадываешься, о чем я говорю?

— Да. О том, что мы с Кареном Балаяном первыми отправились в лес на Северный Кавказ, в Туапсе. Мне самому порой кажется, что это было чудом. В самое тяжелое время для Армении,

в 1991 году, в блокаду, в холод, в голод... И мы, в условиях еще существовавшего СССР, привезли в Армению, на Севан дубовицу для скелета будущего судна, у которого еще не было имени.

— В то время ты был уверен, что затея ваша, точнее, скелет этот перерастет в настоящий красавец-корабль, который может выйти даже в океан?

— Ну, насчет океана, признаюсь, я в то время не думал. Нам было достаточно хотя бы в Севане поплавать.

— Хочу спросить тебя: как получилось, что в прошлом году вышли в море без слаженной, без сыгранной команды? Ведь уже во время первого шторма из шестнадцати человек всего пять или шесть остались на палубе. Остальные вышли из строя. Я помню, в самый разгар шторма мы стояли с Кареном на корме, крепко держась за выступы борта, и я сказал ему: «Карен, ты знаешь, что «Киликия» — это практически плоскодонка, которая запросто может перевернуться. А тут полкоманды вышло из строя». Он ответил мне: «При восьмибальльном, а тем более девятибальльном шторме может перевернуться и судно с очень глубоким килем. Я верю в наш корабль. Так что я пошел на риск». Чтобы успокоить капитана, я завершил ту нашу беседу банальной формулой: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

— Я согласен с Кареном, — сказал Саша, — тут еще надо говорить о другом. Отправляясь в почти кругосветное путешествие, нужно иметь команду не только из профессиональных моряков, но и из людей, наделенных талантом путешественника. Думаю, в будущем легче будет собрать достойный во всех отношениях экипаж.

— Ты вот говорил о семье. Представь домочадцев по именам. Тем более, что во время многодневного шторма я перечислял имена детей всех, кто находился на судне, кроме твоих. Так получилось случайно. И скажи возраст детей.

— Жена Гаяне. Старшая дочь Анна — десять лет. Младшим — Мери и Мане — по четыре с половиной, они двойняшки.

— У тебя, я знаю, диплом инженера-конструктора. Хоть один день приходилось работать по специальности?

— Нет. Ведь СССР распался практически в годы перестройки. Уже тогда стали разрываться все нити интеграции. А у большинства инженеров работы были связаны с интеграцией, плановым хозяйством, когда без задержек привозили сырье и вывозили куда-то готовую продукцию. И мы, молодые специалисты, понимали, что истинный патриот обязан как можно скорее приноровиться к условиям рыночных отношений. Увы, нас

не ценили, не понимали. Мешала инерция мышления чиновников, которые пребывали в уверенности, что социализм будет существовать вечно. А вот мое поколение, примерно тридцатилетнее, рвалось в новую жизнь. Мог ли кто-нибудь не только до распада СССР, но и до перестройки подумать, что настанет день, когда Армении нужен будет специалист по конкурсным торгам или, как в народе говорят, «тендеру»? На этом держится вся мировая экономика. То, о чем я говорю, входит в программу Всемирного банка, в рамках которой все товары, работы (бизнес) и услуги покупаются и путем конкурса. Скажу вполне серьезно: нынче подлинный патриот начинается именно с государственного подхода к этому институту, что значит: честно и с чувством полной ответственности перед Родиной, именно перед Родиной, относиться к службе, от которой зависит очень много.

— Спасибо тебе за подсказку такой важной публицистической темы. Напоследок два слова о будущем «Киликии».

— Знаете, и здесь тоже речь пойдет о патриотизме. Мы, честно говоря, в самом начале не предполагали, что «Киликия» так горячо будет воспринята нашим народом. Это ведь очень важно, особенно в наши нелегкие дни. Исходя из этого и надо строить дальнейшие планы. Вернется корабль домой, и, наверное, нам следует подумать о создании нового судна для реализации новых, более сложных проектов.

— Одна поправка. О новом судне надо думать не после того, как завершится последний этап плавания под названием «Возвращение», а сейчас. Столь важные вещи нельзя откладывать на потом. Иначе нам не простят ни наш современник, ни сама «Киликия», ни наше будущее.

* * *

Не знаю, какой из дней за все время плавания оказался все-таки самым страшным в буквальном смысле этого слова. Три часа пополудни 12 августа 2005 года. Запись в блокноте сделана крупно, чтобы можно было потом прочитать. «Боже мой! Что с нами делает Бискай?!» В самом верху страницы слова, написанные утром того же дня: «Вместе с Ариком и Мушегом чистили картошку. Я вспомнил службу на флоте». Уже тогда ветер не просто выл, а будто кричал, давая понять, что скорость его будет расти и расти. А потому невольно появилось это мое восклицание «Боже мой!» На другой странице уже другое: «Черт возьми! Ведь не только слышу, но и вижу, как трещит лодка по швам. По крайней мере, я сам чувствую ее боль. Значит, и «Киликия» чувствует. Удивитель-

но, но ни у кого из нас нет чувства страха. Каждый занят своим делом. И все же в такой ситуации «Киликия» явно должна чувствовать боль. Надо с ней поговорить об этом. Я ей скажу, что у людей имеется целая наука о боли, по-латыни «долор». Кстати, от этого слова происходит имя Долорес. Я ей расскажу о том, что так звали дочь великого армянского писателя, публициста, юриста, общественного деятеля, борца за освобождение армянского народа Григора Зограба. С восьмидесятилетней Долорес я встретился в Нью-Йорке. И написал о той встрече в книге «Дорога» (книга опубликована в пятом томе Собрания сочинений). Долорес поведала мне ужасную историю о том, как утром 24 апреля 1915 года турки пришли за ее отцом, и с тех пор его никто не видел. Ей тогда было всего шестнадцать лет. На ее долю выпала тяжкая судьба, и во время беседы, иронически улыбаясь, она отметила: «В имени моем отразилась вся моя жизнь».

Я попытался уговорить «Киликию» коротко побеседовать, презрев неслыханную качку. Рассказал ей о трагической судьбе Долорес Зограб, чье имя означает «боль», и справился о том, не чувствует ли она сама боли в сильный шторм?

— Боли не чувствую. Чувствую другое. Мы ведь с тобой об этом говорили... Вот тебе кажется, я трещу по швам. Вообще-то это верно.

— Это очень важно. Скажи мне, что ты чувствуешь именно в эти мгновения?

— Не боль. Боль, наверное, это несколько «своеобразное» ощущение... Я, конечно, не смогу объяснить ее сущность...

Беседа эта, не очень приятная и даже немного жестокая по своей сути, проходила в соответствующей теме обстановке: все те же скрип и скрежет, удары от взрыва волн, «сотрясение мозга» и всех клеток от падения на глубокое дно ямы, ощущение «разрыва по швам»... Я уже чувствовал неловкость от самой беседы, от самой темы. Но чувствовал и то, что «Киликии» просто нужна эта беседа.

— Мы ведь, «Киликия», думаем обо всем этом вовсе не из праздного любопытства. Я не раз повторял и себе, и тебе, и всем, что «Киликия», кровь из носу, должна в целостности-сохранности вернуться домой, на Севан. Ты должна и на Севане трудиться для детей. Трудиться во имя будущего.

— Я это очень хорошо понимаю.

— Именно поэтому мы решили завершить второй этап не в Амстердаме, а в Лондоне, где проживают многие наши соотечественники. Тебя ведь надо не только охранять, но и оберегать. По

секрету скажу, что весь мир будет говорить о том, что мы второй этап завершили в Портсмуте, и лишь ты одна будешь уверена, что это не совсем так. Для тебя одной второй этап закончится в будущем году в Амстердаме. Дело в том, что все твои предки, киликийские армянские суда, с нашими предками, киликийскими армянскими моряками, завершали свои походы в Амстердаме, который в летописных материалах обозначен как «последний порт». Так что мы сделаем все, чтобы каждый наш шаг был исторически выверен. Подлечимся в будущем году в Портсмуте, организуем в Лондоне торжественный вечер, посвященный экспедиции «Киликия». Торжества по случаю официального старта третьего этапа экспедиции ««Киликия”»: плавание по семи морям» будут проведены и в Амстердаме тоже. Главное, «Киликия»-джан, что ты войдешь в историю не только как первое, но и как единственное в мире судно, которое совершило путешествие вокруг Европы в полном смысле этого слова. Ты имеешь возможность доказать, что Европа, или весь Старый Свет, — это не полуостров, а... настоящий остров.

— Это что-то новое, — удивилась «Киликия», подпрыгивая на волнах.

* * *

В три часа ночи (или утра) 14 августа «Киликия» перешла границу между Бискайским заливом и Брестской бухтой. Казалось, самое страшное уже позади. Однако мы не знали, что нам предстоит еще одно испытание после четырех бессонных дней и ночей. Неожиданно хлынул дождь. Лило как из ведра. Явление в море обычное, но это произошло в бухте, где «Киликия» должна была строго соблюдать правила фарватерного движения. А в проливной дождь почти невозможно увидеть навигационные огни. Приходилось вести судно буквально на ощупь, вслепую, полагаясь только на компас. И вот тут, в который раз за оба этапа плавания, команда с благодарностью думала о человеке, который находился среди нас. О Самвеле Карапетяне — моряке от Бога.

Вроде бы можно бросить якорь и дожждаться, пока пройдет ливень. Однако «Киликия» находилась уже в фарватере, и поступить так — примерно то же самое, что в час пик остановить машину на проезжей части улицы.

К счастью, за полчаса до входа в порт ливень прекратился, и тотчас же, словно по команде, зажглись огни Бреста.

Еще накануне мы были уверены, что в этом городе мы будем чувствовать себя просто сиротами. По крайней мере, посол Армении во Франции Эдуард Налбандян сообщил мне по телефону,

что там нет армян. По-своему он был прав. Там нет, так сказать, прописанных армян. Однако посол и его помощники нашли-таки одну смешанную семью. Муж — армянин, Перч Экимян, жена — француженка, Верджини Экимян. Родились они оба во Франции. Есть трудности с языком. Но зато налицо одно преимущество. Верджини (или, как зовут ее близкие, Джини) ужасно активная женщина. Ей только дай задание и отойди в сторону. Так и поступил Эдуард Налбандян. И был прав. Верджини нашла в, казалось, забытом Богом городе около двадцати армянских семей. И все они целый день были гостями «Киликии». Правда, что ни семья — то человеческая драма. Вот, к примеру, семья Атаян. Беженцы из Баку. Глава семьи Арташес Атаян родом из Шемахи. Родился в Баку. Женился в родном городе. Вместе с женой Верой создал крепкую, дружную семью. И когда в 1989 году начались погромы армян, Арташес решил, что не оставит свой дом. Предвидя беду, вынудил родню покинуть город, а сам остался. Осталась с ним и Вера. Еще до кровавого января 1990 года Арташеса зверски убили в собственном дворе, били и добивали ногами и камнями. Вера похоронила мужа и чудом спаслась сама. И вот сейчас она с детьми и внуками живет в Бресте.

Самые трогательные минуты — это когда судно медленно отходит от стенки, от причала, а там, наверху, стоит группа людей. Они не просто провожают «Киликию». Они... плачут. Кто-то держит на руках ребенка, кто-то вытирает слезы. Это — твои соотечественники. О каждом я что-то успел узнать. Мы расстаемся. И кто знает, встретимся ли еще когда-нибудь. Но всегда буду помнить об одном непреложном факте: они любят свою Родину, символом которой в эти дни для них была «Киликия». Сейчас у нас другие мысли. Надо пройти последний участок пути. Финишную прямую. Пролив Ла-Манш, или Английский канал. Так пишется на картах. Много мы прошли проливов. Но Ла-Манш необычен уже тем, что у него огромные параметры. Длина достигает более полутысячи километров. Самое узкое место — 32 километра, самое широкое — около двухсот километров. Глубина фарватера — 35 метров.

На вторые сутки после Бреста мы плыли вдоль многочисленных островов, среди которых есть хорошо знакомые морякам Джерси и Гернси. Особой популярностью пользуется Гернси, который лежит в 35-ти милях от Франции и принадлежит Англии. Моряки хорошо осведомлены о нем потому, что его омывает ответвление легендарного течения Гольфстрим. А посему там круглый год тепло, как в Мегринском районе Армении.

Гернси долгое время служил для нас ориентиром, а после него, оставляя на востоке мыс, мы взяли курс на крохотный островок Уайт — это уже английский берег, берег острова Великобритания. По всей вероятности, наши киликийские предки тоже в этом месте держали курс на Уайт (мы же идем их дорогами, которые сегодня стали нашими). Дело в том, что Уайт закрывает своим «телом» с юго-западной стороны вход в бухту Портсмута. Там — наша цель. И, думаю, к утру 19 августа мы прибудем туда (стучу по дереву). У нас имеется запас времени, и мы можем и лавировать, и маневрировать, и, даже, при необходимости (если поможет попутный ветер), придти раньше времени и бросить якорь где-то на рейде. Дело в том, что, как сообщил нам Степан Карташян из армянского посольства в Великобритании, портовые службы Портсмута просят, по возможности, прибыть в порт от девяти тридцати до одиннадцати тридцати утра 19 августа, ибо в другое время придется томиться в очереди целого каравана судов. Оказывается, такое тоже бывает.

* * *

...Уже обозревается освещенный слева красноватыми лучами заката западный берег острова Уайт. А когда доберемся до него — одному Богу ведомо. Сплошные галсы, кривуны, зигзаги и посему удлиненные мили. Все же, кажется, успеем. И вроде это уже последний репортаж, который я пишу непосредственно в море. Завершу, как это было в прошлом году перед Венецией, небольшой арифметикой второго этапа плавания в рамках проекта «Киликия»: плавание по семи морям». Вылетели из Еревана 25 апреля. Прошло три месяца и двадцать четыре дня. Вышли в море 9 мая и вот уже три месяца и десять дней находимся в море. Прошли (последние мили прибавим потом) более четырех тысяч миль по карте, а реально — чуть более шести тысяч миль, или около одиннадцати тысяч километров. Поднимали государственные флаги шести стран. При этом Италии, Испании — по два раза, а Франции и Великобритании — по три. В общей сложности за два этапа плавания на борту «Киликии» развевались флаги девятнадцати стран. О том, сколько было штормов, сколько штилей, в скольких портах останавливались более чем на сутки и о многом другом поведаю, все скрупулезно подсчитаю, «бортовая статистика». А пока скажу, что большую часть пути мы мерзли. Старожилы говорят, что в Атлантике на Восточном побережье таких холодов в августе не бывало давно.

...Все ближе и ближе крохотный остров Уайт.

* * *

Ночной, точнее, предупреденный Портсмут представился нам не просто портом, а целой планетой огней, которых не было только на узкой полосе, оставшейся уже за бортом «Киликии» — это ворота в бухту. Сплошные огни. Прищуришь глаза — словно и не зарево, а пожар. Я бы даже сказал, холодный пожар. Вот в этой бескрайней планете огней нам нужно найти тот двадцатиметровый срезок причала, который выделен «Киликии». Нелегко пришлось бы нам, если бы не постоянные телефонные звонки секретаря армянского посольства в Лондоне Степана Карташяна. Он звонил портовым службам через каждые полчаса и тотчас же передавал нам информацию о том, как пробираться в сложных лабиринтах порта. Ночь выдалась, можно сказать, морозная. Те, кто спали, потом признаются, что мерзли. На вахте стояли в штормовках с застегнутыми капюшонами. Многие все-таки были наверху.

В час тридцать ночи меня разбудил Тигран Алаян: «Вставайте, дедушка! Вас ждут великие дела. Сын ваш, Гайк, сообщил только что: очередной внук родился. Вернее, внучка». Я вскочил. Включил свет. Посмотрел на экран сотового телефона. Час тридцать. Значит, в Ереване пять тридцать. Трое моих детей и четверо внуков родились именно в такое время, и вот пятый — то же самое. Значит, я спал всего-то минут тридцать-сорок. Всего тридцать-сорок минут назад я написал четверостишие в блокноте: «Все жду вестей из Еревана. Которую не сплю я ночь? В соленых водах океана все думаю: ну как там дочь?» Наверное, поставив точку, заснул. В голове вертелось уже продолжение строфы, но я решил подняться на палубу. Штормовой океан, точнее, штормовой Ла-Манш. Холодный порывистый ветер. Чистое небо, хотя не увидишь ярких звезд. Слишком уж ярко светила луна, и слишком ярко светилась лунная дорожка, которая в волнах напоминала движущуюся вулканическую лаву. Я орал. Плясал на мокрой от сырости палубе. Я не знал, куда деваться от счастья. Хотя мне давно сказали, что родится внучка. Как ни наказывал детям, чтобы не определяли пол ребенка, ничего не вышло. Узнали мои милые «негодяи». И немудрено, ведь старшая дочка Сусанна работает врачом-сонографистом. Мало того, знал, что назовут по имени бабушки Мери, матери моего зятя Давида Гаспаряна. Вот и кричал я: «Родилась Мери!» Кто-то запел строку, кажется, из забытой оперетты «Красотка Мери». Тут же в голове появились строки, где было это словосочетание: «Но не успел поставить точку, как сообщил Гайк в океан, что родила Лусинка дочку, красотку Мери Гаспарян».

Ну попробуй уснуть после этого! Малость успокоившись, крепко обнял Тиграна, сказав, что с меня причитается. И заодно поздравил его самого с днем рождения. Тигран тоже родился 18 августа. Ровно сорок три года назад. Так что вечером того дня, соблюдая традицию, мы отметили на палубе сразу два дня рождения.

Но вернемся к вопросу о навигации в бухте Портсмута. Неожиданно появились быстро двигавшиеся на нас встречные мигающие огни. Полицейский катер оставлял за собой лунную дорожку, более того, сопровождал нас почетным эскортом. Надо отметить, что полицейский катер тоже организовал Степан Карташян. Добирались до причала долго. Действительно, не порт, а целая планета. Наконец, полицейские показали нам наше место стоянки. Мы ужаснулись. Даже с помощью рожка не влезешь в «обувь» такого размера. Каких-нибудь двадцать три метра, когда длина самой «Киликии» двадцать метров.

— Вот если бы тот катер отошел от носа метров эдак на пять... — сказал я.

— Вот если бы тот катамаран отошел от кормы метров эдак на десять, — подхватил мою мысль Тигран.

— Вот если бы... — хотел что-то добавить Саша Маркарян, но его строго перебил капитан-наставник и штурман-лоцман Самвел Карапетян:

— Хватит, гадая, мечтать и, мечтая, гадать. Будет достаточно и тех метров, которые нам выделили. Более того, впервые мы влезем не косо носом, а плашмя бортом, идя к понтонному причалу.

Это был уже верх швартовой эквилибристики, казалось, неуклюжей, неповоротливой «Киликии», которую мы еще в прошлом году назвали динозавром.

Семь часов с минутами по Гринвичу. Свершилось! Состоялось! Но как этот финиш не похож на прошлогодний. Как это место не похоже на остров Святого Лазаря в Венеции, где есть маленькая Армения и добрый аббайр. И все же мы уже в Англии, которую испокон веков называют «старой и доброй». Зная о том, что в этот пятничный день никто не придет навестить нас (как-никак, от Лондона два-три часа езды), мы улеглись спать. По большому счету, мы страдали хроническим недосыпанием.

...Словом, я встал далеко за полдень, а вот некоторые спали до позднего вечера.

Мы уже знали, что лишь в одиннадцать часов следующего дня, в субботу, придут гости, и будет у нас не просто праздник, а нечто большее.

Поздно вечером капитан сообщил, что подъем — в семь, завтрак — в восемь. А после — аврал. Ведь в Бресте у нас было пополнение. Как и в прошлом году, на финишную прямую прилетел из Москвы опытный яхтсмен и водномоторник, посол «Айаса» в России Армен Есяян. Нам предстояла генеральная уборка.

* * *

...Без пяти минут одиннадцать двадцатого августа на территорию яхт-клуба вошли многочисленные гости. Конечно же, впереди быстрыми шагами (она иначе не может) шла баронесса Кокс, за которой едва поспевала целая рота. Временный поверенный посольства Армении, заменяющий посла во время его отпуска, Карине Худавердян, секретарь посольства Степан Карташян, епископ Натан и, действительно, целая рота соотечественников. Шествие замыкал большой отряд по-молодежному красочно и по-военному строго одетых скаутов. Это уже, конечно, дашнаки. Вскоре кто-то поспешил сообщить, что идут мэр Портсмута лорд Меир с супругой, увешанные отличительными знаками-гирляндами.

На правах комиссара «Киликии» я дал команду капитану Карену Балайяну поднять флаг Республики Армения. Тотчас же стоящий на специальной вахте Гайк Садоян включил мелодию гимна Армении. Затем была дана команда лорду Меиру и леди Кокс поднять британский флаг. Зазвучал гимн Великобритании. Затем были подняты имеющие огромное историческое значение для нашего народа флаги Арцаха и Армянского Киликийского царства, киликийских царей и киликийских городов.

Экипаж в последний раз облачился в национальные традиционные киликийские таразы. Это действительно было нечто большее, чем праздник. Надо было видеть лица наших соотечественников со слезами на глазах.

В самый разгар праздника на борт «Киликии» (после того как ушли лорд Меир с супругой и сопровождающие его лица) поднялись двое молодых полицейских из британского Интерпола. Попросили у капитана мой паспорт. Нетрудно было догадаться, что это очередная провокация. Но когда полицейские прочитали письмо Генерального секретаря международного Интерпола Рональда Нобла и выслушали своеобразную обвинительную речь второго спикера палаты лордов Великобритании баронессы Кокс, они поняли, что сами оказались жертвой провокации со стороны тех, кто прислал им пасквильное сообщение.

Пользуясь случаем, хочу обратиться из последнего порта, куда причалила «Киликия», к начальнику полиции Республики

Армения Гайку Арутюняну (который, кстати, так много сделал для успешной реализации проекта «Плавание по семи морям») со следующей просьбой: сообщить об этом инциденте Генеральному секретарю Интерпола, чтобы он разослал циркулярное письмо соответствующего содержания во все национальные отделения Интерпола о непрекращающихся провокациях в отношении меня. Ибо нет сомнения в том, что они в большей мере оскорбляют честь и принижают авторитет самого Интерпола.

* * *

...Плывет ли «Киликия» в море, стоит ли, прижавшись крапцями к стенке причала, все равно, — каждый из нас продолжает выполнять свою судовую роль. Все двадцать четыре часа на борту судна вахтенные несут свою вахту. Лишь у рулевых весел никого нет. И все же совершенно другое ощущение от сознания, что поход завершен. Можно, конечно, сказать точнее: завершен очередной этап длительной экспедиции. Но, повторюсь, ощущение уже другое. Уже чувствуется близость дома.

Как и в прошлом году, первым поздравил экипаж Президент Армении Роберт Кочарян, который, в частности, отметил: «Преодолевая большие расстояния и опасные трудности и проявляя при этом волю и выдержку, вы гордо несли на своем паруснике флаг нашей Родины».

Президент Арцаха Аркадий Гукасян напомнил нам, что миссия наша на сей раз «завершилась в преддверии четырнадцатой годовщины провозглашения Нагорно-Карабахской Республики, чей флаг вместе с флагом Армении гордо реял над «Киликией» в ее историческом походе».

Сос Саркисян, который чуть ли не еженедельно звонил по телефону на борт «Киликии», прислал телеграмму: «Во время вашего плавания я мысленно находился с вами на борту армянского парусного судна «Киликия», регулярно связывался по телефону с Зориком и успокаивал себя тем, что слышу ваши голоса. То, что вы сделали, поистине достойно нашего героического времени...»

Я с благодарностью подумал о том, как великий артист и гражданин точно обозначил суть нашего времени — «героическое». Знал, что словосочетание это непременно внесу в книгу. И подумал: а все ли наши соотечественники время наше, эпоху нашу считают героическим? Ведь приглядишься, призадумашься, прислушаешься к тому, как наше общество расколото, как много недовольных жизнью, властями, дискредитацией рыночных отношений, отсутствием веры и надежды в завтрашний день... И вдруг

это сосовское «героическое время». Что ж, соглашаясь с моим верным, с моим боевым другом, я скажу о том, что время наше мы превратили в эпоху, сделали его поистине героическим. Карабахское движение было обречено на победу, ибо армяне отстаивали свою Родину. Они, как поется в песне, за ценой не постояли.

Надо было видеть, с каким вниманием слушали ребята телеграмму Сержа Саркисяна, который, наверное, не мог не сказать:

«Я хорошо помню нашу первую встречу на борту «Киликии» поздней осенью 2003 года на Севане. Тогда шли робкие дебаты по поводу маршрута и графика первого этапа плавания. Надо признаться, что в то время мало кто верил в успех этого поистине дерзкого проекта. Но, думаю, достаточно было познакомиться с теми, кто строил судно, увидеть собственными глазами корабль и его средневековый такелаж, чтобы до конца поверить в серьезность и в высокое чувство ответственности преданных своему делу и романтично настроенных людей. Неизгладимое впечатление оставили у меня и те мгновения, когда в Гибралтаре я провожал в Атлантический океан «Киликию», несущую на борту впервые спустя 800 лет флаг Армении, за свободу и независимость которой отдали жизни тысячи и тысячи сыновей нашего народа. Преодоление опасных преград всегда сопряжено с проявлением большой воли и мужества. И в этом отношении два этапа многомесячного плавания показали, что вы являетесь собой пример для подражания, особенно для молодежи, готовящейся встать в ряды вооруженных сил нашего Отечества...»

Обязывающее слово прислал из Москвы юрист-международник, крупный специалист по международному морскому праву Юрий Барсегов, которого экипаж хорошо знает по его многочисленным научным трудам именно о морской истории Армянского Киликийского государства: «...Я понимаю, насколько это важно в планах историческом, научном, спортивном, но особо хочу подчеркнуть роль и значение вашего путешествия в деле возрождения морских традиций нашего народа...»

Мы были счастливы от сознания того, что откликнулся на успешное завершение второго этапа плавания Федор Конюхов. Не думаю, что сегодня есть человек, которому не знакомо это имя. Федор Конюхов легендарный русский путешественник, альпинист, полярник, мореплаватель, совершил на яхте несколько сложных по маршруту кругосветных плаваний. Экипаж «Киликии», узнав, что на днях у Федора родился сын, поздравил счастливого отца, который своего наследника назвал Николаем в честь святого Николая-угодника, хранителя мореплавателей. И вот что

написал человек, жизнь которого измеряется не только годами, но и миллионами: «Даже не знаете, как вы прославили Армению. Уму непостижимо — на деревянной ладье, построенной собственными руками по древнеармянским миниатюрам, пройти по Черному морю, по всем морям Средиземноморского бассейна, выйти в океан — это, действительно, огромный успех. Мне посчастливилось принимать участие в испытаниях «Киликии» на Севане в 2003 году. И уже тогда я поверил в успех предприятия. Теперь, после всего этого, я убежден, что вы одолеете и весь Атлантический океан. Повторяю, скажу не без гордости: сам не раз ощутил то, как это сладко и здорово — прославлять Родину».

* * *

Весть о том, что в Портсмуте находится древнее, как мир, парусное судно, построенное в горах Армении по макетам и схематическим чертежам восьмисот-девятисотлетней давности, мгновенно облетела окрест лежащие населенные пункты. И жители этого огромного порта, являющегося своеобразными воротами Лондона, поспешили в яхт-клуб, чтобы посмотреть на «Киликию» и даже потрогать ее. Ребята без усталости отвечали на многочисленные вопросы многочисленных любопытных англичан. Портсмутцы хорошо знали, что через день-другой «Армянское чудо» (так окрестили наш корабль) поменяет место стоянки и отправится на остров Уайт, где его и поднимут на берег. В день отхода провожать «Киликию» на зимовку пришло огромное количество людей.

Такой погоды экипаж не видел за все время своего путешествия. Остров расположен на расстоянии шести миль (одиннадцать километров) от Портсмута, и нужно было выйти из бухты в открытое море, каковым, по сути дела, является Ла Манш, или Английский канал. Говоря о необычной погоде, я имею в виду не туман, не ставшие привычными сильный ветер и волнение моря, не то, что воздух был даже не холодным, а морозным и даже не на редкость крупный град, который, грохоча, колотил по палубе. Дело в том, что все это, вместе взятое, воспринималось нами как своеобразный бунт природы именно в тот момент, когда «Киликию» готовили к поднятию на сушу. Есть, конечно, нечто противоестественное в том, что судно стоит на берегу. И невольно думаешь, что природа протестует.

Об этом острове я уже писал. Он словно прикрывает своим телом бухту Портсмута. Остров многолюдный. Несколько населенных пунктов. Самый крупный — город Каус. Именно там и

проведет «Киликия» около девяти месяцев. Не на воде, а на берегу. Но от этого никуда не денешься. Остров Уайт — это не остров Святого Лазаря, где живут только армяне, которые с любовью и трепетом ухаживали за армянским судном, стоящим на воде. Каждый день они откачивали воду помпами. Здесь же для надежности, хочешь не хочешь, надо вытащить на берег нашего плавающего динозавра. Но прежде нужно освободить его от балласта.

«Киликия» сейчас стоит на стапелях, то есть на подпорках высотой не более полуметра-метра. Часть такелажа и вещи сложили в большой комнате. Оформили договорные документы. Утром экипаж на пароме отправился в Саутгемптон, где на причале ждали активисты местного комитета партии Дашнакцутюн во главе с лидером Жоржем Ованесяном. Большую помощь оказали нам представители армянской общины Баграг Назарян и Гарник Амирян. Они обещали регулярно навещать судно, чтобы «Киликия» не скучала на чужбине. Хотя, как вскоре выяснилось, остров этот не такая уж и чужбина. На вопрос о том, что означает название острова Уайт, хозяева яхт-клуба, словно сговорившись, отвечали: «Никто этого не знает». На слух слово это означает «белый». Однако пишется совсем по-другому. Кто-то из английских яхтсменов и предложил назвать его хотя бы на время пребывания там армянского судна «Киликией». Но выяснилось, что и тут имеется некая заковыка с транскрипцией. По-английски «Киликия» произносится как «Силисия». А нас это не очень устраивает. Так что решили все оставить без изменений.

* * *

21 августа 2005 года. Воскресенье. С четырех утра стучу на машинке. Завершаю последние страницы будущей книги. То и дело встаю с места. Я уже нашел главную тему для концовки книги, ничего, казалось, не должно мне помешать. Но мое второе «я» сопротивляется. И вдруг все разом становится на свои места. С первыми лучами света, которые просачивались в комнату, я подумал о том, что начался новый день. И не буднич- ный, а воскресный. А в патриархальных семьях в такие дни вся родня собирается у дедушек и бабушек, чьи дома англичане называют не только крепостями, но и храмами. И почему бы нам не сходить в наш храм?! Вот, оказывается, какая идея точила меня изнутри! Благо в Лондоне это не проблема. Много раз я бывал в этом городе, и всегда меня возили в армянские церкви.

Перелистал блокнот, нашел записи, сделанные накануне. Мне нужен был телефон Гарника Амиряна. Читаю посвящен-

ную ему страничку. Родом из Ирана. За полтора года до Исламской революции один отправился в Лондон. Продолжил учебу. Стал инженером — специалистом по электрике. Отправился в США. В Глендейле познакомился, как он сказал, с «иранской армянкой». Женился. Имеет двух дочерей. Решил переехать в Лондон, где все намного «уютнее и чище». Используя старые связи, нашел хорошую работу. Все шло нормально: жилье, свой бизнес, свои мечты о счастливом будущем семьи. Собрался вылететь в Америку за семьей, но не тут-то было. Нельзя. Изменились какие-то законы, связанные с Ираном. В американском посольстве отвечают очень коротко: «Нет, и все». Вот и встречаются Амиряны в третьих странах.

Выяснилось, что Армянская апостольская церковь святого Саркиса находится буквально рядом. Гарник не преминул добавить: «Кстати, церковь построена на средства Галуста Гюльбенкяна».

Я позвонил капитану:

— Карен, быстренько вставай, разбуди Самвела...

— Что случилось? — спросил он, ничего не понимая.

— Нас ждет Галуст Саркисович.

— Кто это?

— Галуст Саркисович — это Гюльбенкян, который построил в Лондоне церковь святого Саркиса. Выяснилось, что церковь его находится буквально рядом. А сегодня воскресенье. Я думаю, назрела необходимость пообщаться с самим Господом Богом, чтобы поблагодарить за успешное окончание второго этапа плавания.

— Гениальная идея, — Карен уже явно проснулся, — сейчас же разбужу Самвела.

* * *

Капитан, капитан-наставник и я слушали лекцию-проповедь. Прозвучало библейское предупреждение: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». А ведь как это верно! Мы не раз убеждались, что дьявол многолик, и он чаще всего скрывается именно под привлекательной личиной.

Я сидел в церкви, вслушиваясь в мудрые слова священника-лектора, делая в блокноте зарисовки. Лица в профиль, спины, затылки, детали алтаря. Переписал надпись на мраморной доске, встроенной в квадратную нишу стены: «Галуст Саркис Гюльбенкян, 1869—1955». У самой доски стоит столик с огромным количеством горящих свеч. Так что от этой стены веет и

теплом, и светом. В который раз во время плавания я с благодарностью думал о Галусте Гюльбенкяне. Ведь это благодаря ему здесь и сейчас собрались находящиеся на чужбине соотечественники. Нам-то все это было неведомо. Нам в вузах в обязательном порядке читали лекции по атеизму. Мое поколение не знало, как выглядит Библия. Думаю, и это тоже привело к распаду великой державы.

А сейчас среди множества книг, без которых мне никак нельзя эффективно выполнять судовую роль летописца, самое почетное место занимает Библия.

Обо всем этом я размышлял, сидя в церкви, построенной Галустом Гюльбенкяном.

* * *

Боже мой, до чего тянет в море, в штормовое море! Пусть будет нескончаемый ураганный ветер, но только бы находиться в море. Только чтобы не на суше, не в этой суете сует. Это ж надо, какая нагрузка навалилась на нас! Надо завершить консервацию судна. Разложить все наши вещи, в том числе и книги. Выяснилось, что опять мы столкнулись с ужасной проблемой, связанной с финансами. До сих пор не купили авиабилеты. Думали, оставшихся денег после покупки спасательного плота и спасательной моторной лодки хватит на то, чтобы приобрести билеты хотя бы для половины экипажа. Но кормить четырнадцать человек на берегу трижды в день — это не шутка.

Я позвонил Наире Мелкумян в фонд «Армения». Объяснил что к чему. Через час представитель фонда «Армения» в Лондоне Армине Карапетян прибыла в отель «Визитере» за документами, которые мы оставили у администратора. Сами всей командой отправились в центр Лондона к легендарному зданию, в котором размещается Палата лордов. Там леди Керолайн Кокс устроила «киликийцам» уникальную в своем роде экскурсию. Добрых три часа она рассказывала во всех подробностях об истории палаты, показывала многочисленные картины и скульптуры. После экскурсии Кокс пригласила нас на обед, пообещав на прощание, что свое расписание на будущий год непременно спланирует так, чтобы находиться в Лондоне накануне старта «Киликии».

Вечером в отеле встретились с Армине Карапетян, которая сообщила, что все проблемы решены. На следующий день утром билеты на рейс «Лондон—Ереван» были на руках у капитана.

До вылета оставалось два дня.

С билетом в кармане ежеминутно думаешь о том, что с календарной неизбежностью приближается миг встречи с домом. А пока у нас в запасе сорок восемь часов, и мы не прочь познакомиться с историей «английской» Армении.

* * *

Конечно же, все началось с Киликии. И началось ровно восемь веков назад. В разгар крестовых походов британцы впервые оказались в Киликийской Армении при царе Левоне II. Еще в 1191 году на Кипре на свадьбе английского короля Ричарда Львиное Сердце почетным гостем был армянский царь Левон II. А в 1385 году армянский царь Левон VI был посредником в военном конфликте между королем Ричардом II и королем Франции. В 1688 году королевским указом для армян был узаконен статус «свободных граждан Англии».

В 1870 году в промышленном Манчестере была построена церковь Святой Троицы, а в 1922 году в Лондоне — церковь Святого Саркиса. С 1975 года армянская община арендовала церковь Святого Петра. В 2000 году армянский предприниматель Ваче Манукян приобрел здание и перестроил его. Благодаря Манукяну сегодня действует редкостной красоты церковь святого Егише.

В настоящее время только в Армянский церковный совет в Лондоне входит более двадцати представительств от армянских национальных партий и общественных организаций. Совет является единственным выборным органом, который координирует все сферы жизни армянской общины. Это около двадцати тысяч человек. В день, когда община организовала настоящий праздник в морском порту Портсмута, мы встретились со многими ее представителями: со взрослыми и детьми, со старыми знакомыми и теми, с кем уже успели подружиться.

...Не забыть те тревожные для всего экипажа мгновения, когда Тигран Алаян позвонил в Ереван и ему сообщили, что врачи срочно требуют отправить его больную дочь в Москву. Помимо сотрудников армянского посольства, помочь нам бросились несколько человек. Мой давнишний друг Баграг Назарян, узнав о том, что Тигран вынужден поменять билет с тем, чтобы улететь немного раньше экипажа, взялся за решение этой почти неразрешимой задачи. Зная Баграта, я был совершенно спокоен за Тиграна. Дело в том, что Баграг десятки раз в суровые годы войны летал с миссией Кокс во фронтовой Арцах.

...28 августа 2005 года. Дашнакский клуб «Навасард». В каждый мой визит в Лондон я непременно посещал этот клуб, где

обычно проходят бурные дебаты хозяев с гостями. Здесь следует держать ухо востро. Вопросы задают как правило колкие, с подковырками, хотя и не всегда со знанием дела. Речь обычно идет о ситуации в Арцахе, в самой Армении, об отношениях между властью и оппозицией. Однако на сей раз все было по-другому. Вначале показали фильм о первом этапе плавания, чем поставили все точки над «i». Аудитория осознала главное: «Киликия» — это не просто путешествие, круиз, спорт. Как выразился ведущий вечера, один из активистов скаутского движения партии Дашнакцутюн Грач Погосян: «Киликия» — это цепь, состоящая из звеньев разных эпох истории нашего народа». Образное сравнение понравилось присутствующим.

* * *

В десять утра 29 августа вся команда собралась в клубе «Навасард». К одиннадцати должны были подъехать посол Армении в Великобритании Ваге Габриелян, сотрудники посольства и активисты партии Дашнакцутюн во главе с Джорджем Ованесяном. Это была последняя встреча в Лондоне и, можно сказать, самая важная из всех, если учесть, что были на ней и посол Армении и авторитетные деятели общины. На прощание разговор в основном шел о судьбе судна. Если после первого этапа мы расстались с «Киликией» на полгода, то сейчас, в связи с тем, что рано стартовали и соответственно рано финишировали, разлука наша продлится девять месяцев. Тут есть над чем призадуматься и о чем побеспокоиться.

Пока в аэропорту наши лондонские друзья возились с проввой билетов и паспортов, с целой горой рюкзаков и перевязанных крест-накрест коробок, «полосатые» киликийцы в одиночку и небольшими группами бродили по просторному залу с зеркально гладким полом. Вдруг я обратил внимание, что недалеко от очереди пассажиров стоит Карен Балаян, прильнув щекой к мраморной колонне. Я подошел к нему. Ничего не говоря, встал рядом. Он продолжал молчать, не скрывая грусти.

— Что-нибудь случилось? — тихо спросил я.

— Я не могу, — сказал он, — честно говоря, неловко признаться, но плакать хочется...

— Ты думаешь о «Киликии», — я не спрашивал, я утверждал.

— В прошлом году я был так спокоен, что ни минуты не переживал за судьбу «Киликии».

— Понимаю, для тебя она как дитя. Конечно, на острове святого Лазаря судно находилось буквально под носом у наших

братьев, да еще каких братьев! Один аббайр Егия чего стоит. Портсмут, конечно, далеко от Лондона. Но все же здесь такое количество соотечественников. Здесь наше посольство. Здесь леди Кокс...

— Я все это понимаю, — кажется, Карен начал приходить в себя, — и на душе у меня не столько тревожно, сколько печально от самого факта расставания. Через минуту-другую мы поднимемся в воздух, а она...

— А она, — перебил я его, — помашет нам рулевым веслом и пожелает не только счастливого полета и приземления в Ереване, но и счастливого возвращения в Портсмут. Так что давай-ка, капитан, покажи всем свою улыбку, символизирующую флаг корабля.

И Карен улыбнулся. Мы коснулись друг друга бородастыми щеками и двинулись к ребятам.

* * *

Тур Хейердал, подбирая свою команду, придерживался принципа Цицерона: «Дружба может быть прочна только при зрелости ума и возраста. Дружба может соединить только достойных людей. ...Для сохранения ее порой приходится сносить и обиды». Удивительно, как этот древний политический деятель, оратор и писатель в трех коротких фразах определил и обозначил суть и смысл дружбы, которая поистине является солью жизни. Цицерон, думаю, имел в виду людей, в первую очередь, спаянных общей целью, общей идеей. У нас есть еще один член экипажа, а это значит — еще один друг. Это — само судно, на борту которого ничего не написано, но это только так кажется. Я не раз каким-то внутренним зрением видел на его борту памятную запись о том, что настоящий друг — это тот, кто всякий раз, когда ты в нем нуждаешься, об этом не просто догадывается, а готов немедленно придти на помощь.

И, может, эта «бортовая» философия дружбы спасала нас и «Киликию» от беды в самые тяжелые и ответственные моменты. С самого начала, еще до того, как мы на трейлере тащили судно, как бурлаки, по горам Армении и Грузии, я обратил внимание на сплоченность экипажа. Помнится, во время плавания (это было месяца через два после старта первого этапа) Арик выудил из Интернета какой-то аналитический материал о судьбе Армении. Такое впечатление, будто автор (армянин) не скрывал своей радости оттого, что в Армении резко упал курс доллара. Кто-то из наших молодых матросов вслух выразил удивление: «Разве

можно радоваться общей беде?» И я записал тогда в блокноте: «И все-таки ребята на борту “Киликии” чистые».

* * *

Я сидел в последнем ряду лайнера. Место рядом со мной оказалось свободным.

Все тринадцать членов экипажа погостили «на Камчатке» — так успели назвать мой последний ряд. Со всеми я успел поговорить, всякий раз ощущая, что мы и впрямь породнились на веки.

* * *

Возможно, будь на борту «Киликии» другой экипаж, было бы куда меньше аварий, куда выше были бы спортивные успехи, а стало быть, куда быстрее и благополучнее добирались бы мы до каждого порта. Однако, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. И судьбе было угодно, чтобы экипаж оказался таким, какой он есть: прошедшим на «Киликии» по «семи морям»; убедившим мир, что дороги отцов — наши дороги; упорно шедшим к океану и проплывшим весь Бискайский залив.

Я думаю, если бы мы объявили конкурс на тему «Что есть член экипажа?», то, несомненно, победил бы Аристотель, который считал, что человек по природе своей есть существо общественное, а стало быть, матрос на корабле — существо «экипажное». И если верно то, что экипаж (особенно в ходе плавания) есть понятие феноменальное, то феноменальным (особенно в ходе плавания) является и матрос, который, будучи личностью, оказывается неповторимым, как армянский хачкар. Философ Сергей Булгаков каждого, кто появился на земле, называл «новым элементом в природе». И вот я обратил внимание, что ребята на судне, ничуть не углубляясь в философские дебри, жили по принципу: «Экипажное» благо — высший закон».

Чтобы жить нормально в экипаже, не думая о страхе и смерти, надо позволить каждому быть самим собой. Предположим, один не справляется со своими обязанностями, у другого нудный характер, он нытик, патологически обидчив, и если его открыто осуждать, ему ничего другого не останется, кроме как относиться ко многим товарищам как к смертельным врагам. Значит, нужно упорно добиваться того, чтобы каждый, оставаясь самим собой, чувствовал себя полноправным членом экипажа. Без этого не будет ни сплоченности, ни «сыгранности».

Добрый и мужественный писатель Леонид Гурунц часто в педагогических целях рассказывал притчу о том, как молот справлялся у реки, мол, почему это у него при обработке камня получается с зазубринами, угловатым, а вот у воды все гальки и валуны такие гладкие, с шелковистой поверхностью. И река ответила, что молот бьет, а вода ласкает. Но притчу Гурунца надо воспринимать философски, понимая, что экипаж корабля дальнего плавания — это вам не институт благородных девиц. Речь идет о сознательной дисциплине, которая и является истинной свободой. Дисциплина порождает порядок, без которого не достигнешь цели. А порядок является корнем слова «порядочность». И только порядочный человек может быть влюблен в море как безумный, но вовсе не как дурак.

* * *

Колеса шасси гигантского воздушного корабля коснулись поверхности бетонной дорожки так мягко и так плавно, что пассажиры еще долго не могли осознать факт своего приземления. С каждым метром все медленнее и медленнее плывет лайнер по штилевой поверхности аэродрома. Дружные аплодисменты сменились громкими возгласами пассажиров, среди которых находились тринадцать моряков, одетые в черные штормовки поверх полосатых тельняшек.

Долго еще длился «земной» путь самолета, который плавно сделал разворот, остановился на миг, чтобы медленно продолжить движение к стоянке. Такое было ощущение, что мы находимся на борту «Киликии» и с черепашей скоростью приближаемся к стенке причала очередного порта. У него и название есть — Ереван... Там нас ждут родные. Как и в прошлом году, будут и журналисты. Зададут множество вопросов. Кто-то непременно спросит, нужно ли рисковать жизнью, когда известно, что многие суда терпят кораблекрушения. И я вспомню, как однажды, после возвращения из длительного речного и морского плавания в Петропавловске-Камчатском, у трапа самолета журналист из «Камчатского комсомольца» задал мне подобный вопрос и я решил проиллюстрировать свой ответ словами прекрасного венгерского поэта Дьюлы Ййеша: «И не страшно тебе восходить на корабль? Ведь столько людей погибло при кораблекрушениях!» Это логика обывателя. «А тебе не страшно ложиться в постель? В постели умерло еще больше людей». Таков ответ моряка.

Это, конечно, философия романтики, без которой жизнь похожа на пасмурный морозящий день. А «Киликия» — это не

только романтика. Это, скорее, дым отечества, который и горячее, и ярче огня чужбины. Мы в этом убедились, встречаясь во многих странах с нашими соотечественниками. Мы видели, как сияют их лица, когда они ласкают руками борт «Киликии»; мы видели, как они, не скрывая слез, целуют край полотнища армянского флага...

* * *

30 августа 2005 года. Ереван. Аэропорт «Звартноц». Отсюда в апреле экипаж отправился на остров Святого Лазаря, где нас ждала «Киликия». Мы не были дома сто двадцать два дня. Когда мы вышли из самолета, я посмотрел на гаснущие звезды предутреннего неба и вспомнил, что и тогда, сто двадцать два дня назад, мы оставили Ереван в предутреннюю пору. И тогда, помнится, на востоке рождалась заря и звезды начинали угасать. В природе многое изменилось за эти сто двадцать два дня. И в то же время все успело вернуться на круги своя. Как тут не вспомнить Уильяма Сарояна, который после встречи с астрофизиком Григором Гурзадяном в Гарнийском институте космических исследований уяснил для себя, что даже звезды в разные периоды (речь идет о миллионах и миллионах лет) «выглядят» по-разному. Великому писателю пришлось по душе образность, с которой рассказывал великий ученый о звездах. Вот как пересказал, вернее, по-своему истолковал Сароян слова академика Гурзадяна: «Григор говорил мне, что мы имеем разное представление о звездах не потому, что они такие уж разные сами, а потому, что наблюдаем в разное для их жизни время». И, видимо, заметив что я заскучал от собственного тугодумия, он сказал: «Представьте, мы наблюдаем дерево зимой. Оно — высохшее, словно мертвое. Но весной оно совсем другое: какое-то певучее, покрытое бело-розовым облаком. И уж совсем другое это же дерево в конце лета или в начале осени. В нем уже есть что-то ветхозаветное. И висят плоды, как игрушки в сочельник на елке. Конечно, если человек увидит три столь разные яблони одновременно, то вряд ли подумает, что это одно и то же дерево. Яблони — звезды... Это великолепно!»

Собственно, то же самое можно увидеть в философском автопортрете Мартироса Сарьяна, изобразившего себя на одном полотне в трех разных возрастах. Разные они, эти Сарьяны. Но все вместе и есть единое целое, единый феномен, имя которому — Мартирос Сарьян. Итак, каждый из нас, простых смертных, подобно звездам на небе, разный в разное время. И в то же время «единый» и «целостный».

Улетели одними, вернулись через сто двадцать два дня совершенно другими. Улетели с мечтой об океане, вернулись с уже осуществленной мечтой. Однако со мной лично перемены произошли куда большего масштаба. Я вернулся качественно другим. Я улетел, оставив в Ереване четырех внуков, а вернулся к пятерым. И первое, что я сделал, — посетил двенадцатидневную внучку Мери. В эту минуту дочка моя, Лусине, подарившая нам три года назад внука Левона, кормила грудью новорожденную. Она напоминала сошедшую с хрестоматийных полотен Мадонну с младенцем. В этом единстве и целостности образа Мать и дитя было что-то библейское. Завидя меня, дочь засияла, не скрывая своей радости и счастья от сознания того, что отец вернулся живой, с огромной седой бородой на загорелом лице. Я стоял неподвижно в трех метрах от дочери, точнее, от кормящей матери. Мне хотелось как можно быстрее обнять и поцеловать в щечку дочь, осторожно взять внучку на руки, но я стоял как вкопанный. Лусине, не переставая счастливо улыбаться, продолжала смотреть на меня огромными черными глазами, то и дело переводя взгляд на ребенка. Потом, повернув голову, тихо сказала: «А знаешь, вчера по телевидению одна старушка, не знаю по какому каналу, ласково сказала о суде: «Наша Киликия».

Я привычно бросил мое стандартное «цвет танем!» («чтоб я взял твою боль себе!») и с какой-то первозданной радостью подумал: сколько естественности в том, что мать ни на долю секунды не отрывается от кормления ребенка, от этого поистине божественного таинства. Подумал я и о том, сколько опять же естественности в том, что я сам не могу позволить себе приблизиться к родной дочери в такой вот, опять же божественный, миг. Все, что происходило со мной, невозможно описать словами. Это можно только прочувствовать. И я подумал о том, что в эти минуты моя дочь, убежден, как и все матери на земле, является тем самым **БОЖЕСТВОМ**, которое неведомо атеистам. Тут я уже верующий фанатик.

Когда крохотная Мери, наевшись, уснула, мать уложила дочь на кровать, осторожно накрыв ее цветастым одеялом, и стремглав бросилась ко мне. Я крепко обнял ее, поглаживая по спине и все повторяя: «Цвет танем! Цвет танем!» Прижавшись щекой к моей бороде, она вдруг как-то серьезно спросила: «А как себя чувствует наша “Киликия”?»

— Цвет танем!